ISSN 1998-5053

Федеральное агентство по образованию

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 6 (100). Май, 2009

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук, ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Сохранены типографская верстка и оформление обложки журнала 1947–1975 гг.
© ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2009

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)

З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Federal Educational Agency

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 6 (100). May, 2009

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Addres
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

The cover, proof correction, and proof page has been preserved since 1947–1975
© FEA «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2009

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
«Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ларичев А. А.
Государственный язык как институциональный элемент конституционно-правового статуса Республики Карелия 7

Кавасми Б. А.
Особенности государственного устройства и политико-правовой системы в Израиле и Палестинской автономии 11

ИСТОРИЯ

Дианова Е. В.
Исторический обзор кредитно-кооперативного законодательства России (конец XIX века – середина 1920-х годов) 19

Пашков А. М., Третьякова Ю. П.
М. А. Кастрен на Кольском Севере 28

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Савватеев Ю. А.
Страницы культурно-музыкальной жизни Карелии 30-х годов XX века 38

Ижикова Н. В.
Инновационный потенциал культурологической методологии в теории культурной политики 45

ПОЛИТОЛОГИЯ

Алешкина А. С.
Основные принципы политики Канады в Арктике 49

ФИЛОЛОГИЯ

Мишин А. И.
Эпос «Калевала» – литературное произведение XIX века 56

Лызлова А. С.
Вепсский сказочник Ф. С. Смирнов 65

ФИЛОСОФИЯ

Пивоев В. М.
Слово как субстанция духа 70

Кабанова Л. И.
Экзистенциальные черты мировоззрения русского авангарда 75

Волкова С. В.
Философско-психологический и педагогический подходы к обоснованию категории «смысл» 80

ЭКОНОМИКА

Ревайкин А. С.
Самодостаточность консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района 86

Левкин Н. В.
Функции и механизм управления организационной культурой системы предпринимательства 91

РЕЦЕНЗИИ

Неёлов Е. М.
Рец. на кн.: Колесова Л. Н. Детские журналы России. XX век 101

ДИСКУССИИ

Маевский В. И., Акулов В. Б.
К вопросу о причинах мирового финансового кризиса 103

ПАМЯТЬ

Гин И. М., Лойтер С. М.
Моисей Михайлович Гин.
К 90-летию со дня рождения 107

Научная информация 110

Юбилеи
К 75-летию со дня рождения
Л. Н. Колесовой 113
К 60-летию со дня рождения
Р. Н. Дусаева 114

Информация для авторов 115

Contents 116

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 15.05.2009. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. №136

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Май, № 6 **Государство и право** **2009**

УДК 342.725

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАРИЧЕВ
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и конституционного права юридического факультета ПетрГУ
larichev@petrsu.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Одной из особенностей правового положения республик в составе Российской Федерации является их право устанавливать собственные государственные языки. Вместе с тем применение этого права на практике не всегда обоснованно, поскольку повседневное использование языка титульной нации республики (в частности, Карелии) может быть ограниченным. Какой статус в этом случае должен иметь язык (языки) титульной нации республики? Как обеспечить его (их) охрану и развитие?

Ключевые слова: конституционно-правовой статус республик в составе РФ, государственный язык, национальная культура, национально-культурная автономия

Республика Карелия как субъект Российской Федерации обладает определенным конституционно-правовым статусом, который отражает совокупность ее прав, обязанностей и гарантий как субъекта Российской Федерации.

Прежде всего, в структуру статуса субъекта РФ входит особая группа так называемых институциональных элементов, присущих субъекту РФ как государственно-правовому явлению (символика, официальное наименование и т. д.). Не вызывает сомнений то, что эти элементы являются неотъемлемыми, имманентно присущими характеристиками субъекта РФ. Подтверждение этому можно найти в Постановлении Конституционного суда РФ от 14 июля 1997 года по делу о толковании части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации, где суд в одном из своих выводов перечислил ряд элементов статуса автономного округа как субъекта РФ – территория, население, система государственных органов, устав, законодательство и т. д. [9].

Среди институциональных элементов конституционно-правового статуса субъекта РФ – республики – можно выделить и такой, как государственный язык (языки) [10]. При этом общего законодательного определения понятия «государственный язык субъекта РФ» в Российской Федерации не существует. В специализированном Федеральном законе от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [1] дается лишь определение государственного языка Российской Федерации, который «является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве» (п. 4 ст. 1).

Согласно научному определению, государственный язык представляет собой одну из функциональных разновидностей языка нации, употребляемую в сферах организованного общения (официальных сферах) и имеющую соответствующий юридический статус [18; 115]. Это опре-

© Ларичев А. А., 2009

деление применимо в отношении как государственного языка Российской Федерации, так и государственных языков республик в составе РФ.

Конституционно-правовое регулирование вопросов, связанных с установлением и функционированием государственных языков в субъектах РФ, осуществляется прежде всего ст. 68 Конституции РФ. Согласно ч. 2 ст. 68 Конституции РФ, «республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации». Данные конституционные положения частично воспроизводятся и в Законе Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [4].

В конституциях Карельской Автономной Советской Социалистической Республики 1957 и 1978 годов с изменениями, внесенными в 1984 году и с 1989 по 1993 год, присутствовали положения об обязательности публикации всех решений органов государственной власти на русском и финском языках, возможности выбора одного из них при ведении дел в судопроизводстве, равном их использовании в символике [11], [12].

В настоящее время, согласно ч. 1 ст. 11 Конституции РК (в редакции 2001 года), государственным языком в Республике Карелия является русский. Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума.

Возможность придания карельскому языку статуса государственного широко обсуждается общественностью Карелии. Как отметил председатель Совета уполномоченных республиканского Съезда карелов Виктор Богданов, неопределенность нынешнего статуса карельского языка остается одним из главных препятствий в реализации мер его государственной поддержки [14]. «Все пять съездов представителей карельского народа, проходившие в нашей республике, высказывались за придание карельскому языку статуса второго государственного языка, но Карелия по-прежнему является единственной республикой в Российской Федерации, где язык титульного народа не имеет государственного статуса» [14], – заявил В. Богданов на проходившей в июне 2007 года конференции по проблемам сохранения и развития карельского языка [17].

Следует вместе с тем отметить, что сложившееся положение в сфере государственных языков республики вызвано численностью населения титульной нации – карелов, которые составляют лишь 10 % от общей массы населения РК [16]. Для остальных граждан РФ, проживающих на территории Карелии, утверждение карельского языка в качестве государственного явилось бы ненужным обременением.

В любом случае введение дополнительного государственного языка является правом, но никак не обязанностью республики. Данный вопрос должен решаться всем населением с использованием конституционно закрепляемых форм непосредственной демократии. Что же касается государственной поддержки карельского языка, то она уже обеспечивается комплексом мер, установленных Законом Республики Карелия № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» [6].

Безусловно, мировой тенденцией сегодня является ассимиляция языков малых народов. Россия в этом процессе не является исключением. Поглощение языка ведет к деградации национальной культуры в целом, поэтому сегодня вопрос поддержки языков должен рассматриваться в рамках более широкого вопроса о поддержке культуры малых народов, проживающих на территории Российской Федерации. Государство неоднократно подтверждало приверженность курсу развития культурного разнообразия [13], однако на сегодняшний день по-прежнему нет единой концепции форм поддержки и развития национальных культур в РФ.

Представляется, что в эту концепцию могло бы быть включено направление по развитию национально-культурных автономий. При этом данная форма самоорганизации граждан нуждается в оптимизации. На сегодняшний день вопросы создания и функционирования национально-культурных автономий регулируются Федеральным законом от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [3]. Данный закон определяет национально-культурную автономию в Российской Федерации как форму национально-культурного самоопределения, представляющую собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в положении национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. При этом национально-культурная автономия определяется как вид общественного объединения (ст. 1). Несмотря на определенные позитивные моменты, связанные с принятием и реализацией данного закона, многие правоведы сегодня характеризуют его достаточно критически.

По мнению некоторых специалистов, в законе есть несколько требующих восполнения пробелов. Так, Т. Я. Хабриева отмечает отсутствие права иностранных граждан и лиц без гражданства создавать национально-культурные автономии на территории РФ [20; 7]. Не решен и вопрос о том, может ли гражданин РФ быть одно-

временно членом сразу нескольких национально-культурных автономий. Существуют определенные сложности, связанные с организационным построением национально-культурных автономий: неясна роль общественных объединений, учреждающих автономии; непонятно соотношение уровней национально-культурных автономий и влияние нижестоящих уровней на организацию вышестоящих (например, установлен количественный состав, необходимый для организации только федеральных автономий) [19], [20; 7].

Другие правоведы полагают, что потенциальные возможности и формы организации национально-культурной автономии «переросли» содержание рассматриваемого закона, и его ограничительное понимание национально-культурной автономии как общественной организации препятствует развитию указанного института в целом.

Например, И. А. Конюхова выражает несогласие с позицией ученых, которые считают национально-культурную автономию приемлемой лишь в отношении разрозненно живущих этносов [15; 39]. Действительно, в настоящее время увеличивается количество компактно проживающих национальных общностей, что не может не влечь за собой расширение понятия национально-культурной автономии за счет добавления принципа территориальности. Фактическим выражением этой тенденции является включение в ряд основных законов субъектов РФ понятия национальных муниципальных образований. Так, Законом Республики Карелия от 21.03.2003 № 661-ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Карелия» [7] в Конституцию РК введено положение: «В Республике Карелия могут быть образованы национальные муниципальные образования» (ч. 2. ст. 10).

Решение вопроса об административно-территориальном делении находится и, несомненно, должно оставаться в ведении субъекта РФ. Поэтому неправомерным и нецелесообразным представляется включение в федеральное законодательство норм, императивно принуждающих субъекты РФ выделять территории под образование каких-либо национально-территориальных единиц. Однако в рамках организации системы местного самоуправления, где критерии федерального законодателя предусматривают при создании муниципальных образований учет исторических и иных местных традиций [2], субъекты РФ могли бы в пределах своей компетенции содействовать созданию национальных образований.

Пока же тенденция скорее обратная. В Карелии, например, в ходе муниципальной реформы под предлогом несоответствия экономико-инфраструктурным требованиям, предъявляемым к муниципальному району, была упразднена Вепсская национальная автономия [5], существовавшая с 1994 года [8], которая немало способствовала реабилитации и развитию вепсского языка и росту интереса к вепсской культуре.

Таким образом, подход к защите и сохранению национальных языков и национальной культуры должен быть комплексным, осуществляться в равной степени как на федеральном, так и региональном и местном уровнях. При этом законодатель не должен довольствоваться уже имеющимися в данной области правовыми механизмами, ему следует рассматривать новые формы оптимизации защиты и развития национальной культуры и национальных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2005. № 23. Ст. 2199.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.
4. Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.
5. Закон Республики Карелия от 01.12.2004 № 825-ЗРК «О муниципальных районах в Республике Карелия» // Собрание законодательства Республики Карелия (СЗ РК). 2004. № 12. Ч. I. Ст. 1392.
6. Закон Республики Карелия № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» // СЗ РК. 2004. № 3. Ст. 251.
7. Закон Республики Карелия от 21.03.2003 № 661-ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Карелия» // СЗ РК. 2003. № 2 (март). Ст. 207.
8. Постановление Верховного Совета Республики Карелия от 20.01.1994 № XII-23/625 «Об образовании Вепсской национальной волости» // Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1994. № 3–4. Ст. 625.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5877.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2004 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан “О языках народов Республики Татарстан”, части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан “О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан”, пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан “Об образовании” и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2004. № 47.
11. Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1957.

12. Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1978.
13. Выступление Президента РФ В. В. Путина на встрече с руководителями Международного консультативного комитета финно-угорских народов и Ассоциации финно-угорских народов России 19 июля 2007 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2007/07/19/2150_type63376_138135.shtml.
14. Карелы не забыли о статусе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stolica.onego.ru/news_folder.php?itemId=99090, свободный.
15. Конюхова И. А. Структура Российской Федерации: современное состояние и перспективы совершенствования // Государство и право. 2007. № 2.
16. Официальный сервер органов государственной власти Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/gov/Different/karelia.html, свободный.
17. Программа республиканской научно-практической конференции «Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы». 26–27 июня 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.petrsu.ru/Announce/070607/karel_progr.doc, свободный.
18. Трушкова Ю. В. Проблемы использования современной социолингвистической терминологии // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М.: РАН, Институт языкознания РАН, 1994.
19. Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 5–16.
20. Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в системе российского федерализма: правовой аспект // Государство и право. 2006. № 9.

Май, № 6 **Государство и право** **2009**

УДК 342

БАССАМ АХМЕД КАВАСМИ
аспирант кафедры международного конституционного права юридического факультета ПетрГУ
Adv.bassam@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ИЗРАИЛЕ И ПАЛЕСТИНСКОЙ АВТОНОМИИ

Данная статья посвящена основным особенностям государственного устройства и правой системы Израиля и Палестинской автономии на современном этапе. Рассматриваются правовые аспекты деятельности названных государств. Анализируются преимущества и недостатки в законодательстве этих стран.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, Восточный Иерусалим, конституция, ХАМАС, ФАТХ, Верховный суд

Государство Израиль – парламентская республика. Создание государства было провозглашено 14 мая 1948 года в соответствии с планом раздела Палестины, принятым Организацией Объединенных Наций. Глава государства – президент, которого избирает кнессет на пять лет тайным голосованием. Согласно действующему законодательству, президент практически не обладает реальными властными полномочиями, он служит одним из символов государства и выполняет представительские функции. Единственные полномочия президента – утверждать новый состав правительства после выборов (если президент его не утверждает, то должности в правительстве перераспределяются) и амнистировать заключенных (каждый гражданин Израиля, попавший в тюрьму, может один раз в жизни попросить президентскую амнистию). Высший орган законодательной власти – кнессет – однопалатный парламент, который состоит из 120 депутатов. Первый состав кнессета начал свою работу после всеобщих выборов в январе 1949 года [12; 19]. Центральный орган исполнительной власти – правительство, возглавляемое премьер-министром.

Высший орган судебной власти – Верховный суд (Высший суд справедливости). Он является последней инстанцией для рассмотрения гражданских и уголовных дел, а также действует как конституционный суд, принимая решения о соответствии отдельных законодательных актов основным законам.

Кнессет, резиденция президента, канцелярия премьер-министра, Верховный суд, как и большинство министерств и правительственных учреждений, находятся в Иерусалиме.

Исполнительную власть в городах осуществляют мэры, избираемые прямым голосованием. Муниципальные советы избираются прямым голосованием по партийным спискам и участвуют в руководстве, а также контроле за исполнительной властью. В поселках и деревнях – местные советы, региональные советы руководят группами небольших населенных пунктов.

Создание Государства Израиль, играющего важную роль в современной мировой и регио-

© Кавасми Б. А., 2009

нальной политике, стало одним из знаменательных событий XX века. По сей день оно не прекращает оставаться неординарным и во многом уникальным государственно-правовым образованием, не имеющим аналогов в мире. Становление Израиля как государства, равно как и формирование его конституционно-правовой системы, проходило в сложных и специфических условиях. Неоднозначно отношение к нему в мире и по сей день. Для некоторых появление этого государственно-правового образования на Ближнем Востоке представляется исторической несправедливостью, у других факт его существования вызывает разную реакцию: от безмерного обожания до полного отрицания. Все это указывает на то, что исследование израильской конституционно-правовой системы имеет не только важное научное значение, но и представляет значительный практический интерес.

В отечественной и зарубежной научной литературе нет недостатка в публикациях, в которых затрагиваются вопросы, касающиеся ближневосточного урегулирования, и излагается израильская позиция по этому вопросу. Однако вплоть до настоящего времени Израиль, как ни странно, остается малоизученным и слабоисследованным как у нас, так и за рубежом, с конституционно-правовой и политологической точек зрения. Практически в тени остаются происходящие в израильском обществе внутриполитические процессы, особенности и специфика становления и развития его политической системы, деятельность основных государственно-правовых институтов. В самом Израиле лишь в последний период появились работы, в которых анализируются проблемы идентичности израильской нации, правозащитной деятельности, религиозно-правовая тематика, положение национально-этнических групп, главным образом палестинских арабов, специфика правового положения и функционирования органов власти и управления.

Одной из характерных черт современной израильской политической жизни является наличие в его обществе двух во многом противоречивых направлений развития: с одной стороны, усиление влияния иудейских ортодоксов, а с другой – появление светских интеллектуалов, впервые поставивших под сомнение теорию и практику лидеров сионистского движения и создателей израильского государства. На сегодняшний день анализ этого явления представляется весьма важным, так как, в соответствии с официальной доктриной, израильское государство является одновременно «еврейским и демократическим», что не может не быть предметом серьезной полемики в среде израильской политической и академической элиты. Научной разработки требует изучение деятельности израильских государственных структур с акцентом на правовую сторону, в частности, через призму обсуждения конституционного вопроса, которое ведется в Израиле на протяжении всего периода его существования, и важной роли в политической и государственно-правовой жизни страны Верховного суда. Нельзя не признать, что в Израиле последовательно, хотя и медленно, устанавливается во многом оригинальная форма демократического устройства.

В последние годы изучение политической и конституционно-правовой систем Израиля становится актуальным и в силу проживания в нем многочисленных выходцев из бывшего СССР, которых в настоящий момент насчитывается более миллиона человек. Постепенно этот фактор становится одним из определяющих как внутренней, так и внешней политики страны. Он накладывает особый отпечаток на состояние и развитие российско-израильских отношений и настоятельно требует исследовательской работы отечественных ученых. Кроме того, знание политико-правовой стороны жизни израильского общества позволяет не только глубже понять сущность событий, происходящих на Ближнем Востоке, но и прийти к выводу о том, что разрешение имеющих драматический характер израильско-палестинских противоречий возможно лишь на мирных и справедливых началах.

Под конституционно-правовой системой Государства Израиль обычно понимается совокупность основных конституционных институтов, в первую очередь, правового статуса личности и высших органов государственной власти и управления в их диалектическом развитии и единстве с акцентом на исследование двух главных слагаемых конституционного права – человека, его прав и свобод, с одной стороны, и государства и осуществления публичной власти – с другой.

Хорошо известно, что законодательное регулирование основных прав и свобод человека и гражданина получило широкое распространение в ведущих западных странах сразу после окончания Второй мировой войны, когда в их конституции и другие нормативные акты были включены специальные положения, в которых нашла свое отражение правозащитная проблематика. Постепенно во всем мире права человека не только стали важной юридической дефиницией, но и приобрели острое политическое звучание.

«Положение личности в обществе, основные права, свободы и обязанности граждан регламентируются нормами конституционного права. Обеспечение прав и свобод граждан составляет главный смысл демократического правового государства, но степень развитости этого института обусловлена многими особенностями социально-экономического положения, политического режима в каждой стране», – пишет член-корреспондент РАН М. В. Баглай [10; 78].

Основа правового статуса личности, а в определенных аспектах и гражданина (например, по вопросам избирательного права) в значи-

тельной степени определяется международным правом, его общепризнанными принципами и нормами. Профессор В. Е. Чиркин, ссылаясь на международное право, делает следующие важные выводы: 1) внутреннее законодательство не может противоречить зафиксированным в международных актах основным правам человека и общечеловеческим ценностям; 2) нет абсолютной свободы и абсолютных прав; они могут быть ограничены, но только на основе закона... и в точно определенных целях (сохранение общественного порядка, публичной морали, здоровья населения и т. д.); 3) запрещается злоупотребление правами, то есть использование их с целью нанесения ущерба правам и законным интересам других физических и юридических лиц; 4) права личности ограничены правами других лиц [15; 51].

Эти положения имеют особое значение для понимания функционирования институтов израильской политико-правовой системы, носящей, благодаря ряду причин, уникальный и своеобразный характер. Израиль, по общему мнению, стал своего рода «полигоном и лабораторией», где апробируются не только общепринятые конституционно-правовые доктрины и положения, но и зарождаются теория и практика правовых актов и явлений, не имеющих аналогов в мире. Это в полной мере относится к такой практически не изученной в отечественной юридической литературе проблеме, как правовой статус личности, его основы, особенности и специфика.

В силу различных факторов, связанных с образованием Государства Израиль и его деятельностью, эти вопросы в конце 1980-х – начале 1990-х годов оказались в эпицентре израильской политико-правовой жизни. Этот факт отнюдь не означает, что в области прав личности Израиль оказался не столь развит. Наоборот, несмотря на то что израильские политики и правоведы начали вплотную заниматься проблемами прав человека позднее, чем их коллеги в западных странах, они достигли весьма заметных результатов в изучении вопросов, имеющих правозащитную направленность. Поэтому знакомство с практикой и опытом, существующими в этой области в Израиле, представляется весьма важным и полезным как в научно-теоретическом, так и в практическом планах, поскольку речь идет о демократизации политической системы неоднородного общества в условиях непростой и своеобразной внутриполитической обстановки.

В конституционно-правовой системе любой страны высшие органы государственной власти занимают центральное место и играют в ней весьма существенную роль. Они оказывают важное и непосредственное влияние на функционирование политической системы общества, всех ее основных компонентов. Именно отсюда проистекает тот интерес, который проявляют к данному государственно-правовому институту политические и государственные деятели, юристы, политологи и представители широкой общественности. Без знания правового и фактического положения парламента, главы государства, главы правительства, высшего судебного органа и их полномочий нельзя комплексно судить о внутренней и внешней политике того или иного государства.

С точки зрения конституционного и международного права Израиль представляет собой специфическое государственно-правовое образование, создание которого явилось результатом деятельности сионистского движения и политики ведущих держав мира. Оно было создано в соответствии с Резолюцией 181/11 от 29 ноября 1947 года Генеральной Ассамблеи ООН [1], одновременно предусматривающей провозглашение арабского государства в Палестине. Совет Безопасности ООН в Резолюции 1397 от 13 марта 2002 года [6] впервые высказался за существование двух государств – Израиля и Палестины – в четко определенных и признанных границах.

Отечественная дипломатия на первоначальном этапе обсуждения палестинского вопроса в ООН выступала за единое арабо-еврейское государство в Палестине. Впоследствии в силу сложившихся международных и региональных обстоятельств и условий она согласилась на создание на палестинской территории двух самостоятельных государств: еврейского и арабского.

Правовая система Израиля имеет специфический характер. Она сложилась в результате нормотворческой деятельности сионистских организаций и учреждений Ишува (еврейской общины в Палестине) на основе еврейского права, под влиянием оттоманского права и британского мандатного законодательства. Источники израильского права напрямую связаны с уникальными особенностями создания самого государства, в котором перемешаны различные правовые культуры и традиции.

Отсутствие писаной в Израиле конституции объясняется внутри- и внешнеполитическими причинами, в том числе резко отрицательной позицией религиозных кругов. Принятие кнессетом «резолюции Харари», которой предусматривалось создание комиссии для выработки конституции государства, имело как раз противоположную цель. В настоящее время конституционными основами израильского государства являются принимаемые кнессетом в качестве Учредительного собрания основные законы. На практике функции конституции выполняет свод основных законов, регламентирующих основные вопросы государственного устройства, прав и свобод граждан.

Согласно решению кнессета от 15 июня 1950 года (так называемый «компромисс Харари»), после того как кнессет примет постановление о том, что все необходимые основные законы приняты, они при добавлении соответствующей вводной части составят Конституцию Государства Израиль.

Важное значения для становления и деятельности основных государственно-правовых институтов имеет Декларация независимости Государства Израиль, принятая 14 мая 1948 года. Ее влияние на политико-правовую жизнь в стране остается чрезвычайно большим. С 1994 года Декларация независимости получила правовой статус. Она не содержит, однако, императивных положений и норм и, следовательно, не может служить писаной конституцией, на чем настаивает часть израильских юристов.

Некоторые склонны считать конституцией Декларацию независимости, так как в ней указаны основы создания государства, его характер, некоторые его органы, принципы работы государства и права его граждан. Но на основании множества судебных решений Верховный суд постановил, что Декларация независимости не имеет силы конституционного закона и не является высшим законом, в свете которого отменяются законы и постановления, противоречащие ему [7; 144–162].

Еще до создания государства руководство национального совета назначило комиссию по вопросам конституции во главе с Зерахом Верхаптигом («ха-Мизрахи»), но уже на первом заседании комиссии стало ясно, что работа не будет легкой. В кнессете 1-го созыва состоялось несколько обсуждений этой темы.

В пользу принятия конституции приводились следующие аргументы: основатели государства обязались принять конституцию и объявили об этом в Декларации независимости; существует необходимость в документе, который был бы обязательным для всех государственных органов страны, включая законодательные, и являлся бы основой для упорядочения жизни страны; необходимо уважать решение ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года, которое обязало Учредительное собрание принять демократическую конституцию, включающую пункт о соблюдении основных прав граждан страны; в большинстве стран мира существует конституция; культурное и образовательное значение конституции, опираясь на которую, можно воспитывать молодое поколение – будущее государства; значение конституции в процессе «плавильного котла»; значение конституции Государства Израиль как результат революционных изменений в судьбе еврейского народа.

Основные аргументы противников конституции во главе с премьер-министром Давидом Бен-Гурионом и религиозными партиями звучали так: идея конституции возникла в предыдущие столетия на фоне социальных и экономических войн, которые сегодня уже не существуют; возможно, именно благодаря отсутствию конституции в Великобритании в ней столь сильны демократия и закон, а права человека соблюдаются не хуже, чем в странах, где существует конституция; Декларация независимости включает в себя основы любой прогрессивной конституции, а переходный закон от 1949 года, принятый Учредительным собранием, является исполнением обязательств государства перед ООН в этом вопросе; только небольшая часть еврейского народа живет в Израиле, поэтому государство не имеет права принять конституцию, которая к чему-то обяжет миллионы людей, еще не приехавших в Израиль; в связи со специфическими проблемами страны трудно достичь всеобщего консенсуса в сфере духовных принципов, формирующих образ народа и суть его жизни, и можно спровоцировать конфликт между различными культурными и религиозными направлениями; Государство Израиль находится в постоянном процессе формирования и изменения, а это не вписывается в жесткие рамки конституции.

После долгих споров 13 июня 1950 года кнессет решил принять предложение, известное как «Предложение Харари» (по имени депутата кнессета Изхара Харари из прогрессивной партии, внесшего его). Согласно этому предложению, Первый кнессет возложил на законодательную комиссию подготовку проекта конституции, составленной из отдельных глав, каждая из которых будет являться самостоятельным Основным законом [9].

Правовой статус личности, имея общедемократические черты, отличается исключительным своеобразием, что обусловлено уникальностью образования израильского государства, рядом исторических факторов и политических явлений. Израильтяне пользуются многими общепринятыми гражданскими и политическими правами, охраняемыми судебной властью. Наличие в стране постоянного чрезвычайного положения нередко используется властями для оправдания принимаемых ими мер, противоречащих современному пониманию прав человека и гражданина в мирное время. Это вынуждает израильские власти принимать особое законодательство, предусматривающее сознательное нарушение некоторых прав и свобод. Объясняя, но не оправдывая данную специфику, можно констатировать, что подобная законодательная практика не способствует демократизации израильского общества. Основные положения Декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948 года до последнего времени не находили полного отражения в израильской правовой системе. Особое место в израильском конституционном праве занимает институт гражданства, что связано с так называемым «еврейским вопросом», который регулируется специальным законодательством. Правовой статус личности в Израиле является по-своему неповторимым по сравнению с подобными институтами конституционного права в других странах. Принятие в 1992–1994 годах кнессетом, действовавшим на основании своих учредительных полномочий, двух принципиально новых основных законов, касающихся прав и свобод человека и гражданина, произвело настоящую революцию конституционного

статуса прав человека в Израиле. Одно из главных положений этих законодательных актов состоит в том, что принимаемые на основе чрезвычайного положения постановления гражданских и военных властей не могут наносить ущерб достоинству человека. Это изменение коренным образом преобразовало понятие прав человека, поскольку теперь эти права получили преференциальный правовой статус и содержатся в своде законов. Данные нормативно-правовые документы имеют чрезвычайно важное значение для дальнейшей демократизации израильского общества вообще и конституционно-правовой системы в частности. С их принятием Израиль стал государством, имеющим конституцию (но не в виде единого документа), в которой четко определены и прописаны права, имеющие высший нормативный статус.

Исключительно важную роль в политико-правовой жизни Израиля и его граждан играет религия. Израиль официально не является теократическим государством, хотя иудаизм насквозь пронизывает его государственно-правовую ткань, в значительной степени определяя морально-психологическое состояние общества. Эта религия ставит во главу угла не личность, а еврейский народ как общность. В стране действуют религиозные нормы, касающиеся взаимоотношений государства и религии, причем некоторые из них противоречат принципам демократии, принятым в странах с либерально-демократическими режимами. В сфере семейного права и ряде других областей применяется еврейское религиозное право (Галаха), отдельные нормы которого находятся в противоречии с основополагающими демократическими ценностями. Вопросы взаимоотношения между государством и религией еще до образования Государства Израиль были настолько важными, что привели к заключению между властными светскими структурами и религиозными организациями договоренностей о так называемом статус-кво, где определялись обязательства властей перед религиозными деятелями относительно гарантий по вопросам, касающимся статуса личности, образования, Кашрута, Шаббата. Компромисс в виде статус-кво стал квинтэссенцией и лейтмотивом всей израильской политико-правовой жизни. Светские руководители государства не могут согласиться с ситуацией, когда религиозные круги начинают вмешиваться в гражданские дела. Периодически предпринимаются попытки проведения «антиклерикальной революции» с целью упразднения привилегий ортодоксальным иудеям и принятия закона, ограничивающего права неевреев.

Религия в Израиле де-факто не отделена от государства. В последнее время появляется все больше свидетельств того, что страна движется в направлении, которое в будущем может привести ее к теократической форме правления. Имеющая место коллизия между светским правом и религиозным правом (еврейским и мусульманским) в израильском государстве подтверждает универсальный характер тезиса о том, что в настоящее время в мире либерально-гуманистические ценности переживают кризис, а влияние религиозной традиции, наоборот, усиливается, включая ее правовые аспекты.

С точки зрения конституционного права большое значение имеет выяснение сути дефиниции «еврейского характера и демократического характера» израильского государства, закрепленной в местном законодательстве. Среди израильских юристов и политологов не утихают дискуссии относительно того, насколько правомерно данное определение. Часть израильских юристов считает, что этот термин не содержит противоречий, и оба элемента, еврейский и демократический, дополняя друг друга, находятся в полной гармонии [13]. Ссылки при этом делаются на то, что ценности любого демократического общества развивались под непосредственным воздействием еврейских ценностей, истории, культуры и традиций. В стране немало, однако, правоведов, полагающих, что, несмотря на неоспоримый еврейский характер израильского государства в силу наличия у евреев права репатриироваться в него и чисто еврейских ценностей, нельзя идентифицировать это государство как «еврейское и демократическое», пока существуют Галаха и раввинатские суды, так как в этом случае понятие правового государства абсолютно несовместимо с концепцией галахическо-теократического государства. И если первые пытаются вывести дефиницию еврейского характера из демократии, то последние придерживаются противоположной точки зрения, делая упор на то, что еврейская сущность Государства Израиль определяет его демократическую суть [11; 3–20].

Признавая определенную правоту за этими постулатами, тем не менее трудно полностью согласиться с ними и поставить знак тождества между еврейством и либерально-гуманистической политико-правовой традицией, одновременно закрепив «еврейский характер государства». Есть основания полагать, что по мере формирования израильской нации, Израиль может стать государством всех граждан, его населяющих и, следовательно, тогда оно может определяться как демократическое в общепринятом понимании. В то же время должна быть найдена недискриминационная по отношению ко всем гражданам формула еврейской специфичности израильской государственности [14; 28].

СУЩНОСТЬ ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Палестинская национальная администрация (араб. الفلسطينية الوطنيـــة الســـلطة; ас-Су́льта аль-Уатани́я аль-Филастыни́я) – автономная административно-территориальная единица с центром в Восточном Иерусалиме, контролирующая территорию сектора Газа и Западного берега ре-

ки Иордан. Палестинская национальная администрация (Палестинская автономия, ПНА) была создана в 1994 году в качестве переходного правительства Палестины в соответствии с базовыми соглашениями палестино-израильских переговоров от 13 сентября 1993 году в Осло.

Государство Палестина в настоящее время находится в процессе создания. Предусматривается формирование Палестинского государства на части территории Западного берега, сектора Газа и Восточного Иерусалима. Существуют различные предложения по созданию Палестинского государства, зависящие от мнения о палестинской государственности, а также различные определения Палестины как территории.

Провозглашение Государства Палестина состоялось 15 ноября 1988 года в Алжире на сессии Палестинского национального совета (высшего совещательного органа Организации освобождения Палестины (ООП)). С 1994 года, когда в соответствии с базовыми соглашениями палестино-израильских переговоров от 13 сентября 1993 года в Осло была создана Палестинская автономия, руководство ООП соблюдает своего рода мораторий на независимость Палестины и официально именует себя Палестинской национальной администрацией. В то же время дипломатические представительства ООП действуют под вывеской посольств Государства Палестина.

Государство Палестина официально признано примерно ста странами, включая Россию, и входит в состав Лиги Арабских Государств, но не имеет статуса полноправного члена ООН, поскольку не признано некоторыми государствами – постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, Великобританией и Францией), а также большинством стран Евросоюза и Японией.

В связи с провозглашением «палестинской интифады» 9 декабря 1988 года Генеральная Ассамблея ООН в своей Резолюции 43/177 от 15 декабря 1988 года приняла к сведению заявление Исполкома ООП от 13 декабря 1988 года о провозглашении Государства Палестина Национальным Советом Палестины [5], подтвердив Резолюцию 181 (II) от 1947 года о разделе Палестины [1] на два государства, а также Резолюцию Совбеза ООН 242 1967 года об их границах и постановила впредь именовать делегацию ООП, имеющую в ООН статус наблюдателя, делегацией Палестины «без ущерба для статуса наблюдателя и функций ООП в системе ООН» [3]. Для полноправного членства в ООН как государству Палестине необходимо получение согласия всех постоянных членов Совета безопасности.

В марте 2002 года Совбез ООН, ссылаясь на свои предыдущие резолюции, в частности на резолюции 242 1967 года и 338 1973 года, подтвердил новой Резолюцией 1397 [6], что ООН стремится к созданию в регионе Палестины двух государств, Израиля и Палестины, которые бы жили бок о бок в пределах безопасных и признанных границ. Следует отметить, что проект данной резолюции был представлен делегацией США, а постоянный представитель Израиля при ООН Иегуда Ланкри выразил по этому поводу свое удовлетворение.

Главой Палестинской автономии является председатель (в арабском языке слова «президент» и «председатель» звучат одинаково). Председатель назначает премьер-министра ПНА по представлению Законодательного совета. Первые прямые выборы председателя Палестинской автономии состоялись 20 января 1996 года на срок «переходного периода» (до запланированного к 2000 году формирования полноправного государства). Вторые выборы прошли после смерти Ясира Арафата, 9 января 2005 года. Нынешний пост председателя занимает Махмуд Аббас. Вторым лицом в Палестинской автономии является спикер Законодательного совета – он исполняет обязанности председателя в случае его смерти или отставки. ПЗС (Палестинское Законодательное Собрание) первого созыва, избранное в 1996 году одновременно с выборами председателя, состояло из 88 депутатов. Первым спикером стал Ахмед Куреи. На первых выборах большинство мест получили депутаты от ФАТХ. Вторые выборы в ПЗС (132 депутата) прошли 25 января 2006 года, в ходе которых победу одержало движение Хамас [17]. Правительство (Совет министров) во главе с премьер-министром назначается председателем по представлению партии, одержавшей победу на выборах в Законодательный совет. Пост премьер-министра был введен в 2003 году и изначально был занят нынешним председателем ПНА Махмудом Аббасом. После победы Хамас на выборах в ПЗС пост премьера занимает Исмаил Хания.

Первоначально органы власти автономии были сформированы руководством ООП: 20-я сессия Центрального совета Палестины, проходившая в Тунисе 10–12 октября 1993 года, поручила исполкому ООП сформировать Совет Палестинской национальной администрации на переходный период и избрала Ясира Арафата председателем ПНА. 18 мая 1994 года в сектор Газа прибыли первые подразделения палестинской полиции. 1 июля 1994 года Ясир Арафат прибыл в Газу. 5 июля руководители Палестины принесли присягу в Иерихоне. Органы власти Палестинской автономии представляют около 3,7 млн жителей палестинских территорий, тогда как общее число палестинцев, включая беженцев за рубежом, превышает 9 млн (от их имени выступает Палестинский национальный совет).

В Палестинской автономии действует Основной закон, принятый ПЗС в октябре 1997 года и подписанный Ясиром Арафатом 29 мая 2002 года. Этим законом Иерусалим провозглашен столицей Палестины.

Поправками, принятыми 10 марта и подписанными 18 марта 2003 года, в автономии введен пост премьер-министра, ответственного перед парламентом (Основной закон с поправками

марта 2003 года). Поправками, принятыми ПЗС 27 июля и подписанными президентом Аббасом 13 августа 2005 года, установлены:

- 4-летний срок полномочий президента;
- запрет избираться президентом ПНА более чем на 2 срока подряд;
- 4-летний срок полномочий ПЗС;
- замена упоминания о численности ПЗС (88 депутатов) отсылкой к Закону о выборах.

Проект Конституции Государства Палестина, разработанный в 2003 году Конституционной комиссией Набиля Шаата, провозглашает нерушимость границ Палестины по состоянию на 4 июня 1967 года.

В настоящее время Палестина не имеет реального суверенитета. Государственные структуры сформированы только частично (например, нет армии, хотя есть многочисленная полиция и при этом активно действуют всевозможные полувоенные и фактически террористические организации). Значительная часть территории Западного берега реки Иордан и Восточный Иерусалим контролируются израильской армией. Сектор Газа и Западный берег реки Иордан представляют собой два анклава, разделенные территорией Израиля, при этом первый контролируется сторонниками ХАМАС, а второй – ФАТХ, и в каждом образовано свое «правительство».

Паспорт Палестинской автономии, введенный для граждан Западного берега и сектора Газа в 1995 году, официально признан 29 государствами [8].

Палестино-израильское государство стало аналитической лабораторией и полигоном разработок и нововведений современной науки конституционного права. Палестинско-израильский опыт демократических и либеральных преобразований и реформ в конституционно-правовой сфере выглядит не только своеобразным, но и может быть полезным в других странах [16].

28 февраля 2007 года Общественная израильская арабская организация «Адала» («Adalah»), действующая в интересах израильских арабов, выступила с предложением о принятии новой конституции, в которой, по ее мнению, будут учитываться права всех этноконфессиональных групп Израиля. Предложенный проект Конституции выступает за то, чтобы Израиль стал не «еврейским», а «мультикультурным и двуязычным» государством. Действительно, в существующем конституционном Основном законе о свободе деятельности (1994 г.) целью провозглашается «защита свободы деятельности и закрепление в законе системы ценностей Государства Израиль как еврейского демократического государства». Также представители «Адалы» требуют отменить Закон о возвращении, по которому каждый, имеющих хотя бы одного деда или бабушку еврейского происхождения, а также их супруги, включая и родственников последних, могут переехать в Израиль на постоянное место жительство и автоматически получить гражданство этой страны (например, если муж – еврей, а жена – нееврейка (или наоборот), то жена и ее дети, даже те, кто были рождены от предыдущих браков с неевреями, могут получить израильское гражданство вместе с мужем-евреем). Более того, согласно этому проекту, израильское гражданство сможет получить потомок гражданина Израиля, родившийся в Израиле или за границей, а также супруг гражданина Израиля. Сами руководители «Адалы» считают, что пора изменить положения законодательства, согласно которым супруги израильских арабов из числа их соплеменников из Газы и с Западного берега не могут получить израильское гражданство. Естественно, что эта «арабская» конституция отвечает интересам арабского населения страны. Если предположить, что такой проект конституции будет принят, то тогда десятки и даже сотни тысяч арабов из сектора Газа и с Западного берега реки Иордан изъявят желание жить в Израиле (напомню, что в Израиле, в отличие от Палестинской автономии, действует огромная система социальных льгот, позволяющая жить на многочисленные пособия практически не работая, особенно многодетным семьям). Впрочем, в «Адале» подчеркивают, что в отличие от существующей ситуации, когда закон определяет, кто такой еврей, новый проект демократической конституции занят вопросом, кто такой гражданин.

Помимо подобных нововведений в этой «арабской» Конституции Израиля предусматривается возвращение Израиля к границам 1967 года, возвращение земель израильским арабам, бежавшим в 1948 году, и признание еврейских поселений незаконными. Авторы проекта идут еще дальше, считая, что Государство Израиль должно взять на себя ответственность за «исторически несправедливые действия в отношении палестинского народа и его целостности», выплатить многочисленные компенсации и преференции арабскому населения Израиля и их потомкам.

Подводя итог, отметим как совершенно очевидный факт, что проект конституции, предложенный правозащитной арабской организацией «Адала», не будет принят подавляющим большинством населения (в шестимиллионном Израиле проживает 5,5 миллиона евреев), которое считает Израиль еврейским государством, основанным на принципах сионизма (исключением можно считать левую еврейскую интеллигенцию, но, как и во всех странах, интеллигенция составляет меньшую часть населения). К слову сказать, Израиль не является единственным государством, которое подчеркивает свой этноцентризм. Например, Турция и Франция в государственной политике тоже всегда провозглашали свои «турецкость» и «французскость» соответственно.

Однако не стоит воспринимать данную «арабскую» конституцию как курьезный случай. Пока арабское население Израиля в процентном отношении уступает еврейской общине страны, но с учетом высокой рождаемости в арабских

семьях демографический показатель может начать работать в сторону второго по численности народа Израиля. И не исключено, что в будущем этот проект конституции будет вытащен из подвалов архива, и тогда к нему в Израиле уже будут относиться по-другому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резолюция ООН 181/11 от 29 ноября 1947 года.
2. Резолюция 181 (II) от 1947 года.
3. Резолюция ООН 242 от 1967 года.
4. Резолюция ООН 338 от 1973 года.
5. Резолюция ООН 43/177 от 15 декабря 1988 года.
6. Резолюция ООН 1397 от 13 марта 2002 года.
7. Альпер Й. Израильско-палестинский конфликт – история и современность // Востоковедный сборник. М., 2004. № 6. С. 144–162.
8. Густерин В. П. Города Арабского Востока. М.: Восток–Запад, 2007. 352 с.
9. Истоки и история проблемы Палестины. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2007.
10. Конституционное право зарубежных стран. М.: Норма, 1999. 456 с.
11. Кушнир П. Т. Международные принципы ближневосточного урегулирования // Востоковедный сборник. М., 2004. № 6. С. 3–20.
12. Окружающая среда и развитие в арабском мире. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2007. 195 с.
13. Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе / Под ред. А. Д. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 96 с.
14. Сакер Г. История Израиля: от Войны за Независимость до Шестидневной войны. Иерусалим: «Библиотека – Алия», 2005. 115 с.
15. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юристъ, 1997. 398 с.
16. http://rjews.net/maof.
17. http://www.pna.gov.ps/.
18. http://www.palestine-info.ru/utilites/palestinski/pal/20vapros/20.htm.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **История** **2009**

УДК 34(091)

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета ПетрГУ
dianowa@onego.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР КРЕДИТНО-КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
(конец XIX века – середина 1920-х годов)

В статье рассматривается развитие законодательства по кредитной кооперации в конце XIX века – середине 1920-х годов. В центре внимания находятся вопросы государственного регулирования деятельности кредитных кооперативных учреждений до революции 1917 года и в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: кредитная кооперация, кооперативный кредит, кооперативное право, сельскохозяйственный кредит

Возникнув во второй половине XIX века, кредитная кооперация являлась организацией мелких товаропроизводителей, объединявшихся на основе добровольного членства в кредитные товарищества с целью получения выгодного и дешевого кредита для развития своих хозяйств и промыслов. Правовое регулирование возникновения и деятельности кредитных и ссудо-сберегательных товариществ осуществлялось на основе образцовых уставов. В конце XIX – начале XX века были разработаны специальные положения об учреждениях мелкого кредита. В период революции 1917 года и политики «военного коммунизма» в первой половине 1920-х годов существование и работа кредитной кооперации оказались в поле пристального внимания партийных, хозяйственных и других органов советской власти, что и определило наличие большого числа различных декретов, постановлений, предписаний и прочих законодательных и подзаконных актов.

В условиях однопартийной системы большое влияние на кооперацию оказывали решения правящей партии большевиков, постановления и резолюции съездов, пленумов и конференций РКП(б). Партия большевиков определяла основное направление законодательной деятельности ВЦИК и СНК в отношении к кооперации, поэтому в статье упоминаются некоторые постановления РКП(б) о кредитной сельскохозяйственной кооперации. В 1920-е годы большое внимание уделялось инструкциям, циркулярам и предписаниям различных ведомств. Именно они на местах приобретали значение действующего закона, и зачастую от них зависела судьба как самого товарищества, так и членов данного кооператива, поэтому в данной статье упоминаются и инструкции и циркуляры, которые разрешали и разъясняли общие законы о кооперации.

В России наибольшее развитие получила сельскохозяйственная кредитная кооперация. Эта особенность нашла отражение в законодательстве, поэтому законы о кооперативном кредите касались и сельскохозяйственной кооперации, так же как и законы о сельскохозяйственной кооперации были связаны с регулированием

© Дианова Е. В., 2009

правового положения кредитной кооперации. Данные вопросы находили отражение во многих публикациях. Особенно пристальное внимание к правовому положению кооперации наблюдалось в 1920-е годы. Тогда были изданы различные книги по кооперативному праву [1], [27], [32], [37] и др.

Интерес к правовому положению кооперации усилился во второй половине 1980-х годов. Это нашло отражение в многочисленных публикациях по кооперативному праву. В последующие годы были напечатаны статьи и отдельными изданиями вышли монографии, посвященные истории кооперации и кооперативного права [20], [21], [15], [16], [25], [30], [34], [18], [28] и др. Продолжая традицию 1920-х годов, авторы этих работ детально анализируют дореволюционные положения о мелком кредите, кооперативный закон 1917 года, кооперативное законодательство первых лет советской власти и новой экономической политики. Оно рассматривается как совокупность правовых норм, на основе которых проходило функционирование кредитной сельскохозяйственной кооперации. Кооперативное законодательство анализируется по следующим вопросам: понятие кооператива, примерный устав кооператива, права и обязанности пайщика, собрание уполномоченных, руководящие органы кооперативного товарищества, правление, ревизионная комиссия, регистрация товарищества, ликвидация кооператива и т. д. Литература по истории кооперации и кредитно-кооперативного законодательства довольно обширна; каждый исследователь пытается внести в изучение кооперативного движения свое видение проблемы.

В данной статье сделана попытка проследить развитие законодательства по кредитной кооперации с конца XIX века до середины 1920-х годов и рассмотреть влияние государства и социально-классовой политики советской власти на правовое положение кредитной кооперации. В статье затронуты такие вопросы, как применение кооперативного законодательства на практике, отзывы известных экономистов и деятелей о правовом положении кооперации, прямая зависимость кредитно-кооперативного законодательства от линии партии и т. д.

Обращение к историческому опыту позволяет провести сравнение правового положения кредитных кооперативных учреждений в разные исторические периоды при разных политических системах. Изучение законов по кредитной кооперации в дореволюционный период и в первое десятилетие советской власти важно для того, чтобы понять механизм государственного регулирования кредитной системой и кооперативным сектором рыночной экономики, выяснить общие проблемы, свойственные российской кредитно-кооперативной системе при любых условиях существования, что может быть интересно и для исследователей современной кредитной кооперации.

Кредитная кооперация в России складывалась в течение многих десятилетий. Первые кредитные кооперативы появились в нашей стране во второй половине XIX века. С самого начала их деятельность была направлена на «расширение капиталов крестьянского хозяйства, на их простое восстановление или на регулирование денежного хозяйства», что, по мнению А. В. Чаянова, «всегда укрепляло производственную мощь крестьянской семьи, давало возможность ее рабочим силам более полно развивать свою трудовую энергию и умножать трудовой доход крестьянской семьи» [36; 223].

В России первые ссудо-сберегательные товарищества были организованы на основе паевого капитала по типу Г. Шульце-Делича (экономиста, одного из организаторов кооперативного движения в Германии в XIX веке) в первое десятилетие после отмены крепостного права. В 70-е годы XIX века при поддержке Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России возникло 966 ссудо-сберегательных товариществ. Министерство финансов, в чье ведение входили кредитные учреждения страны, вместе с Комитетом о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах разрабатывало «нормальные» типовые уставы, регламентировавшие порядок возникновения и деятельность кооперативов. Уставы публиковались в «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» и приобретали силу закона. Для ссудо-сберегательных товариществ существовали несколько десятков типовых уставов [17; 181–182].

В 80-е годы XIX века произошел спад кооперативного движения в стране, что современники объясняли низким культурным уровнем населения, отсутствием заинтересованности крестьянства в кооперативном кредите. Голод 1891 года и падение хлебных цен в 1893–1895 годах сделали краткосрочный кредит крайне актуальной проблемой для правительства. Необходимо было организовать дешевый кредит не только ради поддержки разоряющегося крестьянства, но и ради укрепления основ государственного бюджета [13; 201]. Сохранение феодально-крепостнических пережитков в России, бедность русского крестьянства, низкая товарность сельского хозяйства затрудняли организацию и деятельность ссудо-сберегательных товариществ по типу Шульце-Делича. Требовалось создание новой формы учреждений мелкого кредита – кредитных товариществ по типу Ф. В. Райфайзена, основателя сельских кредитных кооперативов в Германии в XIX веке.

Кредитные кооперативы по типу Райфайзена создавались на основе «Положения об учреждениях мелкого кредита» от 1 июня 1895 года. Они отличались от ссудо-сберегательных товариществ тем, что не имели собственного паевого капитала и получали средства от государства, то есть основной капитал образовывался из ссуд Государственного банка. Оказывая денежную

поддержку кредитным товариществам, государство подчинило товарищества своему контролю.

Большую роль в организации мелкого кредита сыграли земства. До издания положения от 1 июня 1895 года они имели право открывать товарищества без разрешения правительства. С выходом положения от 1 июня 1895 года земствам было предоставлено право только субсидировать уже открытые товарищества. Открытие новых товариществ происходило с разрешения губернатора.

7 июня 1904 года было издано новое «Положение об учреждениях мелкого кредита», которое разрешало земствам открывать губернские и уездные кассы мелкого кредита без особого правительственного разрешения в каждом отдельном случае. Согласно уставу, земские кассы кредитовали как отдельных хозяев, так и их кооперативные объединения, кредитные товарищества, потребительские и сельскохозяйственные общества. Положение о кооперативном кредите давало возможность кредитным кооперативам получать из казны ссуду в основной и оборотный капитал, что значительно облегчило развитие кредитной кооперации.

В 1904 году при Государственном банке было образовано особое Управление по делам мелкого кредита с большим штатом инспекторов мелкого кредита, которые должны были следить за деятельностью кредитных товариществ, проводить ревизии, оказывать содействие организации новых кредитных товариществ и т. п.

Кредитная кооперация способствовала укреплению более обеспеченных хозяйств. Благодаря участию в кредитной кооперации происходило усиление хозяйств, имевшие 5–7 голов рабочего скота и 3–4 головы молочного скота; по площади посевов наиболее прочное положение в кредитной кооперации занимали хозяйства с посевом 11 десятин и выше. Наибольшее распространение получили беспаевые объединения, что было связано с бедностью русского крестьянства, отсутствием у него необходимых финансовых средств. В 1915 году из 15573 кооперативов было 11412 кредитных товариществ и 4161 ссудо-сберегательное товарищество. В это же время вклады в кредитной кооперации насчитывали 478,5 млн руб. В 1912 году был создан Московский народный банк, центр кредитной кооперации России, который осуществлял руководство кредитными кооперативными союзами. В 1915 году было 26 кредитных союзов [22; 81–82].

О количественном росте кредитных кооперативов можно судить по данным, приведенным в таблице.

Широкое развитие кредитной кооперации определялось потребностями трудового крестьянского хозяйства в кредите. А. В. Чаянов писал: «Значение кредита настолько велико для развивающейся земледельческой страны, что до войны в России кредитная работа кооперации была главнейшей отраслью деревенской общественной работы» [35; 49].

Рост кредитных кооперативов в 1900–1915 годах

Год	Число кредитных кооперативов	Число членов (тыс.)	Сумма вкладов (млн руб.)	Кредитные союзы
1900	783	300	15,5	–
1905	1680	729	37,5	–
1910	6693	3447	150,6	5
1913	13015	8261	363,1	11
1914	14586	9475	404,8	нет сведений
1915	15573	10084	478,5	26

Широкое развитие кредитной кооперации определялось потребностями трудового крестьянского хозяйства в кредите. А. В. Чаянов писал: «Значение кредита настолько велико для развивающейся земледельческой страны, что до войны в России кредитная работа кооперации была главнейшей отраслью деревенской общественной работы» [35; 49].

Кредитные товарищества в своей работе руководствовались так называемыми правилами Райфайзена. В России правила Райфайзена и их применение с учетом русской действительности рассматривали в своих трудах многие теоретики кооперации, в том числе М. И. Туган-Барановский, А. В. Чаянов и др. К числу самых важных правил относится положение, по которому все ссуды, выдаваемые кредитным кооперативом, должны быть использованы только на производительные цели. При этом считалось, что производственное назначение ссуд может быть обеспечено только тогда, когда ссуда будет выдаваться и тратиться при неуклонном контроле и наблюдении со стороны кредитующего учреждения, кредитное товарищество должно знать о состоянии хозяйства заемщика и цели использования ссуды. Отсюда вытекало второе правило Райфайзена: заемщик должен быть известен правлению и другим членам кооператива, его хозяйство находится на виду у кооператива и будет доступно для его наблюдения. Третье правило заключалось в том, что кредитное товарищество могло оказывать помощь только своим членам, в связи с чем район деятельности товарищества был не очень велик. Ссуды выдавались в определенном порядке. Каждый член товарищества, пожелавший воспользоваться кредитом, давал правлению кооператива сведения о самом себе и о своем хозяйстве, количестве построек, инвентаря, скота и размере запашки. Сообщение проверялось, и на его основании, а также на основе оценки личных качеств крестьянина, его трудоспособности, предприимчивости и добросовестности ему открывали кредит. Ссуды давались под обязательства и обеспечения, под личное доверие, под поручительство, под залог продуктов сельского хозяйства или скота [35; 26–27].

Во многих кредитных товариществах происходило отступление от принципов Райфайзена, поскольку основные капиталы формировались за счет государства. М. И. Туган-Барановский, исследуя социальные основы кредитной кооперации, указывал на ряд существенных расхождений с правилами Райфайзена (у М. И. Туган-Барановского – Райффейзена). В России повсеместно нарушался принцип локализации, так как русское кредитное товарищество имело обширный район деятельности. Также не всегда можно было установить кредитоспособность крестьянского хозяйства, невозможно было контролировать употребление ссуды. Кроме того, русские кооперативные товарищества имели правления, получавшие вознаграждение за свой труд. В то же время учреждения мелкого кредита оказывали положительное влияние на хозяйственную жизнь населения, в районах их деятельности уменьшалось или вовсе исчезало ростовщичество лавочников и трактирщиков [33; 234–244].

В начале XX века кооперативные работники не раз поднимали вопрос о разработке кооперативного закона. В Государственной Думе он обсуждался уже с 1908 года. В июле 1915 года известный деятель народничества Н. В. Чайковский стал инициатором создания Особой комиссии по подготовке проекта Общего кооперативного закона. 8 августа 1915 года законопроект, подготовленный Особой комиссией, был внесен на рассмотрение IV Государственной Думы. Законопроект касался всех видов кооперации, вводил явочный порядок открытия кооперативов, кооперативы получали право свободно объединяться в союзы. Главной целью создания кооперативов признавалось содействие материальному и духовному благосостоянию своих членов. Законопроект был принят к рассмотрению Государственной Думой 24 марта 1916 года и был утвержден Государственным Советом 3 июня 1916 года [23; 81]. Но до Февральской революции 1917 года он не вступил в действие как единый кооперативный закон.

20 марта 1917 года Временное правительство приняло кооперативный закон, который был подготовлен в предыдущие годы. Закон включал в себя постановление Временного правительства и положение «О кооперативных товариществах и их союзах», применимые ко всем видам кооперации, в том числе и кредитной.

Постановление Временного правительства «О кооперативных товариществах и их союзах» давало поручение министру финансов составить экономические признаки определения кредитно-кооперативных учреждений, имеющих право на льготы, предоставленные для учреждений мелкого кредита, провести пересмотр законов об обществах взаимного кредита. Постановление подписал управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков.

В первом разделе Положения «О кооперативных товариществах и их союзах» давалось определение кооперативного товарищества, перечислялись основные виды кооперативов, в том числе кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. Целью кооперативных товариществ вновь называлось содействие материальному и духовному благосостоянию своих членов. Наряду с хозяйственной деятельностью для достижения своих целей кооперативные товарищества могли производить всякого рода исследования и опубликовывать их результаты, выпускать периодические и иные издания, основывать учреждения для обслуживания разного рода нужд товарищества и его членов и производить всякого рода действия, направленные на развитие товариществ и благосостояние их членов.

Членами кооперативного товарищества могли быть как совершеннолетние лица обоего пола, так и юридические лица. Для учреждения кооперативного товарищества разрешения правительства не требовалось. Кооперативное товарищество образовывалось на основании устава или по договорам. Со дня регистрации и внесения его в реестр окружного суда оно признавалось юридическим лицом и могло приобретать и отчуждать права по имуществу, заключать договоры, принимать на себя обязательства, принимать пожертвования, наследовать по завещанию и проч.

В первом разделе положения также рассматривались вопросы об учреждении кооперативного товарищества по уставам, капиталы товарищества, права и обязанности членов товарищества, управление делами товарищества, прекращение товарищества. Во втором разделе положения рассматривались вопросы организации, деятельности, управления делами и прекращения кооперативных союзов, права и обязанности товариществ, входящих в союзы [1; 414].

Кооперативный закон Временного правительства оказал положительное влияние на развитие кооперативного движения в России. Наибольшее развитие получили потребительская и кредитная кооперации. В 1917 году кредитная кооперация насчитывала 10478 тыс. членов, то есть почти 10,5 млн человек, и объединяла 3/5 всех крестьянских хозяйств России [22; 355]. Кооперация пользовалась большим доверием у населения: оно не боялось отдавать свои накопления в кредитные кооперативы и ссудо-сберегательные товарищества даже во время мировой войны.

С установлением советской власти правовое положение кооперации изменилось, в декабре 1918 года был национализирован Московский Народный банк, что осложнило работу кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. С введением политики «военного коммунизма», свертыванием товарно-денежных отношений сокращалась и торгово-посредническая деятельность. С изданием 27 января 1920 года декрета СНК «Об объединении всех видов кооперативных организаций» кредитная и сельскохозяйственная кооперации ликвидировались, все их ор-

ганизационные структуры вливались в потребительскую кооперацию, которая должна была взять на себя выполнение функций кредитных кооперативов [2]. Однако в условиях катастрофического падения рубля и обесценивания бумажных денег такие операции практически не проводились.

С переходом к новой экономической политике был принят целый ряд кооперативных декретов: 7 апреля 1921 года – о потребительской кооперации, 7 июля 1921 года – о промысловой кооперации, 16 августа 1921 года – о сельскохозяйственной кооперации. Одновременно отменялось действие многих законоположений, принятых советским правительством в 1918–1920-е годы, в том числе декрет СНК «О финансировании кооперации» от 13 декабря 1920 года, в соответствии с которым государство отпускало кооперативным организациям средства на операционные расходы. Кооперативы были обязаны вести учет этим средствам, предоставлять надлежащую отчетность. Теперь кооперация лишалась финансовой поддержки государства и нуждалась в собственных средствах, поэтому летом 1921 года были опубликованы постановления ВЦИК «О кассах кооперативных организаций», «О порядке расходования кооперативами денежных средств» и Положение о средствах кооперации. Эти постановления разрешали принимать вклады и займы от учреждений и лиц, осуществлять кредитные операции и выдавать ссуды на выполнение мероприятий, имеющих важное народнохозяйственное значение. Декрет ВЦИК «Об отмене предварительного контроля по отношению к кооперации» от 10 июня 1921 года также способствовал расширению свободы хозяйственной и финансовой деятельности кооперации [3].

Переход к нэпу и задачи восстановления народного хозяйства потребовали от советского правительства стабилизации денежной системы страны. 30 июня 1921 года вышло постановление СНК «Об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операций». Оно ставило своей целью оздоровить денежное обращение в стране, разрешало потребительским обществам производить пассивные кредитные операции, прием денег на вкладные и текущие счета. Для этого отменялись всякие ограничения сумм имеющих хождение в РСФСР денежных знаков; все суммы, вносимые как частными лицами, так и организациями на вклады и текущие счета в учреждения Наркомата финансов и в кассы кооперативных организаций, не подлежали конфискации иначе как по постановлению органов, наделенных судебными правами; вводились новые денежные знаки образца 1921 года достоинством в 100, 250, 1000, 5000, 10000 руб. под названием «Расчетные знаки РСФСР». Тогда же были выпущены денежные знаки более крупного достоинства: 25000, 50000, 100000 руб. В октябре 1921 года были опубликованы постановление ВЦИК «Об учреждении Государственного Банка» и декрет ВЦИК «О мерах по упорядочению финансового хозяйства». В декабре 1921 года постановление Наркомата финансов «О курсе довоенного рубля» установило обязательность исчисления платежей в довоенных золотых рублях с переводом их на советские денежные знаки по курсу: 1 довоенный золотой рубль равнялся 80 тысячам советских денежных знаков [4] и др.

Для восстановления промышленности и сельского хозяйства требовались немалые средства. Однако, по замечанию А. В. Чаянова, «слабое еще крестьянское хозяйство в настоящее время не может сберечь этих средств из своих скудных доходов и не имеет ни одного источника к их получению, поэтому единственной возможностью удовлетворить эту нужду является помощь со стороны» [35; 49]. Для развития земледелия и скотоводства был необходим сельскохозяйственный кредит, который мог быть организован на принципах Райфайзена.

24 января 1922 года был принят декрет ВЦИК и СНК «О кредитной кооперации». Целью создания кредитной кооперации провозглашалось улучшение условий для развития сельского хозяйства и кустарной промышленности, подъем сельскохозяйственного производства. Декрет разрешал гражданам РСФСР образовывать кредитные и ссудо-сберегательные товарищества «для предоставления своим членам льготных ссуд на удовлетворение их хозяйственных нужд, для целесообразного объединения денежных средств отдельных членов товарищества для приобретения требуемых в промыслах и хозяйствах членов товарищества инвентаря, материала, сырья». Регистрация кредитных товариществ проходила в местных отделениях и конторах Государственного Банка.

Средства кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и их союзов складывались из вступительных взносов, паев, вкладов, авансов, займов у частных лиц и учреждений, прибылей от операций и государственных кредитов. Кредитная кооперация наряду с чисто кредитными функциями имела право выполнять посреднические операции по сбыту продуктов хозяйств и промыслов своих членов и по снабжению их материалами, сырьем, инструментами [5].

Для организации кредитного кооператива было необходимо 50 членов. Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества и их союзы с районом деятельности не больше уезда создавались, как правило, без предварительного разрешения, в явочном порядке, и их уставы регистрировались в финансовых отделах уездных исполкомов. Вступительный взнос в товарищество составлял 3–5 руб. золотом. Все вступающие в кооперативное товарищество заполняли заявление установленного образца на особом бланке. На лицевой стороне бланка был напечатан текст заявления: «Я, нижеподписавшийся, прошу принять меня в члены товарищества, причем заяв-

ляю, что я имею право распоряжаться своим имуществом, веду свое хозяйство, с уставом товарищества ознакомился и ни в каком другом кредитном или ссудо-сберегательном товариществе, равно в обществе взаимного кредита не состою, по принятии же меня в члены товарищества обязуюсь в точности исполнять устав и все существующие в товариществе правила и принимаю на себя ответственность по обязательствам и убыткам товарищества на основании, определенных уставом и согласно принятых в товариществе правилам». Тут же ставились подпись и дата. Если крестьянин был неграмотным, то делалась такая приписка: «А за него неграмотного по его личной просьбе расписался (указывалась фамилия расписавшегося)».

На оборотной стороне бланка-заявления должны были быть представлены сведения о хозяйственном положении крестьянина, вступающего в кооперативное товарищество. Так, нужно было указать общее число членов семьи обоего пола, число постоянных работников обоего пола, число десятин земли (своей и арендованной), число голов скота (лошадей, быков, коров и проч.) и их стоимость, число построек (домов, амбаров, сараев) и их стоимость, подсчитать общую стоимость скота, построек и всего имущества и непременно указать занятия, главные и подсобные. На этой стороне бланка-заявления свою подпись ставили поручители.

Первоначально, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 20 февраля 1922 года, крупные кредитные кооперативы или союзы кредитных кооперативов могли быть образованы по предварительному разрешению губернских исполкомов, а их уставы регистрировались в финотделах губисполкомов. Позднее вопрос об открытии контор, отделений кредитных учреждений стал решаться только с предварительного разрешения Народного комиссариата финансов [6].

В резолюции «О задачах партии в кооперации», принятой на XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившей в августе 1922 года, говорилось о необходимости усилить организационную работу по созданию кредитной кооперации на основе декрета от 24 января 1922 года, при этом деятельность всех кредитующих учреждений кооперации «должна быть строго согласована с общепартийной линией и проходить под неослабным вниманием партийных органов» [19; 585].

21 декабря 1922 года был издан декрет ВЦИК и СНК «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита». Организация дешевого крестьянского кредита выдвигалась как важнейшая задача советской власти. Это должно было помочь крестьянским хозяйствам получить кредит и правильно распределить средства производства, а также оказать содействие восстановлению и развитию сельского хозяйства всей страны.

На основании данного декрета предусматривалась организация сети мелких обществ сельскохозяйственного кредита. Эти общества учреждались на паях Госбанком, Наркомземом и Всекобанком. В число учредителей могли входить и другие государственные, кооперативные и общественные организации, учреждения и предприятия, а также отдельные граждане, заинтересованные в развитии сельского хозяйства.

Общества сельскохозяйственного кредита не являлись кредитными кооперативными организациями и создавались по типу паевых (акционерных) товариществ. Тем не менее они сыграли большую роль в развитии кредитных функций всех видов кооперации, так как совершали свои операции через первичные кооперативы. Основной капитал общества образовывался путем оплаты учредителями своих паев и выпуска крестьянских паев. Закон определял стоимость крестьянского пая, которая не должна была быть больше 1/10 стоимости учредительного пая. Капитал общества направлялся на кредитование отдельных крестьянских хозяйств (на покупку инвентаря, рабочего скота, семян, удобрений, мелиорацию и т. д.) и на те же производственные цели первичным кооперативам сельскохозяйственной, сельской, кустарной и сельской потребительской кооперации.

Для того чтобы привлечь внимание крестьян к обществам сельскохозяйственного кредита и обеспечить широкое размещение паев среди сельского населения, закон установил льготы владельцам крестьянских паев: право отсрочки при внесения продналога на срок до 6 месяцев на сумму и под обеспечение принадлежащих им паев, преимущество при получении кредита. Государство брало на себя обязательства по защите крестьянских паев. При приеме вкладов от населения обществам разрешалось страховать денежные знаки от обесценивания. Правительство принимало на себя гарантии по этому виду страхования и обещало выплату дивидендов в размере не ниже 3 % годовых, считая в золотой валюте с переводом на советские денежные знаки по официальному курсу. Обществам разрешалось принимать вклады как деньгами, так и продуктами сельского хозяйства. Вклады, вверенные обществу населением, не могли быть подвергнуты аресту и конфискации, иначе как по постановлению суда [26; 322–324].

Постановлением СТО от 13 июня 1923 года была введена ежегодная ревизия всех кооперативных организаций, осуществлявших кредитные операции. Надзор за кредитными кооперативами и кредитными функциями других кооперативов осуществляли органы Наркомфина. Специальное постановление СНК СССР от 30 июля 1923 года установило для всех кредитных учреждений страны единый операционный год с 1 сентября этого года до 30 сентября следующего года. По постановлению ЦИК СССР от 5 сентября 1924 года учреждения сельскохозяй-

ственного кредита были освобождены от уплаты подоходного, поимущественного и промыслового налогов. Также был отменен гербовый сбор на все вкладные и ссудные операции, паи учреждений сельскохозяйственного кредита, паи и документы по вкладным и ссудным операциям, совершаемым в этих учреждениях [7].

В первой половине 1920-х годов довольно остро стоял вопрос о кооперативной собственности и о возврате национализированного имущества кооперативам. Так, сначала в июле 1921 года ВЦИК принял декрет «О воспрещении отобрания предприятий, принадлежащих кооперативам, без прямого разрешения центральной власти», затем в 1922 году декрет ВЦИК и СНК РСФСР и постановление ВСНХ регламентировали порядок возврата национализированных и муниципальных строений, предприятий и промыслов, принадлежавших потребительской кооперации. Кредитные кооперативы добились возвращения национализированного имущества только в 1924 году. Постановление СНК СССР от 22 июля 1924 года объявило о возврате предприятий, строений и другого имущества, которое принадлежало кредитным кооперативным организациям до 1918–1921 годов и перешло государственным предприятиям и учреждениям в порядке национализации и муниципализации, а также потребительским обществам на основании декрета ВЦИК от 27 января 1920 года [8].

В 1920-е годы другим видам кооперации также было предоставлено право на кредитование пайщиков. Особенно широко кредитные функции были развиты в сельскохозяйственной кооперации, поэтому в 1920-е годы в РСФСР долгое время кредитная и сельскохозяйственная кооперации имели общий центр – Сельскосоюз. На основании закона «О сельскохозяйственной кооперации» от 24 августа 1924 года, универсальным сельскохозяйственным товариществам разрешалось осуществлять кредитные операции. Это повлекло за собой быстрый рост числа сельскохозяйственных кооперативов с кредитными функциями и специальных кредитных товариществ: с января 1924 года по июль 1925 года кредитная кооперация увеличила свою сеть в 1,5 раза. Рост числа кредитных кооперативов происходил как за счет появления новых, так и за счет реорганизации универсальных товариществ в кредитные. По данным Сельскосоюза, на 1 июля 1925 года в целом по стране насчитывалось около 37–38 тыс. первичных сельскохозяйственных кооперативов, из них 11 тыс. сельскохозяйственных кредитных товариществ. Кредитные товарищества осуществляли кредитование всех мелкотоварных хозяйств, а кредитные сельскохозяйственные товарищества – только хозяйств, занятых сельскохозяйственным производством. Членами всех этих товариществ могли быть как отдельные крестьянские хозяйства, так и целые кооперативные объединения. Кооперативы с кредитными функциями выполняли и посреднические операции по сбыту, а в ряде случаев осуществляли и переработку сельхозпродуктов на собственных предприятиях [31; 11].

Для организации единой государственной системы сельскохозяйственного кредита был учрежден Центральный сельскохозяйственный банк СССР (ЦСХБ СССР), который должен был работать через республиканские банки, отделения и агентства на местах. В основные капиталы ЦСХБ из бюджета государства было ассигновано 40 млн руб. золотом, что нашло подтверждение в решениях XIII съезда РКП(б), проходившего в мае 1924 года. Резолюция XIII съезда РКП(б) (май 1924 года) «О кооперации» обращала особое внимание на развитие кредитной сельскохозяйственной кооперации «как наиболее массовой и всеобъемлющей формы кооперации, способной вовлечь самые широкие слои крестьянства и непосредственно обслужить разнообразные нужды крестьянских хозяйств».

В резолюции XIII съезда РКП(б) «О работе в деревне» сельскохозяйственному кредиту было отведено центральное место среди мероприятий, проводимых партией в деле закрепления связи между городом и деревней. В системе сельскохозяйственного кредита партийные руководители страны видели «могущественное средство» как для восстановления сельского хозяйства и увеличения его продуктивности, так и для проведения четкой классовой линии в деревне, поддержки «маломощных элементов деревни и ограничения эксплуататорских тенденций кулака» [19; 236].

РКП(б) требовала разработать дополнительные меры по привлечению бедняков в сельскохозяйственную кредитную кооперацию, оказанию материальной помощи беднейшим слоям деревни при внесении паев и увеличению для бедноты сроков кредитования при приобретении машин и орудий.

С этой целью в январе 1924 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах к облегчению для крестьянства покупки сельскохозяйственных орудий». Государственные учреждения и предприятия, кооперативные организации должны были продавать сельскохозяйственные орудия крестьянскому населению по довоенной цене. Крестьянскому населению предоставлялся долгосрочный кредит на срок от 1 года до 5 лет. Преимущественное право на эти льготы предоставлялось членам сельскохозяйственных кооперативов, обществ сельскохозяйственного кредита и сельскохозяйственных кредитных товариществ. В мае 1925 года вышло постановление СНК СССР «О льготной продаже крестьянству сельскохозяйственных машин и орудий, производимых государственными заводами». В нем говорилось о том, что государственные и кооперативные организации обязаны предоставлять крестьянскому населению, в первую очередь маломощным и середняцким хозяйствам, кредит при продаже сельскохозяйственных

орудий и машин на срок от 1 до 3 урожаев, при продаже машин сельскохозяйственным кооперативам срок кредитования мог быть увеличен до 4 урожаев [9], [10].

Для обеспечения льготного производственного кредитования бедняцкого населения создавались фонды кредитования деревенской бедноты. Они формировались как специальные капиталы сельскохозяйственных банков из отчислений от банковской прибыли и государственных бюджетных ассигнований. В 1925/26 году на образование фондов кредитования крестьянской бедноты по общесоюзному бюджету было выделено 10 млн руб., в последующие годы эти фонды составлялись из специальных ассигнований из бюджетов союзных республик. Ссуды из фонда кредитования бедноты выдавались сроком на 3–6 лет, процент взимался при погашении ссуд [11].

Проведение классовой линии нашло отражение в социальном содержании кредитной работы. В довоенное время (до 1914 года) основным критерием для выдачи ссуд или открытия кредита была кредитоспособность заемщика. В начале 1920-х годов ссуды нужно было выдавать в первую очередь маломощным хозяйствам. По совокупным признакам кредитование бедняков и середняков было примерно одинаково интенсивно, группа зажиточных крестьян кредитовалась значительно слабее. Начиная с середины 1920-х годов кредитная политика меняется в сторону сокращения кредитования как «нехозяйственных бедняков», так и крепких и зажиточных хозяйств.

В середине 1920-х годов зажиточные крестьяне составляли в среднем 9,7 % общего числа членов сельскохозяйственных кредитных товариществ. Проводилась целенаправленная политика ограничения и вытеснения кулачества из кооперации. За период с 1924 по1925 год выдача ссуд зажиточным крестьянам сократилась на 9,4 %. В то же время в 1924/25 году и в 1925/26 году при распределении долгосрочных ссуд хозяйства с 3 и более лошадьми получили свыше 1/4 всех кредитов. Тогда же безлошадные хозяйства получили менее 1/5 общей суммы кредита. Сокращение кредитования бедноты было вызвано неудовлетворительным возвратом ссуд. В сельскохозяйственном кредите происходило изживание «собесных начал». В прямой зависимости от мощности хозяйства находился средний размер ссуды на одно хозяйство. Так, средний размер ссуд, выданных безлошадным хозяйствам, составлял 20,26 руб., 1-лошадным – 20,69 руб., 2-лошадным – 34,75 руб., с 3 и более лошадьми – 54,18 руб. Безлошадный или однолошадный крестьянин мог получить меньший по размеру кредит, чем крестьянин, у которого имелось 2–3 и более лошадей. В официальных документах такое явление называлось «серьезной болезнью и прямым нарушением партийной линии, которое должно быть исправлено немедленно самым решительным способом» [29; 44], [14; XIX–XV].

Характерным признаком всей советской кооперативной системы было преобладание заемных средств над собственными финансовыми средствами, куда входили паевые и вступительные взносы, вклады населения. На 1 октября 1926 года заемные средства составляли 56,4 % всех статей дохода сельскохозяйственной кредитной кооперации. Вклады населения исчислялись в размере 2,95 %, тогда как средства дореволюционной кредитной кооперации на 54–69 % складывались из личных вкладов населения [29; 213].

В то же время привлечение крестьянских сбережений сельскохозяйственной кредитной кооперацией должно было быть основным условием для обслуживания крестьянского хозяйства денежно-производственным кредитом. Рост крестьянских вкладов зависел от социального состава кооперации: чем больше крепких хозяев в кредитных товариществах, тем больше средств они могут вложить в эти товарищества. Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров и другие ученые-аграрники немарксистского направления выступали за то, чтобы «энергичный слой крестьянского хозяйства с наиболее высокой производительностью труда, с наиболее быстрым накоплением получал содействие советской власти». Н. П. Макаров предлагал выдвинуть для землепользователей обязательство «вести свое хозяйство достаточно интенсивно и рационально в условиях данного района», в законодательном порядке закрепить право хозяйств, рационально ведущих свое сельскохозяйственное производство, «получать от государства соответствующую поддержку в пределах закона о национализации» [24; 73, 146].

Н. Д. Кондратьев прямо указывал на то, что «все основные затруднения нашего хозяйственного развития, которые имеют место сейчас, которые будут иметь место еще в течение долгого времени, коренятся в значительной мере в положении именно сельского хозяйства, в частности, в правовых условиях существования и развития сельского хозяйства. В нашей текущей практике, текущей политике мы сплошь и рядом видим такие контроверзы, которые ставят органы, ведущие экономическую политику, в чрезвычайно трудное, безвыходное положение. С одной стороны, мы ставим ставку на повышение товарности хозяйств и в то же время – и в земельной, и в других сферах законодательства, связанных с земельным (законодательством), затрудняем развитие товарности хозяйства. Мы стремимся к развитию кредитной системы и вовлечению вкладов крестьян и в то же время – земельным и связанным с ним законодательством этому противодействуем».

Рассматривая политику кредитования различных слоев деревни, Н. Д. Кондратьев делал вывод о том, что «наша аграрная политика препятствует развитию производительных сил». Это происходит от того, что в нашей стране «право трудящихся на землю есть бедняцкое право», «в нашем земельном и связанном с ним законодательстве есть

страх перед существующим и несуществующим кулачеством... Здесь-то и обнаруживается со всей очевидностью недоговоренность относительно того, что мы ставим во главу угла, – развитие производительных сил или что-нибудь другое. Если мы ставим во главу угла развитие производительных сил, то нечего закрывать глаза на то, почему мы не можем экспортировать, почему мы не имеем достаточного развития сил кооперации и т. д. Когда правовая обстановка такова, что вызывает болезненные формы общественных процессов, то нужно задать вопрос о том, идти по этому пути или нет» [24; 179–180].

За Н. Д. Кондратьевым, Н. П. Макаровым, А. В. Чаяновым и другими аграрниками-немарксистами был закреплен ярлык «идеологов кулачества, которые льют воду на мельницу капиталистической реставрации». Однако навешивание политических ярлыков на ведущих экономистов не помогло уйти от решения острых проблем развития кредитной кооперации, ее правового положения. Необходимость пересмотра законодательных актов в области кредитно-финансовых отношений диктовалась стремлением упорядочить отношения между ЦСХБ и сельскохозяйственной кредитной кооперацией.

ИСТОЧНИКИ

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем Сенате. 1917. № 72. С. 414.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1920. № 6. Ст. 37.
3. СУ. 1921. № 50. Ст. 274, 275; № 51. Ст. 293; № 58. Ст. 382.
4. СУ. 1921. № 52. Ст. 301; № 58. Ст. 381; 1922. № 1. Ст. 17 и др.
5. СУ. 1922. № 12. Ст. 110.
6. СУ. 1922. № 18. Ст. 197.
7. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ). 1924. № 8. Ст. 85; СУ. 1923. № 56. Ст. 545.
8. СУ. 1921. № 53. Ст. 324; 1922. № 39. Ст. 446; № 65. Ст. 847; СЗ. 1924. № 3. Ст. 36.
9. Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 1. Ст. 5.
10. СЗ. 1925. № 32. Ст. 222.
11. СЗ. 1926. № 27. Ст. 171.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Ашкинезер Ю. С. Законы о кооперации. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 440, XIII, [2] с.
13. Дякин В. С. Из истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб.: Наука, 1991. С. 197–209.
14. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. М.: Гос. изд-во, 1928. 450 с.
15. Карелина С. А. История развития кооперативного законодательства: историко-правовое и сравнительно-правовое исследование роли кооперации в предпринимательской деятельности: Автореф. дис. … канд. истор. наук. М., 1994.
16. Коновалов И. Н. Из истории становления российского кооперативного законодательства (конец XIX – начало XX в.) // Правоведение. 1995. № 2. С. 108–116.
17. Корелин А. П. Кооперативное законодательство в России и западный опыт // Отечественная история. 1996. № 2. С. 180–189.
18. Коршунов Н. П. Основные этапы истории кооперативов и кооперативного законодательства в России. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 72 с.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1983. Т. 2.
20. Кулаков В. В. Закон 20 марта 1917 г. о кооперации и его место в истории кооперативного права в России // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 123–129.
21. Кулаков В. В. История советского законодательства о кооперации (1917–1929): Автореф. дис. … канд. истор. наук. М., 1991.
22. Лозовый А. А. Ленин и кооперация. М., 1926.
23. Макаров Н. А. Николай Васильевич Чайковский. Исторический портрет. Архангельск: ПГУ, 2002. 288 с.
24. Основные начала землепользования и землеустройства: Сборник статей, докладов и материалов. М.: Изд-во Ком. акад., 1927.
25. Очерки истории российского законодательства о кооперации (1855–1917 гг.). Саратов, 2000.
26. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 450 с.
27. Поволоцкий Л. И. Основные начала кооперативного права СССР. Л.: Кооперация, 1925. 140 с.
28. Сахарова Д. Б., Котов И. С. История и теория кооперативного движения. Минск: Новое знание, 2005. 248 с.
29. Сборник материалов о социальном составе членов кооперации и органов управления. М., 1926.
30. Селиверстов Т. А. Правовое регулирование кооперации в России в 1855–1917 гг.: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 35 с.
31. Сельскохозяйственная кооперация в 1924–1925 гг. М.; Л., 1926.
32. Терехов А. И. Советское кооперативное право. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1924. 210 с.
33. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 496 с.
34. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. 598 с.
35. Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. М.: Центральное товарищество «Кооперативное издательство», 1925. 80 с.
36. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Чаянов А. В. Избранные произведения. М.: Экономика, 1989. С. 391–419.
37. Штандель Е. Н. Курс советского кооперативного права. Харьков; Киев, 1924.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **История** **2009**

УДК 930.1(470.2)

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России исторического факультета ПетрГУ
pashkov@psu.karelia.ru

ЮЛИЯ ПАВЛОВНА ТРЕТЬЯКОВА
старший преподаватель кафедры истории и педагогики Кольского филиала ПетрГУ (г. Апатиты)
tretjakova@arcticsu.ru

М. А. КАСТРЕН НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Статья посвящена вкладу известного финского ученого и путешественника М. А. Кастрена в изучение саамов Кольского полуострова.

Ключевые слова: М. А. Кастрен, Кольский полуостров, саамы, финно-угроведение

Крупнейшим исследователем финно-угорских народов севера России был Матиас Александр Кастрен (Mathias Alexander Castren) (1813–1852)[1] (в России его звали Матвей Александрович или, реже, Александр Христианович). Он родился 20 ноября (2 декабря) 1813 года на севере Финляндии, в приходе Тервола Улеаборгской губернии («в 60 верстах от полярного круга»), в семье помощника пастора. В 1821 году его отца Христиана Кастрена перевели еще севернее, пастором в приход Рованиеми, где он в 1825 году скончался, оставив восемь детей, среди которых был и 11-летний Матиас. Заботу о Матиасе взял на себя его дядя по отцу пастор прихода Кеми, к югу от города Торнео, доктор Матиас (Матвей) Кастрен. В свободное время пастор М. Кастрен любил заниматься естествознанием и приобщил к этому своего племянника. Вскоре Матиас поступил в училище в Улеаборге (Оулу), где совмещал отличную учебу и занятия с малолетними детьми, дававшие ему пропитание.

В 1830 году Матиас Кастрен поступил в университет в Гельсингфорсе (Хельсинки). Учиться в университете было тяжело из-за необходимости совмещать занятия с частными уроками. Сначала он хотел стать пастором, но под влиянием настроений в университетской среде, вызванных успехами в изучении сравнительной лингвистики после выхода работ немецких филологов Ф. Боппа (1791–1867) и Я. Гримма (1785–1863) и особенно датского лингвиста Р. Раска (1787–1832), решил посвятить свою жизнь исследованию языка и быта финно-угорских народов. Свою роль в этом решении сыграл также подъем национально-романтических настроений и фенно-фильского движения в Финляндии, проявившиеся в деятельности Э. Леннрота, который издал в 1835 году основанную на древних рунах поэму «Калевала». Сам М. А. Кастрен вспоминал, что решение посвятить жизнь «родному своему финскому языку в связи его с другими чудскими наречиями» он принял, «быв воспламенен к тому чтением одного сочинения Раска, где знаменитый датский филолог указывает на великую важность подробнейшего исследования всех этих языков и наречий» [16; 101]. В 1836 году М. А. Кастрен окончил Гельсингфорский университет со степенью магистра (кандидата философии) и начал свои научные исследования.

Летом 1838 года М. А. Кастрен вместе с тремя друзьями предпринял свое первое путешествие в

© Пашков А. М., Третьякова Ю. П., 2009

Лапландию, чтобы изучить жизнь лопарей, их язык, фольклор и мифологию в сравнении с финскими[2]. Еще в финской Лапландии он записал от крестьянина-проводника несколько преданий о том, что он ведет свой род «из богатой песнями Карелии», о лопарском богатыре Пэйвиэ и его трех сыновьях, которые отличались «многими богатырскими делами и особенно битвами с русскими карелами, которые в преданиях лопарей обычно являются под именем русских». М. А. Кастрен добавляет, что память об этих лопарских богатырях сохранилась даже среди карел, поскольку в рунах «Калевалы» упоминаются «враги народа Калева» – Пэйвиэ и Пэйвен пойка[3] и делает вывод, что эти предания имеют историческую основу, поскольку «карелы прежде беспрерывно предпринимали походы в Лапландию». В описании поездки М. А. Кастрен привел несколько преданий (об отце Пэйвиэ, его борьбе с карелами и богатствах; о сыновьях Пэйвиэ: Олофе и его поединках с карельским богатырем и с великаном Сталом, метком стрелке из лука Исааке, который попал стрелой в глотку закованному в броню «русскому молодцу», и о «могучем волшебнике Эрике», который волшебством увлек отряд русских в пропасть). Рассказ о том, как отец Пэйвиэ – Издер Пэйвиэ – принял христианство, М. А. Кастрен сопоставляет с легендой из «Описания Торнеосской и Кемской Лапландии», составленной в 1672 году пастором магистром Торнеусом.

Еще одна группа преданий, записанных М. А. Кастреном, посвящена подвигам другого богатыря, которого финны называли Лаурукайнен, а лопари – Лаурукадж. В одном предании русские взяли Лаурукайнена проводником по озеру Оунасъярви (Ounasjärvi), а когда они остановились на ночлег, тот угнал все их лодки с оружием, припасами и награбленным добром. После этого он десять дней и ночей стерег русских на острове, а на десятый высадился там и убил тех, кто еще не умер от голода. В другом предании Лаурукайнен был гребцом у русских на реке Патсъеки, уговорил их связать все лодки вместе и отправил их в водопад, а сам успел выскочить на подводный камень. Еще в двух преданиях Лаурукайнен побеждал русских ловкостью или хитростью.

Любопытно замечание М. А. Кастрена о технике сбора преданий. Так, один рыбак «после приличных угощений» водкой сообщил ему «несколько любопытных рассказов», но вскоре стал путаться в них, поскольку, «к несчастью, водка же лишила их необходимой связи».

Именно таким способом была записана легенда о поединке Иоанна Пэйвиэ и волшебника Торагаса с ведьмой из Русской Лапландии по имени Кирсти Ноухтуа, которая силой своих чар загнала к себе в землю всех диких оленей. В этой и в других легендах говорилось о том, что в старину шаманы могли превращаться в животных, птиц и рыб. М. А. Кастрен отмечал, что финские лопари до сих пор верят в шаманов-оборотней в Русской Лапландии: «По крайности, наши финские лопари уверяют, что в Русской Лапландии есть шаманы, которые, подобно Пэйвиэ, Торагасу и другим, оборачиваются в оленей, медведей, волков, рыб, птиц и т. д.» [8; 229].

Спустя некоторое время путешественники добрались до первого лопарского селения Ютуа. М. А. Кастрен описал его общий вид, грязные и неопрятные жилища и их обитателей, подробно рассказал об устройстве лопарской юрты и клети для рыбных припасов, дал детальное описание лопарской одежды (повседневной и праздничной, летней и зимней). Относительно занятий лопарей было отмечено, что по всей Лапландии происходит постепенный переход от кочевого оленеводства к оседлому рыболовству.

При описании занятий лопарей М. А. Кастрен уделил большое внимание весенне-летним поездкам на рыбную ловлю на норвежский берег, в которых иногда участвуют и местные финны. Выловленную рыбу лопари и финны обменивают у норвежских и русских торговцев на муку. М. А. Кастрен пишет, что русские торговцы были более честными, по сравнению с норвежцами, а условия обмена у них были более выгодными: «Лопари сильно бранят этих торговцев (норвежцев. – *А. П.*, *Ю. Т.*) за их бессовестные прижимки и за счастье считают, когда могут сбыть свою рыбу русским, которые во множестве съезжаются на ярмонку, бывающую в гаванях с июля до конца августа-месяца... Но немногие из финских лопарей могут пользоваться выгодами торга с русскими, потому что они из гаваней уходят домой обыкновенно около Иванова дня». Кроме подробного описания морского и озерного рыболовства, в работе М. А. Кастрена есть детальный очерк об охоте на диких оленей.

Через Соданкюля и Кемитреск М. А. Кастрен и его спутники добрались до приходов Кеми и Рованиеми. Характеризуя эти два прихода, М. А. Кастрен писал: «Еще более привлекают внимание своею нравственностью и внешним благосостоянием приходы Рованиеми и Кеми, которые в старину тоже были населены лопарями, впоследствии большую часть своего населения получили из русской Карелии или из древней Биармии[4]... крестьяне в Кеми и Рованиеми наследовали от отцов и дедов своих, так называемых биармийцев, большую охоту к торговым предприятиям. Они не любят проводить время в праздности и в спячке, лежа на печи, но вечно рыщут себе по торговым дорогам и нередко доходят до Стокгольма и Петербурга. Без сомнения, в этом обстоятельстве надо видеть причины редкой нравственности, которою отличаются жители этого края. Так понятны становятся и необыкновенная их смелость, сметливость, решительность, и энергия во всех их предприятиях» [8; 239].

Особое внимание во время путешествия М. А. Кастрен уделял истории и современному состоянию религиозной жизни лопарей. Он перечисляет лопарских языческих богов, описывает

сейды – каменных и деревянных идолов, которым лопари поклонялись во времена язычества, и т. д.

Таким образом, в ходе поездки по Финской Лапландии в 1838 году М. А. Кастрен собрал полезные для изучения этнографии и этнической истории Карелии и Лапландии сведения: о нападениях карел на Лапландию в период средневековья, о современных торговых контактах лопарей с поморами, о средневековой миграции населения из Русской Карелии в Финскую Лапландию, об этнографии и мифологии лопарей и по многим другим вопросам. Однако представляется маловероятным предположение о том, что население Кеми и Рованиеми является потомками жителей легендарной Биармии – средневекового государства на севере Европы, упоминаемого во многих скандинавских сагах.

Зимой 1838 года Петербургская Академия наук приняла решение о проведении большой научной экспедиции в Западную Сибирь. Академику А. М. Шегрену было поручено проведение этнографических и лингвистических исследований. Поскольку по состоянию здоровья сам он ехать в Сибирь не мог (с 1834 году у него перестал видеть правый глаз), Академия наук поручила ему найти специалиста вместо себя. Летом 1838 года А. М. Шегрен специально съездил в Гельсингфорс, где в университете ему порекомендовали для этой цели М. А. Кастрена, который в это время странствовал по Лапландии. По мнению А. М. Шегрена, М. А. Кастрен был удачной кандидатурой для экспедиции в Сибирь, во-первых, потому что это совпадало с его научными интересами, а во-вторых, как уроженцу Северной Финляндии ему было бы легче приспособиться к длительным поездкам по Сибири. Осенью М. А. Кастрен в письме А. М. Шегрену из Гельсингфорса дал согласие на участие в сибирской экспедиции. На предложение сформулировать свои условия участия в экспедиции М. А. Кастрен отвечал, по выражению одного из его биографов, «с милой скромностью»: «Если я со своими, может быть, слишком недостаточными познаниями все-таки оказался бы способным к предприятию, то я, хотя и не в лучших обстоятельствах, однако ж, вовсе не имею в виду материальных выгод и почитаю неприличным сам предписывать Академии условия для путешествия. Да я же и не мог бы рассчитывать издержек подобной экспедиции, и потому прошу вас переговариваться об этом предмете с Академиею и решить дело по вашему благоусмотрению...» Однако предложенная экспедиция так и не состоялась.

В мае–сентябре 1839 года на средства Финского литературного общества М. А. Кастрен совершил новое путешествие, на этот раз в Русскую Карелию[5]. В это время М. А. Кастрен задумал издать «Калевалу» на шведском языке, а кроме того, он уже давно занимался изучением финской мифологии. Поэтому главной целью путешествия было собирание песен, сказок и других фольклорных материалов для объяснения «Калевалы» и своих мифологических исследований. Сам М. А. Кастрен писал: «Калевала и другие древнейшие сборники рун доставили мне богатый материал для мифологических исследований, но я был убежден, что множество рун, песен, устных преданий, еще не записанных, содержат в себе много известий о мифологии».

Из Гельсингфорса путешественник добрался до Куопио, а оттуда через Нурмис и Соткамо он прибыл в Каяни. Уже в Финской Карелии М. А. Кастрен нашел множество новых преданий. Он писал: «Едва вступил я в область Карелии, как открылся передо мною совершенно особенный мир. Самая внешняя жизнь карелов переносит наблюдателя в прошедшее, но особенно во внутренней жизни народа, в его образе мыслей сохраняется эта старина. Она обнаруживается и в привязанности народа к песням, преданиям, сказкам. Я обратил внимание на предания, из которых преимущественно одно доказывает, что лопари, остяки и другие сродные племена, подобно древним финнам, поклонялись известным деревьям... Большинство преданий, собранных мною в Финской Карелии, имеет мифический характер. Но мне удалось, впрочем, отыскать и предания с историческим содержанием. По большей части гласят они о старожилах края, о лопарях, и имеют большое сходство со слышанными мною от лопарей. Рассказы о Лаурукайнене, у карелов называемом Ларикка, по крайней мере в Либелице, пользуются общею известностью. Множество подвигов, относимых лопарями к роду Пяйвиэ, передается здесь о том же Ларикке. Как лопари, так и карелы говорят, что все его подвиги совершены им в борьбе с русскими».

Затем странствия привели М. А. Кастрена в Русскую Карелию. Он прибыл в признанный центр бытования карельского фольклора – деревню Вуоккиниеми[6] (русское название – Вокнаволок), где собрал «весьма много рун и сказок». В одной из деревень Вокнаволоцкой волости Аконлахти (русское название – Баб-губа) «редкий мужик не пропел ему песни или не рассказал сказки». О собранных там преданиях М. А. Кастрен сообщал: «Большая часть преданий вертится вокруг лопарей. Так, между прочим, рассказывали мне, что в старину стародавнюю, когда в Москве еще не было царей, а правили князья, поселились в Аконланхи два знаменитых лопарских шамана. Они спасли жизнь одному князю, совсем умиравшему, и в награду за исцеление один из них в Сулманлахти получил исключительное право ловли лососей, а другой, в Серккиниеми, – право бить лисиц. Предание прибавляет, что порубежные финны убили лопарей и присвоили себе их владения, что лопари уступили бы им добровольно. Вообще в этой стране господствует убеждение, что лопари были ее первыми старожилами, но что потом, мало-помалу, были искоренены финнами во время так называемых warastussodat, peittosodat (воровских, тайных войнах)... Минуя множество других преданий о лопарях, я упомяну

только об одном, слышанном мною в приходе Вуоккиниеми, именно об одном князе лопарском, жившем некогда в окрестностях города Кеми. Полагают даже, что поныне уцелели остатки его местопребывания».

Помимо сбора преданий М. А. Кастрен осматривал так называемые лопарские курганы (Lapinrauniot). Но он высказал сомнение в их лопарском происхождении, поскольку так назывались любые груды камней «всякого рода», то есть и естественного, и искусственного происхождения. По мнению М. А. Кастрена, так могли называть и «старинные печи и очаги, принадлежавшие некогда рыбацким и охотничьим избам финнов или жилищам их (piilopirtit), наскоро выстроенным в темных лесах для укрывательства в военную пору». Но памятники другого типа он был склонен признать лопарскими: «В окрестностях Каяны и в Русской Карелии я имел случай видеть другого рода древности, так называемые лопарские курганы, могилы (Lapinhaudat), которые уже, несомненно, лопарского происхождения. Они, по преданию, служили жилищами для лопарей и, в самом деле, они весьма похожи на некоторые палатки, виденные мною в безлесных краях Лапландии. Эти не что иное, как ямы с конусообразными крышами из дерева, камня и торфа. По рассказам, такие крыши были некогда и на так называемых лопарских курганах, находящихся в Северной Финляндии и Карелии. В этих курганах находили уголь, обожженные камни, разные железные вещи и проч., что подтверждает рассказы о том, что они некогда служили жилищами. В северных краях Финляндии и России есть другого рода лопарские могилы, не имевшие такого значения, но служившие лопарям для ловли оленей».

Третьим источником сведений об этнической истории края стали для М. А. Кастрена данные топонимики. М. А. Кастрен писал: «В краях русских я не слыхал весьма распространенных по Финляндии преданий об Jatulin Kansa или Jattilaiset и Hiidet, но имена местные, производные от Hiisi (в множественном числе Hiidet), здесь весьма обыкновенны, так, например, Hiisiwaara, Hiiden hauta и т. д. Кстати, замечу, что множество местностей в Русской Карелии носят имена, заимствованные от тавастцев[7], например, деревня Häme, Hämehen niemi, Hämeen saari[8] при озере Куйтти-ерви[9] и т. д. Последнее обстоятельство наводит на догадку, что поселенцы из Таваста перешли в русскую Карелию, тем более, что в деревне Лятваерви крестьяне сами выдают себя за колонистов тавастских, за шесть поколений тому назад перешедших в Россию. По другим деревням того же округа я встречал немало семейств, ведших свой род из разных краев Финляндии и поныне сознающих свои родственные отношения. Главное же население края не происходит ни от лопарей, ни от финнов, но остаток древних биармийцев или заволоческой чуди русских летописей».

Наряду с историческими преданиями М. А. Кастрен собирал в Русской Карелии мифологические предания, в чем мало преуспел, а также сказки. Он отметил, что в карельских сказках есть много заимствований из сказок других народов и больше всего – из русских сказок. По этому поводу он писал: «По моему убеждению, большая часть сказок, известных в Карелии, – простой перевод русских сказок, потому что предметом их <являются> цари, царские сыновья и дочери, бояре и богатыри и т. д. Одни напоминают “Тысячу и одну ночь”, другие с характером германским. Замечу как особенность, что в Русской Карелии я слышал сказку, напоминавшую Одиссея в пещере Полифема... По всей видимости, как эта, так и другие сказки, занесены к карелам русскими монахами. Но большая часть их, однако, состоит из русских и скандинавских сказок. Впрочем, нельзя не оговорить, что у русских карелов есть много и своих собственных сказок. Главным предметом их <стало> одно мифическое лицо, одна старуха под именем Syöjätär-akka (старуха-обжора). Но и они переполнены русских подробностей. Они так сходны между собою, что кажутся разными вариациями на одну и ту же тему».

В середине 1850-х годов начинающий этнограф В. И. Ламанский изучал научное наследие М. А. Кастрена. Замечание финского ученого о русских заимствованиях в карельских сказках привело В. И. Ламанского к мысли о роли финноугроведения в изучении русского народа: «...этнографическое изучение финской народности, важное само по себе, независимо ни от каких других обстоятельств, принесло бы, кроме того огромную пользу нам, русским, для наших собственных этнографических занятий». В. И. Ламанский попытался прокомментировать и наблюдение М. А. Кастрена о сходстве одной из карельских сказок с эпизодом из гомеровской «Одиссеи». Относительно заимствования этого сюжета у русских монахов он предположил, что это можно допустить «как исключение», и писал: «Так как у карелов письменности в старину никакой не было, то объясняют влиянием образованных людей, знакомых с Гомером, которые и рассказали карелам, быть может, всю “Одиссею”, а может, только один этот эпизод как самый интересный, а может, и сами-то они знали из всего Гомера только этот эпизод»?

Из Вокнаволока М. А. Кастрен прибыл в село Ухтува (вероятно, имеется в виду село Uhtua, русское название – Ухта, современный поселок Калевала). Там он провел 11 дней, собирая руны. И там же ему удалось найти несколько новых исторических преданий «все по большей части насчет так называемых воровских войн». Одно из них, о набеге финнов на деревню Алаярви, напоминает швейцарскую легенду о Вильгельме Телле: «Ограбив деревню, потащили они (финны. – *А. П., Ю. Т.*) за собою насильно одного давно гонимого ими и ненавистного им старика. В то время как они тащили его по берегу озера, по другому берегу бежал его младший, 12-летний сын и грозился

злодеям застрелить их, если не выпустят отца. Но на угрозы мальчика они не глядели и еще пуще мучили старика. Но когда неустрашимый ребенок еще сильнее стал грозиться, то враги обещали освободить его отца под тем только условием, если с противоположного берега попадет в яблоко (omena), положенное ими на голову отца. Мальчик решился на смелый опыт, а отец дал ему следующий совет: “Käsi ylennä, toinen alenna, järven wesi wetää”, т. е. “Подыми одну руку, опусти другую, вода озера тянет стрелу к себе”. Против всякого ожидания злодеев стрела прямо угодила в яблоко, оно раскололось – и отец был освобожден».

Судя по содержанию, в преданиях о нападениях финнов было много штампов: финны грабили и опустошали Русскую Карелию «вдоль и поперек», жители зарывали ценности в землю, семена отдавали на корм скоту или разбрасывали по снегу и т. д. Однако отдельные предания сообщали о конкретных людях и фактах, бытовых, а иногда и анекдотических подробностях. Так, М. А. Кастрен записал следующую легенду: «В один из набегов неприятель застал врасплох одного карела, Лягонен Титта, когда тот спал богатырским сном. Наконец, пробужденный шумом, Лягонен вскочил с постели, схватил лук, стрелы и портки под мышку и кинулся бежать. Враг за ним. Как ловкий бегун он бы давно избавился от злодеев, но сильный мороз заставил его остановиться, чтобы надеть портки. Тут как раз настигли они его. Тогда он недолго думал, взял лук, стрелы, нацелился на них и закричал: “Katscho, mie ammun” (“Берегись, застрелю”). Враги так струсили, что он, пользуясь их смущением, кончил свой наряд и успел убежать в темный лес».

Еще один сюжет о гибели врагов в пучине водопада также можно признать заимствованным: «Разбойники между тем продолжали свое опустошение и пришли, наконец, к одному озеру под именем Туоннаерви. Отсюда решили они отправиться к Пяэярви (русское название Пяозеро. – *А. П., Ю. Т.*), но, не зная дороги, наняли себе в проводники мужика из деревни Кисеки. На пути им встретился сильный водопад. Приближаясь к нему, проводник направил лодку к берегу, сам выскочил, а ее пустил в водоворот. Тут они и погибли».

Кроме рассказов о «воровских набегах» финнов на Русскую Карелию, М. А. Кастрен услышал в Ухте несколько преданий о некоем исполинском народе под названием Naikkolaiset или Naikon kansa[10]. Ученый передал их так: «О происхождении этого народа есть предание, что леший (metsänhpaa) похитил одну женщину (христианку), родившую от него мальчика и девочку, которые впоследствии произвели на свет это богомерзкое поколение, названное Naikkolaiset. Чуждаясь всякого сообщества с христианами, народ этот поселился на горе Хапаваре и там образовал совершенно заключенное в себе самом общество. Число людей, принадлежавших к этому поколению, сводилось до 17 мужчин, способных носить оружие. Все они погибли до последнего человека в воровскую войну. Об этом народе я ни прежде, ни после не слыхал никакого предания».

Из Ухты путешественник отправился в Туоппаярви (русское название – Топозеро), а оттуда через Пяэярви в Куусамо. Там он нашел много преданий о лопарях. Одно из них рассказывало о борьбе лопарей с неким соседним народом: «Про них, между прочим, говорили, что они (лопари. – *А. П., Ю. Т.*) были в постоянной вражде с одним народом под названием Kiwekkäät. Быть может, это искаженное слово вместо Kiwikäet (единственное число – Kiwikäsi, каменная рука) и намекает на то, что народ этот употреблял камни как орудие метательное. Подтверждением этой догадки служит то обстоятельство, что на этом месте, где, по рассказам, происходила битва лопарей с народом Кивиккиэм, найден был камень, весьма похожий на пращу».

Еще одна легенда привлекла внимание М. А. Кастрена, поскольку в ней хорошо отражались юридические представления лопарей: «Один лопарь в Куусамо тайно умертвил свою жену. Но это злодеяние вскоре было открыто его десятилетним сыном. Мальчик открыл тайну родным своей покойной матери. Они созывают старшин деревни на следствие. Судьи, по обычаю, собрались в доме обвиненного и устроили так называемую судную избу (kota-käräjat). Уличенный был приговорен к виселице, и судьи же привели свой приговор в действие. Еще доселе указывают на место казни, и местные жители рассказывают, что не очень давно разрыли его скелет, какой-то заржавленный котел, нож и топор».

Можно отметить, что во время этой поездки по Русской Карелии М. А. Кастрен, помимо сбора сведений о мифологии лопарей и карел, проявлял большой интерес к этнической истории края. Причем для ее изучения он использовал краеведческие методы (сбор исторических преданий, сбор и анализ данных топонимики и этнонимики и осмотр остатков и развалин курганов, жилищ и других материальных памятников). Собранные данные позволяют сделать вывод о сложной истории отношений между финнами, лопарями, карелами и русскими в Северной Финляндии и Архангельской Карелии, о занятиях северных карел, их богатом фольклоре и исторических представлениях.

Из Куусамо М. А. Кастрен вернулся в Улеаборг, а оттуда – в Гельсингфорс. По возвращении, в конце 1839 года, он издал и защитил диссертацию о склонении имен в финском, эстонском и саамском языках «De affinitate declinationum in lingua Fennica, Estonica et Lapponica» («О сродстве склонений в языках финском, эстонском и лопарском»). После этого, в начале 1840 года, его избрали доцентом финского языка и языков древних северных племен университета Гельсингфорса. О своих путешествиях по Лапландии М. А. Кастрен напечатал много небольших заметок в финских газетах и большой очерк в «Аль-

манахе», изданном профессором Я. К. Гротом к юбилею Гельсингфорского университета [5; 189–211]. В 1841 году вышел подготовленный им «по содержанию верный и по поэтической форме удачный» перевод «Калевалы» на шведский язык. Это был первый полный перевод «Калевалы». За него М. А. Кастрен получил от Финского литературного общества 500 рублей ассигнациями. Весной 1841 года М. А. Кастрен в качестве доцента читал студентам лекции по «Калевале».

В это время группа молодых ученых стала издавать в Гельсингфорсе журнал «Suomi», в котором М. А. Кастрен опубликовал две небольшие, но ценные в научном отношении заметки: «О значении слова Lapp» [19; Osa 2, 3–7] и «Замечания о некоторых звуках в финском языке» [19; Osa 2, 7–16].

В 1841 году на средства Финского литературного общества М. А. Кастрен вместе с Э. Леннротом начал новое путешествие в Лапландию, чтобы изучить ее русскую часть[11] – север Архангельской губернии вплоть до мест обитания самоедов[12]. Одной из целей поездки М. А. Кастрена по Кольскому полуострову было выяснение древней этнической истории этой территории на основе исторических преданий и данных топонимики, а также трудов своего предшественника А. М. Шегрена. По поводу своего приезда в деревню Мансельке, или Маасесид, ученый писал: «Название это, очевидно, финское, так же, как по западным и восточным берегам Белого моря есть множество местных названий финского происхождения. Это, казалось, могло бы подтвердить предположение Шегрена о первоначальных поселениях карел по всему уезду Кольскому до Северного океана включительно. Предположение свое Шегрен основывает не столько на местных названиях, сколько на том влиянии, которое имел финский язык на русско-лопарский, и на древнее предание о Валите или Варенте, славном владетеле в Кореле или Кексгольме, вассале новгородском, который “завоевал Лапландию или Мурманскую землю” и заставил лопарей платить дань Новгороду[13]. Какую бы цену ни придавать этому преданию... все же оно мало говорит в пользу колонизации Русской Лапландии карелами» [8; 282–283].

М. А. Кастрен упоминает предание о Валите со ссылкой на работы А. М. Шегрена, хотя впервые она была опубликована в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В IX томе этого сочинения, опубликованного в марте 1824 года, Н. М. Карамзин привел легенду о Валите, средневековом правителе Корелы и даннике Великого Новгорода, «муже необычной храбрости и силы», который совершил поход на Кольский полуостров, разбил там объединенное войско лопарей и норвежцев, обложил данью лопарей и в знак своей победы поставил на месте Варенгского летнего погоста памятный знак «Валитов камень» – огромный камень, окруженный оградой. Эта легенда была записана «от лапландских старожилов» в 1592 году князьями Звенигородским и Васильчиковым. В ней также упоминались Валитова губа (залив), Валитово городище и другие памятники [3; 14]. Впрочем, М. А. Кастрен считал, что в предании о Валите отражены события одного из многих грабительских походов карел в Лапландию, который не имел таких целей, как обложение лопарей данью и разграничение владений с Норвегией.

В колонизации Лапландии М. А. Кастрен отмечал несколько потоков. О проникновении туда финнов он писал: «...как то можно заключить частью из финских и лопарских преданий, частью из исторических сведений, а также и из современных отношений, мирным путем переселялись финны в Лапландию отдельными семьями, гонимые то неурядицею, то неурожаями. Когда же при выборе жилищ посягали они на старинные права лопаря, на его лес, его ловища, то дело обыкновенно доходило до схваток, почему даже и многие местности в Северной Финляндии носят, по преданиям и подобные прозвища: Riitasaari (боевой, спорный остров), Torajärvi (спорное озеро) и т. д. Когда же завладение не противоречило правам первоначальных жителей, то финны поселялись тогда беспрепятственно...» По мнению М. А. Кастрена, лишь немногие представители финно-угорских народов селились в Лапландии, а поселившись, часто подвергались лопарской ассимиляции. Выводы М. А. Кастрена противоречили ранее высказанному мнению А. М. Шегрена о том, что карелы вытеснили лопарей из всей восточной и южной части Кольского уезда, овладели их землею и потом подвинулись даже далее к северу. Также он считал неверным и другое предположение М. А. Шегрена о том, что еще позднее эти карелы были отодвинуты на юг русскими, которые заселили южную часть Кемской Лапландии. Полемика М. А. Кастрена со своим наставником А. М. Шегреном, с которым он находился в постоянной переписке даже во время путешествий, свидетельствует, что оба ученых придерживались высоких принципов служения науке, и для них критика собственных научных взглядов в свете новых материалов была делом естественным и обычным. Кроме того, эта полемика свидетельствовала о том, что в ходе трех экспедиций в Лапландию М. А. Кастрен собрал множество материалов и по своим познаниям в области этнической истории финно-угорских народов не только не уступал, но и превосходил своего наставника.

Кроме критики взглядов А. М. Шегрена М. А. Кастрен изложил свои представления об этнической истории Лапландии. Он писал: «...население по рекам Кеми и Торнео состоит из смеси саволаксов[14], карелов и лопарей. Саволакская стихия преобладает более на севере... Эту колонизацию можно отчасти объяснить семейными предприятиями, доказывающими, что предки их переселились сюда в различные времена, из различных краев и от разных причин, чаще от беспорядков и неурожаев. Карельская отрасль господствует в Рованиеми, Кеми и в нижнем Торнео. Время переселения их неизвестно, но мне кажется вероятным, что эти поселенцы появились здесь мало-помалу

из нынешнего Кемского округа, сперва утвердились в Рованиеми, оттуда уже перешли в Терволу, Кемь и нижнее Торнео. Таков с незапамятных времен обыкновенный торговый путь карелов, быть может, возобновленный путь их прежних переселений и набегов. По крайности, замечательно то, что поселения карелов прекращаются при Рованиеми. В благоприятной по многим отношениям местности, в Кемитреске, едва можно отыскать следы их, тогда как она бы служила непременным их убежищем в том случае, если бы они были вытеснены из Русской Лапландии в Финляндию. Родство жителей Кеми, Торнео и Рованиеми с русскими карелами доказывается многими обстоятельствами...» Для доказательства карельских корней у многих жителей Финской Лапландии М. А. Кастрен использовал данные языка, а также сходство их старинной одежды и предметов обихода с одеждой и такими же предметами у русских карел. По этому вопросу в записях М. А. Кастрена имеется любопытное наблюдение: «Старинный наряд тех и других (жителей Финской Лапландии и русских карел. – *А. П., Ю. Т.*) так схож с русским, что несколько лет тому назад я... принял одного крестьянина из моей родины Терволы за русского карела. То же сходство обнаруживается и в различных орудиях и домашних вещах, например, в санях, лодках, косах, ларях и т. д.». Наблюдения М. А. Кастрена доказывают, что в эпоху Средневековья карелы освоили большую территорию на северном побережье Ботнического залива.

Выяснив западные границы расселения карел в Лапландии, М. А. Кастрен попытался проследить распространение карел на Кольский полуостров: «...нельзя в то же время не заметить в южной части Кольского уезда смешения лопарей с карелами. Оно обнаруживается не только в языке, но и в телосложении, и в чертах лица, в нравах и обычаях. Так, в Мансельке лопари очень высокого роста, не с тонким писклявым дискантом, как обыкновенно у лопарей, но с густым басом, живут отчасти в курных, отчасти в карельских избах и столетия остаются на одном и том же месте, что не в обычае лопарей. Речь их переполнена карельскими словами и поговорками».

Затем М. А. Кастрен и Э. Леннрот добрались из Финской Лапландии через норвежский Лапмарк до Русской Колы. Описание поездки по Русской Лапландии М. А. Кастрен тоже опубликовал позднее в журнале «Suomi» [19; 1842, Osa 4, 3–35][15]. Из Колы путешественники перебрались через Кандалакшу в Кемь. По дороге М. А. Кастрен на основе личных наблюдений изучал этнический состав современного населения и на основе данных топонимики и фольклора этническую историю Поморья. Он писал: «Дорога от Кандалакши до Кеми, около 262 верст, идет отчасти по берегам, отчасти внутри страны. Берег населен русскими, деревни же, лежащие на несколько верст в сторону, населены карелами. Много карел и в русских деревнях, но все они переселились сюда уже в недавнее время. Но все-таки множество местных названий и весьма распространенных между жителями преданий доказывает, что русские деревни, по крайности, многие из них, прежде населены были карелами. Предание различает финнов, у русских известных под именем шведов, карелов, кареляков и чухон. На юго-западном берегу Белого моря есть только предания о карелах. На южном и западном берегах древними жителями страны, должно быть, была и чудь[16], которую предание обыкновенно соединяет с инграми и эстами».

Обосновав присутствие в древности на побережье Белого моря финно-угорского населения, М. А. Кастрен попытался ответить на вопрос: «Куда же девались древнейшие жители этого прибрежья»? Он высказал такое предположение: «Невероятно, чтобы они (финно-угры. – *А. П., Ю. Т.*) были оттеснены русскими в Лапландию и оттуда в Финляндию. По всей вероятности, а также по кое-каким уцелевшим преданиям и по слабости русского населения в северной части Архангельской губернии, заключить можно, что русские приходили сюда не вооруженною силою, не большими толпами. Нет, их просто привлекала сюда нужда, надежда на удобство жизни и дух предприимчивости, или, может быть, совершенно внешние, случайные причины побудили несколько семейств искать здесь себе жилищ. Не было почти и места праву сильного, по крайности, в те времена, когда единство веры и правления связывало в один союз и старожилов края, и новых поселенцев. С течением же времени произошло столкновение различных между собою народностей по языку, нравам и обычаям. Оно кончилось исчезновением финской народности по берегам Белого моря... Что русские поселились в нем мирно, приняли в себя народность финскую, а не искореняли ее, то доказывается и нечистотою русского языка архангелогородцев, наполненного феницизмом и финским обличием, беспрерывно попадающим под русскою шляпою». Таким образом, М. А. Кастрен предположил, что поморы являются потомками русских, пришедших из Центральной России, и местного финно-угорского населения.

Из Кеми М. А. Кастрен и Э. Леннрот через Соловецкий монастырь отправились в Архангельск. В Соловецком монастыре М. А. Кастрен скопировал часть Соловецкого летописца, отрывки из которого тоже опубликовал в журнале «Suomi» [19; 1843, Osa 4, 191–212]. В Архангельск путешественники прибыли в конце мая 1842 года. К тому времени М. А. Кастрен чувствовал себя очень плохо, так как простудился в пути, а денег у него было только 10 норвежских талеров. Из Архангельска Э. Леннрот должен был вернуться в Финляндию, где его ожидали его врачебные обязанности, а также из-за нехватки денег. М. А. Кастрен решил остаться, чтобы изучить самоедский язык.

В марте 1845 года, едва оправившись от мучавшего его туберкулеза (чахотки), М. А. Кастрен отправился в далекое путешествие в Сибирь для изучения самоедов и их соседей. М. А. Кастрен стал первым исследователем языка многих сибир-

ских народов. В июле 1848 года из-за серьезного ухудшения здоровья он отправился в обратный путь и 13 (25) января 1849 года вернулся в Петербург. Несмотря на то что болезнь не покидала М. А. Кастрена, почувствовав себя немного лучше, он подготовил общий отчет об экспедиции для Академии наук и несколько работ о языках сибирских народов. В январе 1849 года М. А. Кастрен был принят на службу адъюнктом Академии наук на три года с «дозволением» жить в Гельсингфорсе, куда он вскоре и уехал. Известность М. А. Кастрена быстро росла. В день рождения Х. Г. Портана, 28 октября (9 ноября) 1849 года, М. А. Кастрен выступил перед «образованною публикою Гельсингфорса» с докладом «Где была колыбель финского народа?», затем напечатанным. В этом докладе М. А. Кастрен доказывал, что прародиной финских и самодийских народов являются горы Алтая. На заседании 3-го отделения Санкт-Петербургской Академии наук 25 января 1850 года от имени М. А. Кастрена была представлена статья о подготовленном Э. Леннротом новом издании «Калевалы» под названием «Euber die neueste Redaction der Kalewala-Runen», опубликованная в «Бюллетене» Академии наук [Bd. 7. S. 305–314].

Когда в Гельсингфорском университете открылась кафедра финского языка, М. А. Кастрен, с согласия Академии наук, получил там 2 (14) марта 1851 года должность профессора и с апреля стал читать лекции в университете. Один из его курсов был посвящен финской мифологии. М. А. Кастрен писал об этом А. М. Шегрену: «...я преподаю раз в неделю мифологию, сличая при том религиозные понятия и представления финнов с такими же понятиями и представлениями других родственных племен. Что читано мною до сих пор, то уже почти готово к печати. Некоторые статьи намерен я перевести для вашего “Бюллетеня”. В течение этого семестра я окончу отдел о божествах, а будущею весною думаю разделаться со всею мифологиею».

Летом и осенью 1851 года состояние здоровья М. А. Кастрена снова ухудшилось. В начале января 1852 года он слег в постель и не смог поехать в Петербург, чтобы отчитаться за три года работы в должности адъюнкта. В качестве отчета ученый отправил три своих больших, подготовленных к печати работы, в том числе «Историческое описание» своего путешествия на 75 листах. В марте 1852 года он прислал А. М. Шегрену свою новую статью «Что значат слова Юмала и Укко в финской мифологии?», опубликованную в «Suomi» [19; 1851, 117–162]. А. М. Шегрен опубликовал ее на немецком языке в «Бюллетене» Академии наук [Bd. 10. S. 30–62]. Это была последняя статья М. А. Кастрена, законченная им лично. Ученый скончался от туберкулеза 25 апреля (7 мая) 1852 года, прожив 38 лет, 5 месяцев и 5 дней, и был торжественно захоронен в Гельсингфорсе.

Полное собрание сочинений М. А. Кастрена в шести томах вышло после его смерти, в 1852 году [17]. Именно это издание легло в основу многочисленных публикаций работ ученого, вышедших в России и Финляндии, например [14], [8]. Важнейшей работой М. А. Кастрена, касающейся этнографии российских лопарей, является «Resa till Lappland, Norra Ryssland och Sibirien eren 1841–1844», опубликованная в 5-м томе [17]. Отрывки из нее были перепечатаны на русском языке в 1846 году в газете «Архангельские губернские ведомости» (№ 31), в «Вестнике Императорского Русского географического общества» [8; 292–320] и в других изданиях, но информация о лопарях в них носила обобщенный характер, без деления лопарей на финских и российских. В посмертном шеститомном собрании сочинений М. А. Кастрена кроме работы «Путешествие в Лапландию, Северную Россию и Сибирь в 1841–1844 гг.» помещены небольшие статьи: «О значении слова “Lapp”» и «О влиянии акцента на лопарский язык». По решению Санкт-Петербургской Академии наук, адъюнкт (с 1854 года – академик) А. А. Шифнер опубликовал богатое научное наследие М. А. Кастрена в 12-томном сборнике «Северные путешествия и исследования» [18]. Частично эти материалы были опубликованы и на русском языке [14].

По результатам своих исследований М. А. Кастрен выдвинул предположение, что диалекты саамского языка не настолько отличаются друг от друга, как считалось раньше: «Наречие русских лопарей в грамматическом отношении не представляет существенного отличия: оно приближается то к языку горных лопарей, то к наречию энарскому или же представляет переход от одного к другому. Свойственная ему особенность состоит в оттенках форм, применительно в усеченном окончании: конечные гласные заменяются в нем русскими окончаниями на Ъ или Ь. Многоразличные изменения гласных, столь обильных в энарском диалекте, здесь не встречаются. Русские лопари насчитывают у себя три главных наречия: первое – в Ненсинга, Муотке, Пастъоки, Синьеле, Пусто-озере, Йок-острове, Бабье; второе – в Семиостровье, Ловозере, Воронеске, Кильдине, Мансельке; третье – на Терском полуострове, между Святым носом и Поноем. Различия состоят преимущественно в большем или меньшем количестве иноземных слов и оборотов, финских, русских или норвежских, смотря по тому, с какими из этих народов лопари имеют наибольшее соприкосновение» [6]. Таким образом, М. А. Кастрен солидарен с Э. Леннротом в делении языка русских саамов на три основные группы, но в определении особенностей грамматики и произношения он продвигается вперед, делая собственные выводы относительно сходства и различия русского диалекта лопарского языка с соседними. Влияние соседних народов на модификации диалектов принимается М. А. Кастреном однозначно, хотя основа (грамматика языка), по его мнению, является общей для всех саамов.

Большой вклад М. А. Кастрен внес в изучение этнографических особенностей саамов Русского Севера и фактически заложил основы региональ-

ной этнографии. Он обратил пристальное внимание на расшифровку такого понятия, как «нрав». Характеристика саамского нрава, характера, представленная ученым, является одной из наиболее точных и глубоких не только к середине XIX века, но и, возможно, за весь период изучения саамов Кольского полуострова: «Лопарь вообще тихий, мирный, уступчивый; “мир” – его счастие, его блаженство. Предание говорит, что в лопарской земле, хотя снаружи все грязно, зато в недрах ее скрывается чистое золото; это золото – мир, обожаемый лопарями. Они переносят все лишения, чтобы, хотя короткое время, наслаждаться миром. Это первое слово их приветствия и конечная цель их бытия. Мирно прожить – больше лопарь ничего не желает...» [17; Vol. 5, 139]. В то же самое время М. А. Кастрен, как и Э. Леннрот, отмечает весьма сильное влияние русских на характер и поведение лопарей. Говоря о «мире», обожаемом лопарями, М. А. Кастрен дистиллирует их образ, предлагает взгляд на «истинного», не поддавшегося внешним агрессивным воздействиям, представителя этого народа. Это описание более походит на отрывок из энциклопедии, учебника о том, каковы лопари «в идеале», не затронутые нашествием соседних, более активных народов. Но таких лопарей к середине XIX века практически не оставалось. Возможно, процесс ассимиляции финских лопарей финнами проходил более плавно и размеренно, поскольку эти народы являются все-таки представителями одной языковой группы и имеют во многом схожие традиции, культуру, язык. Но воздействие русских на лопарей оказалось весьма агрессивным, что ученые не преминули показать. И не столько в вопросе языка, который является главнейшей темой исследований, сколько в вопросе быта, хозяйства, характера. Об этом М. А. Кастрен писал: «На Мурманском берегу заметно уже весьма изменение народного характера лопарей и влияние российское: там уже вы встретите лопарей иногда шумных, иногда веселых, расчетливых не по-лопарски. В кругу поморцев вы всегда отличите лопаря (не говоря о наружности) по его молчаливости, но среди других лопарей мурманский лопарь покажется вам настоящим русским» [17; Vol. 5, 139]. Хозяйственная жизнь лопарей также вызывает размышление М. А. Кастрена. Он приводит свои предположения относительно того, почему среди русских лопарей оленеводство развито не настолько хорошо, как среди западных. В первую очередь, по мнению ученого, сама природа на Кольском полуострове более призывает к занятиям рыболовством, нежели разведению оленей, благодаря рыбным богатствам Белого моря и Мурманского побережья, а также двум большим озерам (Имандре и Нотозеру) и бессчетному количеству малых. «Почему бы русским лопарям, – пишет М. А. Кастрен, – не использовать эти источники для пропитания и не поменять дикую горную жизнь на более легкую жизнь рыбака?» [17; Vol. 5, 130]. Вторая причина, по мнению исследователя, заключалась в воздействии православной церкви, которая практически полгода запрещает есть мясо, главный продукт оленеводства, что также привело к необходимости перейти на более выгодный способ добывания пищи.

Среди особенностей саамской жизни, не подвергшихся значительным изменениям, М. А. Кастрен выделяет жилище и одежду: подобно остальным, русские лопари по-прежнему жили в вежах в зимнее время года и носили костюмы, сшитые из оленьих шкур, хотя и в этих вопросах проявляются некоторые заимствования из русской традиции: переход к строительству изб, особенно на территориях, близких к границам русских и карельских поселений, и использование элементов национального русского костюма в одежде лопарей [17; Vol. 5, 132–133].

Материал, собранный во время экспедиции по Лапландии, представляет собой огромную лингвистическую и этнографическую ценность. Особенность подхода ученого заключается в многофакторном изучении современного ему состояния лопарей, комплексного анализа существующего положения их экономики, выделении очевидных и скрытых причин неразвитости оленеводства и, наоборот, успехов в рыболовстве. Значительное внимание М. А. Кастрен уделяет воздействию русского населения на различные аспекты жизнедеятельности лопарей, причем не только негативного (изменение характера, пристрастие к алкоголю и пр.), но и относительно позитивного, например, заметный переход к более оседлому способу существования, строительство изб, даже обманы и лукавство в торговле как адекватная реакция на известное жульничество русских при совершении сделок. Работы М. А. Кастрена явились не только продолжением «финского направления» в изучении русских лопарей, но и закономерным этапом развития этнографического направления в науке, когда происходит логичный переход от сбора полевого материала и его первичной систематизации к комплексному анализу особенностей этноса и взаимосвязей, существующих между ним и окружающей средой, а также влияния этих взаимосвязей на изменения, происходящие в жизни этноса.

Большой интерес представляет работа М. А. Кастрена «О значении слова “Lapp”» [17; Vol. 5]. Фактически М. А. Кастрен был первым профессиональным филологом, рассматривавшим этот вопрос и предложившим свою интерпретацию слова «lapp». Эта проблема привлекала внимание многих авторов, писавших о лопарях, и вызывала множество предположений относительно его значения. В разное время высказывались следующие предположения о значении слова «lapp»:

1. lappe – lappet (саам.) – loappet (фин.) – прогонять, изгонять (И. Шеффер), отсюда lapp означает «изгнанный».
2. loap – loaap (саам.) – loppu (фин.) – край, конец (Леем).

М. А. Кастрен считал, что слово «lapp» не могло произойти от lappet грамматически и вряд ли сами лопари могли дать себе наименование

«изгнанные», а другие народы вряд ли могли заимствовать это наименование из саамского языка. Более вероятным ему казалось предположение о заимствовании финского слова loppu, означающего “край”, “конец”. Но, замечает исследователь, в финском языке [o] не меняется на [a], поэтому превращение loppu в lappi невозможно. Весьма часто встречается изменение сочетания [oa] на [aa], поэтому вероятно, что произошло превращение loappet в lappi. М. А. Кастрен утверждал, что филологических противоречий в этой гипотезе нет, даже наоборот, она подтверждается тем, что сами лопари не желают называть себя этим именем [17; Vol. 5, 3–7]. Таким образом, М. А. Кастрен предположил, что lapp произошло от loappet и означает «край, конец». Его лингвистические находки заложили основу для последующих достижений в изучении саамского языка, предпринятых в XIX–XX веках.

Благодаря деятельности М. А. Кастрена был достигнут большой прогресс в изучении финно-угорских народов. Он собрал и систематизировал огромное количество информации о расселении, истории, языке, фольклоре и культуре финно-угорских народов Европейской России и Сибири. Благодаря его усилиям финно-угроведение окончательно стало самостоятельной научной дисциплиной.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Биографию М. А. Кастрена и библиографию его трудов и работ о нем см.: [16], [10], [9], [13], [2], [20]. О поездках М. А. Кастрена по Кольскому полуострову см.: [7; 24–34].
2 Описание этой поездки см.: [8; 219–250].
3 Poika – парень (с финского), в данном случае – сын.
4 Биармия – страна, упоминаемая в скандинавских источниках конца IX – середины XVI века, в разных источниках помещалась на Кольском полуострове, в низовьях Северной Двины и в других местах (см. подробнее [1; 9–22]).
5 Описание этой поездки см. [8; 251–262].
6 Niemi – наволок, мыс (с северокарельского и финского).
7 Тавастцы или тавасты – шведское название финского племени Häme (древнерусские летописи называют его емь или ямь), населявшего сопредельные с Карелией внутренние районы Финляндии.
8 Hämhen niemi – Емский наволок (мыс), Hämhen saari – Емский остров (с северокарельского и финского).
9 Järvi – озеро (с северокарельского и финского).
10 Kansa – народ (с северокарельского и финского).
11 Описание этой поездки см. [8; 262–320].
12 Самоеды – старинное русское название ненцев.
13 Подробный обзор упоминаний о Валите в источниках и исследованиях см. [11; 132–138]. См. также [15; 107–109].
14 Саволаксы – жители финской провинции Саво, потомки племени хяме (летописная емь) и древних карел [12; 16].
15 Частичный перевод этой статьи из журнала «Suomi» был опубликован на русском языке [4; 145–160].
16 Чудь – общее название для живших на Севере и в Прибалтике финно-угорских племен, которое использовали в Древней Руси. Так, в бассейне Северной Двины проживала чудь заволочская (см. подробнее [1; 39–51]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов В. Н. Русский Север. М., 2006. 576 с.
2. Загребин А. Е. Финно-угорские исследования в России (XVIII – первая половина XIX века). Ижевск, 2006. 324 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 11. СПб., 1843. С. 26–27; Примечания к Т. 11. С. 14 (репринт: М., 1989).
4. Кастрен и Леннрот в Русской Лапландии // Современник. 1843. Т. 29. № 2. С. 145–160.
5. Кастрен М. А. Несколько дней в Лапландии // Альманах в память двухсотлетнего юбилея императорского Александровского университета. Гельсингфорс, 1842. С. 189–211.
6. Кастрен М. А. Очерки Финского Севера России // Архангельские губернские ведомости. 1853. № 19, 20.
7. Кошечкин Б. И. Открытие Лапландии. Мурманск, 1983. 128 с.
8. Ламанский В. И. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. Вып. 4. СПб., 1858. С. 219–320. Далее цитаты приводятся по этому изданию.
9. Муравьев В. Б. Вехи забытых путей: Финский этнограф и лингвист М. А. Кастрен. 2-е изд. М., 1975. 71 с.
10. Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти: Сборник статей. Л., 1927.
11. Попов А. И. Валит // Советское финно-угроведение. Вып. 5. Петрозаводск, 1948. С. 132–138.
12. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. 296 с.
13. Салминен Т. Маттиас Александр Кастрен // Сто замечательных финнов: калейдоскоп биографий / Под ред. Т. Вихавайнена. Хельсинки, 2004. С. 228–235.
14. Собрание старых и новых путешествий. Ч. 2. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / Предисл. А. Шифнера // Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник Н. Фролова. Т. 6. М., 1860. 3, 4, 495 с.
15. Флоря Б. Н. Русско-норвежские отношения XIII–XIV веков и рассказ о Валите // Внешняя политика Древней Руси: Тезисы докладов. М., 1988. С. 107–109.
16. <Шегрен А. М.> Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестник Русского географического общества. 1853. Ч. 7. Отд. 7. С. 100–133.
17. Castren M. A. Nordiska resor och forskningar. Helsingfors, 1857.
18. Nordische Reisen und Forschangen. Bd. 1–12. SPb., 1852–1862.
19. Suomi. 1841–1851.
20. Tigerstedt K. K. M. A. Castren lefnad och resor bergttade fur ungdom. Helsingfors, 1868.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 Культурология 2009

УДК 78

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ САВВАТЕЕВ
доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
sawateev@krc.karelia.ru

СТРАНИЦЫ КУЛЬТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Статья посвящена одной из новаций в культуре Карелии 30-х годов XX века, связанной с возрождением карельского и финского народного музыкального инструмента кантеле – его усовершенствованием и использованием в профессиональном музыкальном искусстве. Инициатором выступил В. П. Гудков, который создал экспериментальный кантеле-оркестр, а затем Государственный ансамбль песни и танца «Кантеле», ставший неотъемлемой частью музыкальной жизни республики и всей страны.

Ключевые слова: «Калевала», В. П. Гудков, кантеле

В 30-е годы в Карелии наблюдаются заметные сдвиги в развитии профессиональной культуры. Среди новаций – возрождение народного музыкального инструмента кантеле и создание профессионального ансамбля песни и танца «Кантеле». Инициатива принадлежала истинному энтузиасту продвижения культуры в широкие слои населения с использованием национальных народных традиций и достижений прошлого – Виктору Пантелеймоновичу Гудкову (1899–1942). На 2009 год приходится ряд юбилейных дат, непосредственно связанных с его жизнью и деятельностью. Это и 110-летие со дня его рождения, и 160-летие полного издания «Калевалы», серьезно повлиявшей на его творческую деятельность, и, наконец, 70-летие включения детища В. П. Гудкова – ансамбля песни и танца «Кантеле» – в состав Карельской филармонии. Имеются все основания хотя бы кратко осветить относительно короткий жизненный путь этого человека, его вклад в изучение и использование народной музыкальной культуры карелов, финнов, вепсов (см.: [19; 282], [13; 87, 89, 91, 440], [16; 18, 154, 158], [15; 45–47, 62], [7], [6; 309–310]).

Виктор Гудков родился 4 сентября 1899 года в г. Воронеже, в русской семье, которую вряд ли можно назвать вполне благополучной. Отец служил в нотариальных конторах. Из-за пристрастия к спиртному вынужден был неоднократно менять место жительства и работы. Мать – домохозяйка, активная участница подпольной революционной борьбы в партии эсеров. Некоторое время она провела в Бутырской тюрьме. Отец в 1914 году скончался. Дети – Виктор и его младший брат Юрий – в течение трех лет жили в крайней нужде, но проявили характер, волю и выдержку, желание учиться. Виктор занимался в частном реальном училище в Воронеже и в 1917 году окончил 6 классов. С таким образованием он и вступил в самостоятельную жизнь. Этот год стал для него особенно значимым. Вместе с матерью и отчимом В. П. Гудков перебирается «на Мурман» и полтора года работает конторщиком на станции Кола Николь-

© Савватеев Ю. А., 2009

ской железной дороги. Осесть там надолго не позволила высадка союзников в Мурманске и начавшийся захват железной дороги. В. П. Гудков не оказался в оккупированной зоне только потому, что был избран делегатом съезда железнодорожников и выехал в г. Петрозаводск, где предполагалось его проведение. Он решил здесь и остаться, нашел работу на железной дороге, но проживание на новом месте не радовало. В поисках «более сытного существования» В. П. Гудков перебирается в Курскую губернию, где служит санитаром эпидемиологического отряда, и вскоре заболевает тифом. Там же, в Дмитриевском уезде, женится. Какое-то время молодоженам пришлось жить у тещи в с. Петровском. Найти более подходящее место для проживания помог брат жены, политработник Красной армии, пригласивший В. П. Гудкова в Симбирск, где его вскоре призывают в Красную армию. Чуть больше года он служит в Симбирске, а затем в Казани, в «среднем политпросветсоставе», где, по его признанию, пробудилось и окрепло политическое самосознание. «Политпросветработа» на 12 лет становится основной профессией. В возрасте 21 года В. П. Гудков вступает в члены ВКП(б) и всю жизнь преданно служит ей. В связи с заболеванием сахарным диабетом В. П. Гудков увольняется из рядов Красной армии и, узнав об освобождении Мурманска, он решает вернуться на Север. Прибыв в Мурманск, обращается в Губком ВКП(б), где встречает доброжелательный прием. С мая 1921 года два с половиной года работает инструктором, а затем более двух лет – ответственным редактором газеты «Полярная Правда». В 1928 году из-за обострения хронической болезни – туберкулеза – уехал на лечение в Ленинград. Чтобы после больницы находиться под наблюдением врачей-специалистов, устраивается на работу заведующим красным уголком кондукторского резерва железной дороги. В это время он вместе с семьей живет у своей дальней родственницы Ольги Берггольц. Работа не приносила удовлетворения, и В. П. Гудков вновь просит направить его на Север. Недолгое время В. П. Гудков работает в Мурманске в клубе при депо, где создает молодежную агитбригаду (так называемых «синеблузочников») и пишет свои первые стихи. Через некоторое время он отправляется на станцию Кандалакша, где становится массовиком железнодорожного клуба. В 1930 году по поручению РК ВКП(б) организует газету «Кандалакшский коммунист» и почти полтора года остается ее ответственным редактором.

Журналистика была близка Гудкову, но делом всей жизни она не стала. Случай повернул ее в другое профессиональное русло – в сферу музыкальной культуры. Еще в юношеские годы проявился интерес к народной музыке, играя в созданном в Воронежском реальном училище Великорусском оркестре на балалайке, а позже интерес к народной музыке закрепился во время клубной работы. Рано познакомился Гудков и с русским переводом «Калевалы», которым зачитывалась вся воронежская интеллигенция и который произвел на Гудкова неизгладимое впечатление. Еще в Кандалакше, как-то оказавшись в гостях у финского рабочего, В. П. Гудков увидел привезенный из Финляндии видоизмененный народный инструмент кантеле, упоминавшийся в «Калевале». Он буквально заворожил Гудкова. Интерес к инструменту «подогрела» встреча во время командировок в г. Петрозаводск с директором музея С. Макарьевым. Быстро созрел проект усовершенствования и использования кантеле в современных условиях. В. П. Гудков понимал, что реализовать его можно только в Петрозаводске. Последовали письменные обращения в Карельский обком ВКП(б) и Карельский научно-исследовательский институт (КНИИ) с планами реконструкции кантеле и организации кантеле-оркестра. Затем он сам наведывается в Петрозаводск, посещает КНИИ и Карельский государственный краеведческий музей (КГКМ), в фондах которого хранились несколько подлинных народных кантеле из сел и деревень Карелии. Знакомство с ними только укрепило в правоте первоначального замысла. В. П. Гудков начал собирать кантеле для будущего оркестра уже в Кандалакше, где он оставался до сентября 1932 года. По его заказу изготовлено сначала 6, а затем еще 11 инструментов.

Карельский обком ВКП(б) принимает решение перевести В. П. Гудкова с должности ответственного редактора районной газеты в г. Кандалакша в аспирантуру КНИИ «для работы в области музыкальной культуры Карелии» (тогда Кандалакшский район и г. Кандалакша входили в состав КАССР). Прибыв «в распоряжение КНИИ», он просит официально оформить его прием в аспирантуру института. И с 1 сентября 1932 года зачисляется аспирантом по этнографо-лингвистической секции с выплатой стипендии в размере 250 руб. [2]. Руководителем его аспирантуры стал известный советский фольклорист, ученик Б. Асафьева, Е. В. Гиппиус.

Так начинается новый, наиболее продуктивный в плане самореализации этап жизни В. П. Гудкова [3]. Весьма скоро его имя обретает известность и признание не только в Карелии, но и за ее пределами. В КНИИ он оказался к месту и ко времени, встретил понимание и поддержку, стал не только аспирантом, озабоченным подготовкой к защите диссертации, но, прежде всего, полноправным научным сотрудником и даже возглавил сектор музыкальной культуры. Новичок сразу же включился в работу по нескольким направлениям, проявив немало терпения, настойчивости и целеустремленности. Приоритетом стал масштабный экспериментальный проект по возрождению кантеле, его усовершенствованию и использованию. Требовалось реконструировать и изготовить несколько разновидностей

кантеле для экспериментального кантеле-оркестра при КНИИ. На его базе в будущем планировалось создать полноценный народный оркестр, способный нести музыкальную культуру в массы. Такие оркестры были организованы при Финском детском доме, в педагогическом институте, в воинской части.

Одной из задач недавно созданного первого в Карелии научно-исследовательского (комплексного) института оставалось изучение традиционной народной культуры. Появившиеся в нем специалисты-этнографы, в частности, заместитель директора вепсолог С. А. Макарьев, обратили внимание, что, несмотря на возрастающий интерес в стране к традиционным инструментам разных народов Советского Союза, о кантеле мало что было известно. Кантеле знали и любили жители южной Карелии, большинство же населения о кантеле даже не слышало и, судя по высказываниям в печати, далеко не все ратовали за его возрождение, считая кантеле анахронизмом и предпочитая скрипку. В КНИИ готовы были заняться этой проблемой, но мешало отсутствие подходящих специалистов. И вот неожиданно появился энтузиаст, ставший настоящей находкой для формирующегося института (директором которого по совместительству был председатель СНК КАССР Э. А. Гюллинг – факт немаловажный сам по себе). Его трудоемкую, кропотливую экспериментальную деятельность и ее полезность вскоре стали отмечать в обкоме партии и правительстве КАССР, в союзе просвещения, в музыкальном мире, в научных кругах. Заявлялось даже, что эта работа «будет иметь колоссальное значение в общем культурном подъеме пролетарских масс».

Параллельно с разработкой, конструированием и изготовлением оркестровых кантеле, обучением музыкантов самодеятельного экспериментального кантеле-оркестра В. П. Гудков принимал участие в «большой и очень полезной работе» КНИИ по собиранию и изучению произведений карельского народного творчества. Сам он выступал главным образом как собиратель музыкального фольклора и автор литературных переводов текстов карельских песен на русский язык. Ему очень хотелось привлечь к сбору фольклорного материала известных специалистов, бывавших в Карелии. Общение и работа с ними для В. П. Гудкова, не получившего специального и даже среднего образования, были хорошей школой, способствовали творческому росту, более глубокому пониманию традиционной народной культуры и музыкального фольклора.

Непосредственный руководитель, заведующий фольклорно-лингвистической секцией КНИИ А. Н. Нечаев и известный фольклорист профессор М. К. Азадовский из Ленинграда рекомендовали ему товарища Штайница как опытного музыковеда-этнографа, имевшего печатные труды по музыкальному фольклору Карелии. В начале апреля 1935 года В. П. Гудков пишет ему письмо, в котором сообщает, что работает в той же области, предлагает обменяться опытом и наладить сотрудничество. Трогает искреннее признание, что сотрудничество стало бы полезным прежде всего для него, в известной степени самоучки, которому указания квалифицированного музыковеда очень бы пригодились. Изъявляя готовность самому поделиться какими-то собственными наблюдениями, В. П. Гудков счел необходимым дать краткую биографическую справку о себе. В самом начале ее отмечается, что он является членом ВКП(б) с 1921 года, готовился к профессии журналиста. Затем говорится о случайной встрече с сильно заинтересовавшим его кантеле и рождении проекта усовершенствования инструмента и организации кантеле-оркестра в КНИИ. Карельский обком ВКП(б) поддержал инициативу и направил В. П. Гудкова в аспирантуру института, где он и трудится с осени 1932 года.

В. П. Гудков сообщает Штайницу, что по кантеле у него скопилось немало наблюдений и экспонатов, включая кое-какие записи из области вокальной и инструментальной карельской музыки, преимущественно южных районов. Отмечает также, что под его руководством уже два года работает экспериментальный кантеле-оркестр. Но еще больше имеется «планов и перспектив», в осуществлении которых мог бы поучаствовать и Штайниц, если у него проявится интерес к этому. В заключение речь шла о возможном его участии в комплексной фольклорной экспедиции по Южной и Средней Карелии, планируемой на вторую половину 1935 года. Выражалось желание узнать, что думает по поводу сказанного адресат, как можно осуществить контакт с ним в работе. Далее следовала просьба прислать свои труды по музыкальному фольклору, в том числе и на немецком языке, поскольку он, немного понимающий по-немецки, сможет в них разобраться. В целом письмо откровенное, доверительное и конструктивное. Отметим, что переписка была одной их форм установления контактов и связей со специалистами-профессионалами, влиявшими на организацию, уровень и качество проводимых в Карелии гуманитарных исследований и полевых работ, развитие взаимовыгодного сотрудничества.

В июне того же года В. П. Гудков обращается с письмом к Е. В. Гиппиусу по поводу его участия в упомянутой выше комплексной фольклорной экспедиции по Южной и Средней Карелии. Тот уже знал о ней и, по словам А. Н. Нечаева, изъявил готовность быть руководителем музыкальной части, да еще со своим фонографом. В. П. Гудков решил сам обратиться к нему с просьбой по возможности скорее сообщить условия его участия. Выразив удовлетворение и радость от желания Е. В. Гиппиуса участвовать в составе экспедиции, В. П. Гудков информирует о возможностях передвижения по наме-

ченному маршруту, исключавшему особые затруднения. Протяженность однодневных пеших переходов была небольшой – всего 3–5 км. К письму прилагалась карта с местами, которые предполагалось посетить.

Перед экспедицией ставилась задача отыскать кантеле и кантелистов, пастушьи рожки; записать карельские бытовые, трудовые, обрядовые и магические песни, частушки, возможно, даже эпические руны и другой разнообразный «словесный фольклор». Экспедиция небольшая – скорее только отряд с участием трех человек, включая Е. В. Гиппиуса, В. П. Гудкова (с целью аспирантской практики) и не названного по имени карела – литературоведа, приглашенного для записи текстов и словесных жанров, а также как проводника и переводчика. Письмо содержит признание, что «настоящего фольклориста-карела у нас пока нет». Этим специалистом оказался подающий большие надежды В. Я. Евсеев. Предполагаемое время проведения экспедиции – вторая половина июля, а продолжительность – 15–20 дней. В письме говорилось, что сроки могут быть изменены по желанию Е. В. Гиппиуса. В конце письма выражалась надежда на скорый ответ. И автора вполне можно понять. Он обращался к своему научному руководителю – известному музыковеду, изучавшему Заонежье и посвятившему его музыкальной культуре несколько статей: «Крестьянская музыка Заонежья» (1926), «Музыкальный быт Заонежья» (1927), «Искусство Севера Заонежья» (1927).

Собирание и изучение карельского музыкального фольклора рассматривалось им в неразрывной связи с совершенствованием кантеле. Предстояли выезды в районы Карелии, чтобы удостовериться в бытовании этого инструмента и взять на учет кантелистов. В итоге удалось зафиксировать бытование кантеле во многих деревнях и подтвердить, что оно, как и гусли у славян, издавна было любимым инструментом карельских крестьян. В. П. Гудков писал, что кантеле никогда не умирало, что в Пряжинском районе кантеле можно найти почти в каждой деревне, а в некоторых деревнях – почти в каждом доме. Кое-где игрой на кантеле сопровождали танцы на деревенских вечеринках. Помимо кантеле В. П. Гудков искал и другой старинный инструмент карелов – волосяное кантеле, или йоухикко. И в этом деле он находил понимание и поддержку, о чем свидетельствует письмо к нему товарища Виктора (В. Я. Евсеев), который сообщает, что наконец-то нашел для него смычковое кантеле. Оно принадлежало ученику местной школы А. Калачеву, очень хорошо игравшему на нем, как и на обычном, девятиструнном, кантеле и на балалайке. Как выяснилось, это смычковое кантеле изготовлено пять лет назад счетоводом местного колхоза Степаном Тупициным (д. Колатсельга), у которого имелось и свое старинное смычковое кантеле, полученное по наследству. С. Тупицин поразил Виктора виртуозной игрой. Он настоятельно рекомендует пригласить С. Тупицина на некоторое время в Петрозаводск в качестве инструктора-консультанта. И такое приглашение С. Тупицину приехать к 1 декабря 1935 года последовало. При этом высказывалась просьба захватить с собой кантеле собственной конструкции (44-струнное) и йоухикко, чтобы выступить перед публикой и по радио, а возможно, и поехать в Ленинград для демонстрации его искусства игры на этих инструментах. Исполнение Степана Тупицина произвело на Гудкова сильное впечатление. На основе его наигрышей он сам сочинил для оркестра «Тупицинскую кадриль» и, кроме того, под влиянием двух финских песен создал для квартета кантелистов двухчастную фантазию.

Однако основной заботой В. П. Гудкова и в это время оставался кантеле-оркестр. О том, как он создавался, вспоминал один из первых его участников – А. Ф. Артамонов – в середине 1980-х годов в связи с 50-летием ансамбля «Кантеле». В 1933 году при КНИИ по инициативе В. П. Гудкова создается самодеятельный кружок «Кантеле» из бывших воспитанников Финского детского дома и студентов Карельского педагогического института. В его составе кроме А. Ф. Артамонова обучением игре на кантеле занимались Ф. Чуккоев, К. Вильянен, М. Линдстрем, Н. Черноярoв и другие.

В апреле 1935 года В. П. Гудков подает еще одну докладную записку сектора музыкальной культуры: «Об организации показательного оркестра и о популяризации кантеле в качестве орудия классовой музыкальной работы в Карельской АССР». В ней предлагается организовать оркестр при Доме культуры Петрозаводска. Выражается уверенность, что он будет востребован Наркомпросом, Карпрофсоветом, Радиокомитетом. Прилагалась и смета расходов. Вскоре о карельских кантелистах узнали в стране. В мае 1935 года в газете «Правда» появилась заметка И. Ковалева «Кантелисты» о единственном в СССР кантеле-оркестре, организованном В. П. Гудковым. Она привлекла внимание Оргкомитета ВСХВ при Наркомземе СССР, который посчитал «чрезвычайно интересной демонстрацию искусства кантеле, музыкального инструмента карел» в рамках предстоящей выставки музыкальной Олимпиады «с участием народов СССР». В КНИИ предложение и рекомендации оргкомитета были приняты. Показ экспериментального кантеле-оркестра на ВСХВ признавался «чрезвычайно желательным и вполне возможным», тем более что данное начинание в Карелии становилось уже «элементом массовой политпросветработы» [3]. Кроме выступления кантеле-оркестра на Олимпиаде предлагалось представить и певцов рун – старинных эпических песен карел, ставших основой «Калевалы».

Еще одно обращение С. А. Макарьев и В. П. Гудков адресовали Наркому просвеще-

ния АКССР. Они ставили его в известность, что в музыкальный сектор института в последнее время начинают поступать запросы по организации кантеле-оркестров при различных учреждениях и воинских частях, свидетельствующие о жизненности проводимого эксперимента. Упоминалась и заметка в «Правде». Отмечалось, что для развития кантеле-оркестра требуются кадры инструкторов. Содержалась и конкретная просьба: оставить математика Федора Чуккоева, только что окончившего педвуз, на педагогической работе в Петрозаводске, чтобы использовать его и в качестве инструктора по кантеле.

Вызывает интерес и докладная записка сектора музыкальной культуры «Об организации профессионального показательного кантеле-оркестра и об использовании кантеле как орудия массовой музыкальной работы в АКССР», поданная в начале сентября 1935 года. В ней освещалась трехлетняя работа сектора по изучению и использованию кантеле. Сообщалось, что данный инструмент никак нельзя считать вымершим. В ходе полевых выездов в районы выяснилось, что 8–12-струнные кантеле продолжают бытовать и поныне, преимущественно в Южной Карелии. Их удалось обнаружить в 40 карельских деревнях. Выявлено более 20 кантелистов. Помимо базовой группы кантелистов при КНИИ, игре на оркестровых кантеле начала обучаться и красноармейская группа, тоже в составе 14 человек. Уже в 1935 году планировалось создать красноармейский кантеле-оркестр с не менее чем 40 исполнителями.

В 1936 году Карельский радиокомитет принимал участие в 1-м Всесоюзном радиофестивале, в программу которого было включено и выступление небольшого еще самодеятельного ансамбля кантелистов под руководством В. П. Гудкова. Оно прошло успешно – Всесоюзное жюри премировало коллектив поездкой в Москву. Необходимость создания на базе кантеле-оркестра профессионального ансамбля стала осознаваться и в правительстве республики. СНК КАССР принимает постановление создать при Доме культуры профессиональный оркестр «Кантеле». Организация его поручается В. П. Гудкову. С июня 1936 года он переходит в штат Дома культуры (вскоре преобразованного в Карельский дом народного творчества) в качестве руководителя кантеле-оркестра. В 1937 году на базе оркестра возник Государственный ансамбль песни и танца «Кантеле». Постановкой танцев руководили В. И. Кононов и Х. И. Мальми. Начались регулярные гастроли по районам республики. В 1939 году, во время декады творчества народных коллективов, кантеле-оркестр сопровождал выступление хора КФССР под руководством Н. Озерова.

С 1939 года ансамбль песни и танца «Кантеле» находится при Карельской филармонии. Расширяются и удлиняются маршруты его гастролей: от Петрозаводска до Мурманска на севере, Ростова-на-Дону, Грозного и Махачкалы на юге и Белоруссии на западе. С 10 по 20 августа того же года ансамбль выступал в Москве: в Колонном зале Дома Советов, в Большом зале филармонии, в Зеленом театре Парка культуры и отдыха им. Горького, клубах и дворцах культуры. И снова успех, высокая оценка Управления по делам искусств при СНК РСФСР.

С началом советско-финской «зимней» войны 1939–1940 годов ансамбль «Кантеле» направляется на Карельский фронт в распоряжение 1-го стрелкового корпуса и выступает с концертами для военнослужащих. Домой коллектив возвращается с благодарностью командования корпуса «За активное обслуживание бойцов, командиров и политработников полка концертами, построенными на подлинно карельском фольклоре». Благодарность объявлялась руководителю В. Гудкову, композитору К. Раутио, постановщику танцев В. Кононову, солисткам хора А. Максимовой и С. Рикка, кантелистам, танцовщицам; всего названо 32 человека. Мирная жизнь оказалась недолгой. Начавшаяся Великая Отечественная война положила конец продуктивной деятельности В. П. Гудкова. В начале войны вместе с художником В. Буторовым В. П. Гудков регулярно выпускал информационные бюллетени «Окна Карелфинтага». В июле 1941 года ансамбль «Кантеле» эвакуируется в Среднюю Азию (г. Фрунзе).

17 января 1942 года В. П. Гудкова в результате перенесенного тифа и обострения сахарного диабета не стало.

В. П. Гудков оставил заметный след как драматург и композитор. Его творческий рост подпитывало общение с карельскими народными певцами, сказителями, музыкантами, изучение художественного наследия карельского народа, «сверкающего драгоценными камнями самобытной народной фантазии и в то же время правдиво отражающего в себе жизнь и быт народа на протяжении целого ряда эпох». Он стремился «шире и глубже ознакомить трудящихся» с лучшими образцами карельского фольклора, облечь их в такую форму, чтобы они воспринимались самой разнообразной аудиторией. Одной из возможных форм стало создание на основе сюжетов карельских рун (эпических песен) музыкального спектакля. Идею подал композитор Р. С. Пергамент. В. П. Гудков подхватил ее и написал литературный вариант либретто оперы на карельскую тему под названием «Три брата». Сюжет взят из эпической поэмы «Калевала», которую В. П. Гудков называл замечательной народной поэмой, сетуя при этом, что в нее вошли далеко не все варианты эпических песен, бытующих в народе. Среди них, по его мнению, встречаются оригинальные и высокохудожественные, представляющие большой самостоятельный интерес. Свидетельством тому служат эпические песни, записанные В. Я. Евсеевым и другими сотрудниками института в

Южной Карелии, – там, где их бытование прежде отрицалось. Основой либретто стал часто встречающийся сюжет о неудачном сватовстве Ильмойллинена или же трех братьев вместе к прекрасной Катерине – дочери могучей чародейки из дальнего племени. За коварство и злобный нрав Ильмойллинен в конце концов превратил ее в чайку. Использовались и некоторые лирические песни, а также один эпизод из классического текста «Калевалы» – усыпление вражеского войска звуками кантеле. В целом же при создании либретто руны послужили лишь исходным материалом для вполне самостоятельного авторского произведения [10].

Затем рождается драматическая поэма, или пьеса в стихах, «Сампо» [12]. Обсуждение первого, рукописного, варианта состоялось 28 мая 1941 года на заседании секции драматургии Карельского отделения Союза советских писателей, проходившего активно и заинтересованно. Разговорился и сам В. П. Гудков, много и откровенно поведавший о своем творческом пути. Он даже попросил разрешения продекламировать две свои песни о Сталине – «Чудесную сказку» и «Песню радости», весьма популярную в республике. Цитаты из нее появлялись даже на страницах газеты «Правда». Прочел он и балладу «Выбор». Обсуждением остался доволен, благодарил коллег за столь теплую встречу пьесы и ее понимание. Музыку к тексту «Сампо» позднее сочинил композитор Л. Вишкарев.

Незаконченным осталось еще одно произведение по сюжетам эпоса «Калевала» – симфоническая пьеса в 3 частях «Возвращение солнца». Отметим, что В. П. Гудков высоко ценил «Калевалу», не раз отмечал достоинства перевода Бельского, но вместе с тем указывал и на слабые места. В конце 1930-х годов решил приступить к новому поэтическому переводу на русский язык рун «Калевалы». С этой целью овладел финским языком, переводил народные песни. Но реализовать столь смелый замысел не успел.

Много занимался В. П. Гудков и песенным творчеством: обрабатывал и переводил на русский язык карельские, вепсские и финские народные песни. Совместно с Е. В. Гиппиусом, З. Эвальд, Н. Леви по результатам собирательской деятельности Пушкинского Дома и Карельского КНИИ готовил сборник образцов традиционной культуры «Песни народов Карело-Финской ССР» (Петрозаводск, 1941). Опираясь на музыкальное наследие карелов и финнов, он создал такие песни, как «Карельские лесорубы», «Часы», «Кадриль» и др. Народной стала песня «Ты девица – белолица», много лет остававшаяся в репертуаре музыкальных коллективов. Начало Отечественной войны побудило к созданию таких песен, как «Победа будет за нами», «Грозный отпор», «Радость». В. П. Гудков был известен и как поэт. Еще в 1922 году в Мурманске вышел его первый небольшой сборник стихов «С Севера». В конце 1930-х годов он работает над стихотворным циклом «Выбор», в котором тоже использован богатый материал карельских эпических песен [8].

Относительно короткая жизнь В. П. Гудкова была нелегкой, но содержательной и результативной. Многие годы основной сферой его деятельности оставалась политпросветработа, журналистика, клубное дело. Профессии менялись, непрерывным оставалось самообразование. Кульминацией профессиональной деятельности В. П. Гудкова стал переезд в г. Петрозаводск с целью усовершенствования и использования полузабытого уже народного музыкального инструмента кантеле и изучения народного фольклорно-поэтического творчества карелов, вепсов, финнов. Не угасал интерес и к русской музыкальной культуре. В конечном итоге вся его разносторонняя деятельность (научная, собирательская, экспериментальная, публицистическая) была нацелена на создание профессионального ансамбля кантелистов.

Шли годы, росла известность и признание. В 1940 году В. П. Гудков становится членом Музыкального фонда СССР и членом Союза писателей СССР. Еще раньше, в 1937 году, за большой вклад в развитие музыкального творчества Республики Карелия ему присвоено звание Заслуженного деятеля искусства КАССР. 1937 году осуществилась его мечта – кантеле-оркестр был преобразован в Государственный ансамбль песни и танца «Кантеле», включенный в 1939 году в состав Карельской государственной филармонии. По сей день ансамбль «Кантеле» остается важной составляющей культурной жизни Карелии. В 1940 году В. П. Гудкова избирают депутатом Верховного Совета КФССР по Заонежскому избирательному округу.

Можно сказать, что В. П. Гудков оставался человеком своего времени: в публичных выступлениях прославлял политику коммунистической партии в области культуры и образования, лично Сталина, воспевал пролетариат как основную силу преобразований в стране и обществе, восторгался ходом индустриализации, отвергал представления и подходы буржуазных ученых и т. д. Подобная политизированная риторика – скорее дань времени, желание быть услышанным и понятым. Внимание к его личности привлекают не его патриотические слова, а практические дела как художественного руководителя – действительно новаторские, обращенные не только в настоящее, но и в будущее, увлеченность и целеустремленность, умение работать с молодежью, приобщать ее к музыкальному творчеству

Установка В. П. Гудкова как заведующего сектором музыкальной культуры КНИИ отражает набросок доклада, содержащий такие утверждения: «В пролетарской культурной революции, которая проводится под руководством нашей партии, отведено место искусству и музыке. Пролетариат овладевает музыкой для того, чтобы при ее помощи воспеть наши строящиеся

химкомбинаты и пущенные в ход магнитогорски. И недаром брошен лозунг “музыку в массы”. Даже для того, чтобы его правильно осуществлять, мы должны приблизить музыку к широким массам трудящихся, сделать ее доступной и воспитать пролетариат в музыкальном отношении. А сделать это можно при помощи народных инструментов, которые легки по технике и знакомы народным массам». Отмечалось, что у карел тоже есть свой национальный инструмент, заслуживающий большого внимания, – кантеле. По виду похожие на гусли, они обладают отличительными чертами – своеобразной формой и многострунностью [5]. Важно, что эти установки, проводимый В. П. Гудковым эксперимент находили поддержку и одобрение, оценивались как «большое научно-производственное дело, сулящее блестящие перспективы в создании пролетарской культуры». В качестве дополнительных тембровых инструментов предлагалось ввести в оркестр кантелистов дудки, рожки, трубы и другие народно-духовые инструменты. Подобные пожелания настраивали на развитие замысла, его обогащение и высокую результативность.

Один из руководителей Министерства культуры республики давал высокую оценку работе В. П. Гудкова еще в качестве научного сотрудника КНИИ; отмечал, что он «вложил много энергии и труда в разработку проблем народного творчества», вместе с композитором Н. Н. Леви ездил по глухим деревням Карелии и записывал народные песни, мелодии, танцы, пастушьи наигрыши. Эти записи широко использовались карело-финскими композиторами в своем творчестве. На их основе создано много новых песен [14]. В послесловии к «Истории литературы Карелии» в 3 томах Э. Г. Карху среди наиболее заметных русских писателей конца 30-х – начала 40-х годов XX века первым называет В. Гудкова, а за ним – С. Норина, В. Чехова, А. Линевского [13].

В. П. Гудков призывал «пролетарских музыкантов» популяризировать кантеле, доказывал необходимость создания ансамблей кантелистов, переложения фольклорных произведений на музыку кантеле. Его личный опыт наглядно показал, насколько привлекательной может оказаться для русского человека, даже не северянина, «Калевала», карельские руны и кантеле. Способность русского человека воспринимать, ценить и интегрировать традиционную культуру других народов, в данном случае – карелов, вепсов, финнов, в В. П. Гудкове проявилась с особой силой.

Интерес к культурно-историческому наследию, классическим произведениям музыкального и поэтического творчества народов Карелии необходимо поддерживать и впредь. Используя накопленный опыт, новые информационные технологии, легче достигать ощутимых позитивных результатов, помогающих укреплять связь прошлого, настоящего и будущего, развивать историческую память, полнее использовать духовные богатства прошлого.

ИСТОЧНИКИ

1. Леви Н. Н., Гудков В. П. Песни народов Карелии (машинописная копия). Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 68–69.
2. Личное дело аспиранта Гудкова В. П. Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 26. Д. 48. Л. 1–10.
3. Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 180. Ф. 1. Оп. 3. Д. 363.1, 633.1.
4. Научный архив Кар НЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 167. Л. 2.
5. Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 167.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Атлас карельской поэзии. Петрозаводск, 1963.
7. Гаврилов М. Творец нового кантеле // Север. 1966. № 3. С. 106–110.
8. Гудков В. П. С Севера: Стихотворения. Мурманск, 1922. 25 с.
9. Гудков В. П. Выбор: по мотивам карельских эпических песен // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 3. С. 97–99.
10. Гудков В. П. Три брата: Либретто оперы в трех актах на сюжеты карельских эпических песен: Литературный вариант // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 4. С. 95–142.
11. Гудков В. П. Любовь и разлука: Цикл стихотворений // На рубеже. 1940. № 5–6.
12. Гудков В. П. Сампо: Драматическая поэма // На рубеже: Альманах. Петрозаводск, 1946. № 7. С. 20–64.
13. История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. 440 с.
14. Колосенок С. В., Моносов И. И. Культура Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1967. С. 108–109.
15. Лапчинский Г. И. Музыка Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1970. 183 с.
16. Очерки истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969.
17. Песни народов КФССР. 1939–1941. Петрозаводск: Каргосиздат, 141 с.
18. Писатели Карелии: Библиографический словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2006. С. 193–194.
19. Энциклопедия «Карелия». Т. 1. Петрозаводск: Петропресс, 2007. 400 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **Культурология** **2009**

УДК 008.001

НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ИЖИКОВА
кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии ПетрГУ
nizhikova@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В теории культурной политики растет методологическое разнообразие, которое накоплено естественными и гуманитарными науками. Но в культурно-политической практике все еще доминирует методологическая парадигма, устанавливающая господствующее положение экономикоцентризма над культуроцентризмом, геополитики над хронополитикой. Современная ситуация обусловливает острую необходимость усиления внимания к культуре как фактору развития общества.

Ключевые слова: культурная политика, политическая культурология, культурология политики, культурный плюрализм, геополитический и хронополитический подходы

С течением времени «расширяющееся» понимание термина «культура» связывается с одновременным ростом роли культуры в обществе в целом, что влияет на ход событий на политической арене.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Исследования в области культурной политики ведутся в самых разных направлениях – историческом, искусствоведческом, социологическом, культурологическом и др. Понятие «культурная политика» в современном социально-гуманитарном знании обладает междисциплинарным общенаучным статусом. В свою очередь, философия политики, как пишет А. С. Панарин, «призвана сообщить политике часто недостающий ей горизонт – видение долгосрочных перспектив. Философия политики должна соединить полюса Культуры и Политики, преодолевая, с одной стороны, политическое бессилие культуры (духовности), с другой – культурную нищету политики» [1; 421–422].

Многие разделы политического знания последовательно аккумулируют результаты междисциплинарных разработок смежных с политологией разделов обществознания: политических традиций и ценностей – с культурологией.

Политическая культурология является междисциплинарным гибридом, пытающимся сочетать анализ культурных процессов с анализом процессов политических. Культурология политики является культурологической редукцией политики.

ГЕОХРОНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Политический процесс во всем мире с каждым годом ускоряется и усложняется, возникают новые приемы и методы политического мышле-

© Ижикова Н. В., 2009

ния. Все шире используется электронная техника для моделирования различных сценариев развития, меняется смысл взаимосвязи природной системы «время – пространство» с географией и скоростью социальных процессов, поэтому в политике появилось повышенное внимание именно к проблемам времени. Хронополитика как область знания и как вид политической практики представляет собой изучение и использование неоднородности исторического времени, его подвижных тенденций и конъюнктур. Реальные политические процессы происходят и во времени, и в пространстве, что свидетельствует о важности рассмотрения хронополитического и геополитического измерений при анализе тех или иных общественных процессов. Это понимают исследователи, использующие и тот, и другой подходы (см., например, [2], [3]). Развитие геополитики естественным образом идет по пути учета временной динамики геополитических образов.

Следование тенденции синтеза гео- (пространственных) и хронополитологических представлений ведет к логичному обращению к существующему уже почти столетие понятию «хронотопа», которое позволяет анализировать события с учетом взаимного влияния времени и пространства конкретных событий. Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены (см. об этом: [1]). Эта целостность и полнота, соединенная пространством и временем, должна стать подлинным объектом культурной политики. Ее субъектам надлежит нести заботу об объединении в совместной деятельности людей в действительно трудовое и досуговое целое, создавать собирание сил в пространстве и объединение сил во времени.

С появлением интернета и современных сопутствующих ему средств коммуникации и стандартов за счет возрастания роли культуры вообще роль государства уменьшается. В политической сфере глобализация и тенденции либерализации способствуют прозрачности границ и открытости обществ. Информационные потоки, процессы компьютеризации почти беспрепятственно распространяют символы, знаки, стили и фактически нивелируют значение геополитических различий. Соответственно этим процессам меняются: отношение к политическим, социальным и культурным проблемам и способы решения этих проблем.

Это наблюдается в региональных управленческих структурах Российской Федерации, в частности в Республике Чувашии, где многое делается для развития образования, повышения его качества. Одним из показателей этого является высокий процент выпускников чувашских школ, поступающих в вузы Москвы и Санкт-Петербурга. При этом в республике не создаются условия для того, чтобы выпускники столичных учебных заведений возвращались на родину. Позиция президента республики Н. В. Федорова по этому вопросу, высказанная на одном из научных форумов, заключается в том, что не стоит влиять на свободу выбора молодежи. Молодые люди стремятся к получению новых знаний не только за пределами своей республики, но и за пределами России. С точки зрения президента республики, это заслуживает только поощрения. Н. В. Федоров уверен, что молодые люди сами вернутся на родину, если захотят.

Подобное управленческое решение разрушает установившиеся как в сознании властных структур, так и в сознании населения стереотипы геополитического мышления, охранные и силовые установки.

Политика – это «время-ориентированная» сфера, а политическое время – событийно (о «событиях во времени» как о социальных изменениях пишет П. Штомпка) [5; 72]. Оно включает в себя цепь эпизодов, во многом определяющих дальнейший ход событий, каждый из которых вносит свой собственный вклад. В любом политическом событии участвуют граждане, личности. От их разума и воли, в конечном счете, и зависит весь этот процесс. На каждом событии лежит отпечаток их личностей. Хронополитика – это культурная политика культурных событий, это конкретно-исторические частные случаи осуществления культурных процессов, обладающие уникальными чертами, вариативность которых определяется суммой условий и обстоятельств их протекания.

Постиндустриальное общество лишено того единого основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Это в полном смысле «мозаичное общество», которое часто меняет центры своего притяжения и отличается предельной подвижностью своих связей и зависимостей. Здесь возникает резкая перемена парадигм, переход от экономикоцентристской к культуроцентристской, с отсутствием характерной для недавнего прошлого цельности познавательной установки. В современном политическом мире сосуществуют разные детерминанты, сохранились типы политики, по-прежнему связанные с экономикоцентристской доминантой, где население измеряет свое участие в политике критерием материальных интересов и успешности экономических реформ, поскольку разные группы людей живут в «разном времени».

Радикальные политические и социально-экономические преобразования привели к смене парадигмы культурной политики. Это констатируют разработчики культурно-политических государственных программ А. Я. Рубинштейн и Б. Ю. Сорочкин: «Если до последнего времени усилия государства были направлены преимущественно на сохранение и поддержку учреждений культуры, их материально-технической базы, то теперь столь же важным должно стать создание полноценных условий для творчества деятелей культуры и духовного роста населения

– именно эти стратегические ресурсы предопределяют процессы развития общества» [6; 49].

В социально-гуманитарных науках теория «культурного отставания» трактует модернизационный процесс как догоняющий, сосредоточенный исключительно на экономико- и техноцентризме. Состояние нестабильности создает большие проблемы для общества, которое не имеет в этот период ясных ориентиров в своей деятельности. Ввиду того что культурные ценности и нормы трансформируются медленнее, чем происходит технический прогресс, в свою очередь влияющий на общество, его апологеты – «технократия» – занимают доминирующие позиции и в духовной жизни.

Социально-культурологические исследования второй половины XX века показывают, что в связи с изменениями в духовной атмосфере и складывающегося плюрализма мнений, течений, научных и художественных школ перестройка в культуре в некоторых отношениях не менее ощутима, чем в экономике.

По причине издержек, связанных с доминирующим геополитическим мышлением, хронополитический подход к реальной жизни чрезвычайно актуален для посткоммунистической России. Мы являемся свидетелями радикального изменения отношения к политике в целом. Налицо кризис геополитики, уступающей место хронополитике, политика реального времени начинает доминировать над политикой реального пространства. Речь идет о своевременности не только политических решений, но и действий, которые должны не завтра, не в отдаленной перспективе, а сегодня влиять на жизнь людей.

Хронополитический мыслительный тип рассматривает культурные объекты, саму культуру не столько как «хранилище событий и фактов», сколько как интерпретацию «реальной последовательности событий», прежде всего благодаря тому, что культура так или иначе обнаруживает и фиксирует определенные ценностные моменты. Культурная политика отраслевого типа с традиционалистским приоритетом поддержания накопленного наследия, с потребительской индустрией удовольствий и наслаждений представляет мировоззренческую установку: накопительство – благо, невольно являясь поддержкой тривиального, материального, денежного накопительства. С первого плана ушел другой путь накопления – воздержание – путь духовного совершенствования, духовного накопления, забылись те культурные образовательные традиции, которые воспитывают сдержанность и разумность в расходах. Образование XXI века призвано изменить содержание и форму развития, необходимые для выживания цивилизации. Уже не количество накопленных материальных благ будет определять статус человека и общества, а уровень культуры, образования и разумно-достаточного хозяйствования, обеспечивающего сбережение невозобновляемых и воспроизводство важнейших возобновляемых ресурсов.

Среди субъектов культурной политики выделяются не только государственные организации, общественные, негосударственные, экономические, частные, деловые структуры, но и деятели самой культуры.

Инновационный потенциал культурологии обусловлен вкладом уникальных личностей XX века, таких как Д. Лихачев, М. Растропович, А. Солженицын, Н. Михалков, чей творческий потенциал оказал существенное влияние на культурную политику. Важным симптомом этого развития стало создание Общественной палаты, через которую общественные деятели науки и культуры получили возможность проникать в хронополитику и оперативно влиять на нее.

В современной культурологической науке перспективен переход от объяснения культуры как коллективного явления к изучению проблем существования и самоосуществления человеческой индивидуальности. Постоянная интерпретация любых культурных форм есть непрерывный процесс творческого самообновления, в связи с чем мы можем говорить о личностной культурной политике, находящейся во взаимосвязи с ее другими субъектами. Адаптация к трансформирующейся действительности заключается в становлении типа личности, ориентированной на индивидуальную самостоятельность, на свободное самоопределение в социально-культурном пространстве, на ответственность за собственную судьбу и судьбу общества.

Качественное измерение жизни – символическое, культурное, свободное, деятельное – должно выходить на измерение возможной личностной активности, измерение незарегулированности всех сфер жизни. Оно перевешивает многие экономические детерминанты: культурные факторы формируют восприятие обществом своего собственного будущего и определяют выбор средств для его строительства, в том числе выбор экономических и политических моделей поведения. Культура становится одной из приоритетных сфер человеческой деятельности и требует соответствующего к себе отношения.

С методологической точки зрения важнейшей проблемой деятельности государства становится поддержание культурного плюрализма, который только и может обеспечить максимальное удовлетворение культурных интересов и потребностей всех слоев общества. В современных обществах политика, ориентированная на социальное равенство, все более уступает место политике, ориентированной на многомерную, трансформирующуюся во времени культурную идентичность.

Культурная политика – это особый тип мышления и деятельности, выводящий общественный идеал «культурного» человека, ориентированного на труд, на конкретную целенаправленную деятельность. Здесь имеет значение индивидуальная поисковая активность человека, которая приводит

к созданию культурных форм, в рамках которых совершаются действия самоопределения и самопроектирования. Вершиной способности человека к созиданию культуры является культурно-политическое действие (Х. Арендт).

В XXI веке возникает потребность управлять «бесконечной» инновацией, которая никогда не прекращает создания новых ценностей, сменяющих друг друга.

Хронополитическое мышление связано с глобализационным, которое затрагивает экономику и культуру, что ведет к развитию глобального сознания. Люди оказываются все больше вовлечены в различного рода отношения, выходящие за рамки территории их постоянного проживания. И хотя говорить о существовании единой мировой культуры как неотъемлемой части мирового государства представляется преждевременным, обнаруживается наличие глобальных культурных процессов – как интеграционных, так и дезинтеграционных, происходящих независимо от состояния отношений между государствами.

Таким образом, геохронополитический подход способен обнаружить смысл накопления знаний и общей культуры, который направлен на недетерминистский, телеологический поиск назначения человека самого по себе, независимо от задаваемых ему обществом эмпирических ролей. Этот смысл открывается в свете самодеятельного времени (А. С. Панарин), количественно и качественно повышающего адаптивную способность цивилизации, ее устойчивость к кризисам и способность к саморегуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени в романе. Очерки по исторической поэтике. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://infolio.asf.ru/Philol/Bahtin/hronotop10.html.
2. Ильин М. В. Геохронополитика – соединение времен и пространств // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2.
3. Панарин А. Глобальное политическое прогнозирование. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.patriotica.ru/books/panar_globprog/intro.html.
4. Панарин А. С. Философия политики: Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
6. Экономические основы культурной деятельности. Индивидуальные предпочтения и общественный интерес: В 3 т. Экономическая политика в сфере культуры: новый век, новый взгляд / Отв. ред. А. Я. Рубинштейн, Б. Ю. Сорочкин. СПб.: Алетейя, 2002. Т. 2. 448 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **Политология** **2009**

УДК 327

АЛЛА СЕРГЕЕВНА АЛЕШКИНА
аспирант кафедры международных отношений факультета политических и социальных наук ПетрГУ
alla.mc@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ В АРКТИКЕ

Статья посвящена государственной политике Канады в Арктическом регионе. В настоящее время Арктика вызывает повышенный интерес государств в связи с изменением климата и открывающимися возможностями для ее освоения и эксплуатации ресурсов. На основе анализа основных внешнеполитических документов рассматривается приоритетность арктического направления внешней политики Канады и анализируются попытки Канады установить свой суверенитет в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика Канады, Север и Арктика, Северное измерение

Среди государств, имеющих выход к побережью Северного Ледовитого океана, Канада, как и Россия, обладает наибольшими по площади арктическими территориями. Поэтому неслучайно, что Оттава всегда проявляла интерес к данному региону, рассматривая обеспечение безопасности и закрепление своего суверенитета как одну из приоритетных национальных задач.

Стремясь к установлению суверенитета в Арктике, Канада в разное время выдвигала и использовала в качестве международно-правового обоснования своих претензий секторальную теорию, принцип «исторических вод» и природоохранительные меры.

Первые попытки закрепить свой суверенитет Канада предприняла еще в XIX веке, когда в 1904 году официально объявила границы своих полярных владений по 141 и 60 меридианам до Северного полюса. В мае 1925 года правительство Канады заявило, что распространяет свой суверенитет на земли и острова в пределах 60–141° з. д. до Северного полюса (канадский арктический сектор), что позже было подтверждено Законом от 27 мая 1925 года и Королевским Указом в 1926 году [13; 29].

В период «холодной войны» военно-стратегическое значение Арктики стояло для Канады на первом месте, что было обусловлено противостоянием США и СССР. Политика Канады в Арктике в то время во многом координировалась с действиями США, которые «уже с конца 1940-х годов начинают рассматривать Североамериканскую Арктику как важнейший стратегический плацдарм, выдвинутый в сторону СССР и социалистических стран» [14; 45]. С появлением у Советского Союза в начале 1950-х годов бомбардировщиков дальнего радиуса действия внимание Вашингтона, а вместе с ним и Оттавы, к Арктике возрастает. Ответом на действия СССР стало развертывание в 1954–1957 годах системы раннего электронного обнаружения (линия «Дью») вдоль границы Северной Америки и создание Командования противовоздушной (с 1981 года – аэрокосмической) обороны Северной Америки (НОРАД) [14; 45].

© Алешкина А. С., 2009

Стремясь в сотрудничестве с США обеспечить свою безопасность в Арктике, Оттава тем не менее не прекращала попыток защитить свой суверенитет в данном регионе. Поиски обоснований суверенных прав над арктическими водами стали особенно активными в 1960–70-х годах, «в связи с так называемым манхэттенским кризисом, когда прохождение американского танкера “Манхэттен” через Северо-Западный проход вызвало в Канаде серьезные опасения, что США узурпируют эксплуатацию и развитие канадского севера» [13; 30]. В 1970-х годах в Канаде принимается ряд законов, направленных на закрепление своих позиций в регионе.

В частности, в 1970 году Министерство иностранных дел Канады провело через парламент законопроект о расширении своих территориальных вод с 3 до 12 миль [14; 47]. Целью этого закона было распространить свой суверенитет на Северо-Западный проход, объявив его внутренними водами Канады. В качестве обоснования такой позиции Канада стала использовать концепцию «исторических вод», в соответствии с которой государства могут по историческим основаниям распространять режим внутренних вод на примыкающие к их побережью воды [1]. Вместе с тем Оттава также приняла закон «О предотвращении загрязнения арктических вод», согласно которому Канада получала право контролировать выбросы в пределах 100 морских миль от берега [3]. В пределах этого района правительство получало возможность осуществления эффективного международного контроля над прохождением судов, в частности, устанавливать стандарты для строительства судов и запрещать проход тех судов, которые не соответствуют принятым стандартам. По оценке исследователей, целью этого и последующего законодательств была «реализация претензий Канады на суверенитет таким образом, чтобы не вызвать официального противодействия других государств» [13; 31]. Прибегая к концепции исторических вод и природоохранным мерам, Канада тем не менее не отказывалась и от теории секторов: в соответствии с Законом о предотвращении загрязнения арктических вод под арктическими водами Канады понимаются «воды, прилежащие к материку и островам канадской Арктики в пределах, ограниченных 60 меридианом северной широты и 141 меридианом западной долготы» [3].

С окончанием «холодной войны» и исчезновением угрозы со стороны СССР военный интерес Канады к Арктике резко снижается. Ряд авторов связывают это со стремлением Оттавы «получить мирные дивиденды от окончания “холодной войны”» [14; 50]. В качестве причин уменьшения военно-политической активности в регионе может служить и начавшийся в 1990-е годы пересмотр внешней политики Канады и ее адаптация к новому мировому порядку, а также появление во внешнеполитическом курсе страны установок на «мягкую безопасность».

О приоритетности Арктического направления во внешней политике Канады в конце XX – начале XXI века можно судить на основе сравнительного анализа основных внешнеполитических документов страны. Так, в 1995 году Арктика являлась вторым региональным приоритетом Канады после США. В документе по внешней политике Канады подчеркивалось, что с окончанием «холодной войны» «обеспечение безопасности выходит за пределы военной готовности… Серьезную угрозу представляют экологические, демографические проблемы, проблемы здравоохранения и вопросы международного развития. Ряд проблем, в частности глобальное потепление, напрямую затрагивают» интересы Канады. В связи с этим «основной акцент в канадской Арктике будет сделан на предотвращение угроз нетрадиционной безопасности». Целью Канады провозглашалось создание Арктического совета «для решения проблем устойчивого развития на Севере и урегулирования критических ситуаций, с которыми сталкиваются все Арктические страны» [5].

Формирование сбалансированной политики Канады на Севере и в Арктике началось в конце 1990-х годов, причем, как отмечают сами канадцы, ее разработка велась через «уникальное и широкое обсуждение с канадцами, включая коренных жителей, парламентариями, политическими экспертами и др.». Процесс обсуждения начался в 1997 году, когда Постоянный комитет по иностранным делам и международной торговле Палаты общин парламента Канады пересмотрел проблемы Севера и подготовил доклад «Канада и приполярный мир: решая проблемы сотрудничества в XXI веке». Затем в течение двух лет продолжался интенсивный процесс консультаций с экспертами (круглый стол экспертов в декабре 1998 года), гражданами Канады (в 1999 году под руководством канадского посла по приполярным делам была проведена серия консультаций с северянами) и политиками (заключительная серия обсуждений министра иностранных дел Ллойда Эксуорзи с его коллегами по Арктическому совету и переговоры Жана Кретьена с президентом Финляндии Марти Ахтисаари в декабре 1999 года). После этого Министерством внешних связей и международной торговли Канады был подготовлен проект правительственного заявления, который впоследствии, до публикации, обсуждался еще в ряде министерств, ответственных за сферы, которые затрагивает приполярное сотрудничество, а именно: в Министерстве по делам индейцев и развития Севера, Канадском агентстве международного развития (КАМР), министерствах окружающей среды, природных ресурсов и здравоохранения.

В результате в 2000 году появилась стратегия канадского правительства «Северное измерение внешней политики Канады», в которой определялись причины интереса Канады к Северу, приоритеты и основные мероприятия Оттавы в этом направлении. Северное измерение внешней политики Канады определяется тремя принци-

пами: выполнять обязательства и играть ведущую роль в регионе; устанавливать сотрудничество внутри правительства и вне его; продолжать диалог и обсуждение с канадцами, особенно с проживающими на Севере.

Среди причин, по которым Канаде следовало обращать повышенное внимание на Север и Арктику, назывались как внутренние, так и внешние факторы.

Прежде всего, канадский Дальний Север (к которому до 1999 года относились Юкон и Северо-Западные территории) претерпел фундаментальные преобразования: находящиеся в юрисдикции федерального правительства Северо-Западные территории были разделены на две части, на одной из которых 1 апреля 1999 года была создана территория Нунавут. 83 % населения этой территории составляют инуиты – канадские эскимосы, коренное население Арктики. Появление Нунавута оценивалось канадскими политиками как «важная веха в политическом развитии Канадского Севера, отражающая тенденцию к самоуправлению» [11]. По оценкам российских специалистов, создание новой территории отражало новый подход к развитию Канадского Севера, сформировавшийся в основном в 1990-х годах XX века. «Если в 1960–1970-е годы главная цель его освоения, по сути, состояла в эксплуатации невозобновляемых, в основном минеральных богатств для нужд южных, хозяйственно развитых районов страны, и малонаселенный индейско-эскимосский Север рассматривался как своего рода чистый лист, полигон развития, кладовая ресурсов, то на новом этапе развития канадской федерации Север воспринимается прежде всего как малая родина живущих там народов, как бы малы они ни были, а интересы их развития теперь поставлены во главу угла» [16; 38–39].

Новая стратегия развития Севера рассматривалась канадцами как механизм для развития прочного и долгосрочного сотрудничества с коренными народами. Кроме того, она должна была стать ответом на вызовы, стоящие перед Севером, а именно: растущий спрос на ресурсы Канады и, следовательно, их поиск и переработка; изменение климата, которое могло освободить ото льда Северо-Западный проход; а также растущее воздушное сообщение в Арктике, которое увеличивало риск катастроф и необходимость поисково-спасательных работ.

Все эти изменения усиливали потенциал для развития туризма и новых северных транспортных путей, открывая тем самым новые экономические возможности для Севера, но в то же время они представляли угрозу устойчивому развитию природных ресурсов и окружающей среды, вызывая необходимость в инновациях и развитии информационных технологий. Ценности и интересы, возникающие в процессе обновления Севера, рассматривались Канадой как источник международного влияния.

Среди внешних факторов, повлиявших на изменение отношения к региону, называлось, прежде всего, окончание «холодной войны», в результате которого Арктика перестала рассматриваться как сфера противостояния, а стала «фронтом» в другом смысле, столкнувшись с проблемами и возможностями, привнесенными новыми тенденциями и изменениями. Канадцы признавали, что у арктических стран имеется широкий круг часто несовпадающих интересов, который в совокупности с тем фактом, что Арктика является одним из богатейших регионов мира по запасам природных ресурсов, увеличивает потенциал напряженности в регионе. Однако, с другой стороны, общие проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются все северные государства, и их осознание приводят к тому, что создается «приполярная общность интересов». По мнению Канады, международное сотрудничество необходимо, прежде всего, в таких сферах, как поддержание устойчивого развития и защита окружающей среды в Арктике; защита хрупкой экосистемы Севера от деградации и в связи с этим сокращение и ликвидация распространения органических загрязнителей. При этом, чтобы полностью реализовать потенциал Севера, необходимо укреплять сообщество существующих организаций и сеть контактов в приполярном регионе.

В числе преимуществ, которыми Канада обладает и которые намеревается привносить в развитие северного сотрудничества, следует отметить опыт страны в развитии северных институтов, создании сообществ и работы с коренным населением и северянами. Кроме того, Канада обладает признанным опытом в развитии науки о Севере и технологий развития окружающей среды, а также передовыми возможностями в телекоммуникациях и информационных технологиях. Помимо этого, как подчеркивают сами канадцы, страна использует особый, инновационный подход к управлению и использованию природных ресурсов Севера, а также имеет богатый опыт сотрудничества с Россией по арктическим вопросам. Все это обеспечивает для страны уникальную возможность «создать северную идентичность Канады» и усилить свое влияние на международной арене.

В связи с этим канадская политика Северного измерения определяет следующие цели:

1. Усиливать безопасность и процветание канадцев, особенно проживающих на Севере, и коренного населения. Приоритетность данной цели над остальными объясняется преобладающей в канадской политике в конце 1990-х – 2000-м году концепции «безопасности личности» Л. Эксуорзи, которая легла в основу и Северного измерения внешней политики Канады.
2. Утвердить и обеспечить сохранение суверенитета Канады на Севере. Как отмечается в правительственном документе, в прошлом основ-

ное внимание Канады к международным отношениям на Севере было сосредоточено на угрозах суверенитету, но «время изменило природу этих угроз – сотрудничество во многом затмило споры о границах на Севере» [The Northern Dimension of Canada's Foreign Policy, 2000], и хотя вопрос о суверенитете остается важным, он уже не является первоочередной целью политики страны в Арктике.

3. Превратить приполярный регион в динамичный геополитический объект, интегрированный в основанную на праве международную систему.
4. Обеспечивать безопасность личности северян и устойчивое развитие Арктики.

Реализация поставленных целей осуществляется Канадой через ряд инициатив и мероприятий. Первым из приоритетных направлений политики Северного измерения Канады является укрепление роли Арктического совета: «Арктический Совет должен стать центральной организацией в развитии стратегического сотрудничества приполярного сообщества» [11]. При этом подчеркивается, что международное сотрудничество на приполярном Севере жизненно необходимо, поскольку только совместными усилиями можно решить самые сложные проблемы устойчивого развития и защиты окружающей среды. Канада рассматривает Совет как «основной фокус формирующейся северной политики» [11]. Через работу Арктического совета страна намеревается поддерживать свое влияние в регионе, усиливая свои обязательства по отношению к приполярному сотрудничеству.

Пять рабочих групп, функционирующих в рамках Совета, представляют собой попытку устранять «наиболее критические проблемы, стоящие перед приполярным сообществом, в решении которых международное сотрудничество является жизненно необходимым». Эти группы включают рабочую группу по устойчивому развитию (СДВГ), по защите арктической морской экосистемы (ПАМЕ), программу арктического мониторинга и оценки (АМАП), рабочую группу по предупреждениям, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации (ЕППР) и по сохранению арктической флоры и фауны (САФФ). Такая узкосфокусированная экологическая направленность работы Арктического совета объясняется, прежде всего, «хроническим недофинансированием» существующих программ. Однако Канада заинтересована в том, чтобы расширять работу Совета и затрагивать, к примеру, связь экологических проблем с развитием экономики (что становится особенно важным в связи с влиянием климатических изменений на возникновение нового торгового пути – Северо-Западного прохода) или с исследовательской и образовательной деятельностью.

Развитие экономики и научной деятельности также являются приоритетными областями канадской внешней политики на Севере, что в правительственном заявлении сформулировано как намерение Канады развивать «Университет Арктики, который будет способствовать получению знаний (включая знания коренных народов) и развитию северных возможностей для решения проблем Арктического региона в будущем»; при этом предполагается применять дистанционное обучение. Кроме того, страна намерена развивать канадскую и приполярную сеть политических исследований, принимая во внимание важность традиционных знаний, которые могут способствовать работе Арктического совета. Что касается развития экономики, то, по мнению канадцев, Арктический регион ждет приток инвестиций и активизация торговой деятельности, что, несомненно, окажет благоприятное влияние на благосостояние людей, проживающих на Севере. При этом Канада обеспокоена тем, чтобы развитие экономики не навредило хрупкой окружающей среде региона, поэтому Арктический совет и исследовательские сети должны тщательно изучать имеющиеся возможности и их последствия. В связи с этим канадская внешняя политика будет направлена на анализ и мониторинг режимов осуществления торговой деятельности.

Как известно, документ «Северное измерение внешней политики Канады» был составлен в 2000 году. С тех пор в стране сменилось два правительства, был осуществлен очередной пересмотр внешней политики (при Поле Мартине), и очевидно, что приоритеты политики государства несколько изменились, в том числе и в северном направлении.

Особенно изменения коснулись позиции Канады в отношении суверенитета и безопасности в Арктическом регионе. В частности, в политическом документе Либерального правительства Пола Мартина «Влиятельная роль в мире, вызывающая чувство гордости» утверждается, что изменения, происходящие на Севере, предъявляют особые требования к правительству Канады по обеспечению безопасности и суверенитета страны. Арктика была перенесена в плоскость обеспечения традиционной безопасности: «…усилия Канады по обеспечению континентальной безопасности направляются на укрепление границ… и усиление берегового и арктического суверенитета» [2]. Ключевая роль в этом процессе отводится канадским Вооруженным силам, которые должны усилить свои возможности по мониторингу и реагированию на события, происходящие на Севере. При этом сотрудничество с приполярными странами в рамках Арктического совета по защите населения и хрупкой окружающей среды в Арктике перемещается в порядке приоритетов на второй план.

Пришедшая к власти в Канаде в 2006 году Консервативная партия во главе со Стивеном Харпером отвела центральное место в политике государства вопросу об укреплении суверенитета Канады и ее места в мире. Основные направления внешней политики Канады были определены в октябре 2007 года в Тронной речи гене-

рал-губернатора Канады и в ответе на нее премьер-министра С. Харпера.

По мнению премьер-министра, основная потенциальная угроза суверенитету Канады «стоит на арктическом пороге», где исчезающий полярный лед, растущий мировой спрос на ресурсы и перспективы круглогодичного судоходства создают новые проблемы и открывают новые возможности для Севера [10]. В связи с этим консерваторы предлагают применять к Арктике принцип «используй или потеряешь», что связано, прежде всего, с тем, что остальные арктические страны уже активно используют большинство имеющихся у них возможностей, и Канада не должна остаться позади. Поэтому правительство в настоящее время разрабатывает стратегию для развития Севера и предпринимает ряд мер, направленных на укрепление присутствия и суверенитета Канады в Арктике.

Следует отметить, что одним из основных министерств, занимающихся вопросами развития Севера и политики Канады в Арктике, является Министерство по делам индейцев и Севера. Новая стратегия развития Севера – Северная стратегия (Northern Strategy), как провозглашается министерством, направлена на достижение 4 целей: укрепление суверенитета страны, защита экологического наследия, экономическое и социальное развитие региона и улучшение управления северными территориями [8].

Следуя установкам, озвученным в выступлении премьер-министра перед Палатой общин в октябре 2007 года, в ответном послании на Тронную речь генерал-губернатора, канадское правительство принимает ряд мер для достижения каждой из этих целей. В частности, для защиты окружающей среды Канада намеревается организовать в Арктике исследовательскую станцию мирового класса, которая «станет центром канадской исследовательской деятельности на Севере, собирая знания, необходимые для поддержания суверенитета и помощи в разработке ресурсных месторождений и защите окружающей среды» [10]. Помимо этого, государство выделяет землю под расширение территорий заповедников, национальных парков и охраняемых водоемов, а также оказывает поддержку исследованиям изменений климата.

Правительство также намерено способствовать экономическому и социальному развитию на Севере. В этих целях предусмотрено выделение 300 млн канадских долларов на строительство доступного жилья на Северо-Западных территориях, в Юконе и Нунавуте и 34 млн канадских долларов на геологическое картирование, чтобы поддержать разработку и добычу природных ресурсов [8]. В бюджете 2008 года также заложено 8 млн долларов на строительство торговой рыболовной гавани в Нунавуте [12], что будет способствовать развитию возникающей рыболовной индустрии в этой территории, созданию рабочих мест и развитию туризма.

Особое внимание, однако, уделяется выполнению первой цели – укрепить суверенитет страны в Арктике. Прежде всего, Канада стремится к законодательному закреплению своих прав в Арктике. В частности, в августе 2008 года премьер-министр Стивен Харпер объявил о том, что правительство предлагает внести поправки в закон о предотвращении загрязнения арктических вод и расширить юрисдикцию экологического законодательства Канады в морских пространствах Арктики с существующих 100 морских миль до 200. Изменения также коснутся и закона о судоходстве (2001 г.), в соответствии с которыми от всех кораблей в пределах 200 морских миль будут требоваться отчеты о пути следования в Арктике [9].

Для обеспечения суверенитета Канада усиливает также свое военное присутствие в регионе. Министерством обороны Канады в рамках Северной стратегии предусмотрено приобретение 6–8 арктических/морских патрульных кораблей для проведения мониторинга и обеспечения присутствия канадского военно-морского флота в Дальней Арктике, а также строительство глубоководного арктического порта и дозаправочной станции в г. Нансивик, Нунавут. Было также объявлено, что Канада планирует построить учебный центр для подготовки военных в гавани Резолют [4]. Кроме того, в канадском бюджете 2008 года предусмотрено выделение 720 млн канадских долларов на приобретение нового ледокола полярного класса [12], который должен будет заменить ныне действующий, самый оснащенный ледокол, находящийся в распоряжении канадских Вооруженных сил, который будет демонтирован в 2017 году. По словам С. Харпера, это делается для того, «чтобы заявить миру, что у Канады есть реальное, растущее и долгосрочное присутствие в Арктике» (цит. по: (17]).

Наряду с усилением военного присутствия на Севере, Канада намеревается активизировать научные исследования в Верхней Арктике. «Исследования помогут подтвердить наше неоспоримое право собственности на Арктический архипелаг и окружающие его воды, включая Северо-Западный проход, а также на подземные, подводные и подледниковые ресурсы» (цит. по: [17]). На эти цели в канадском бюджете предусмотрено выделение 20 млн канадских долларов [12], чтобы в течение двух лет провести всестороннее картирование канадского арктического дна, собрать информацию и доказательства в поддержку заявки в Комиссии ООН по определению границ континентального шельфа к 2013 году.

Можно сказать, что катализатором активных действий Канады в Арктике стала Россия, а именно российская экспедиция на Север в августе 2007 года. Тогда на дно Северного Ледовитого океана были спущены два глубоководных управляемых аппарата – «Мир-1» и «Мир-2», которые исследовали дно, взяли пробы грунта и

установили на дне Арктики алюминиевый российский флаг. Цель экспедиции заключалась в том, чтобы доказать, что подводные хребты Менделеева и Ломоносова являются продолжением континентальной Сибирской платформы. Если это удастся, Россия сможет претендовать на огромную подводную территорию площадью 1240 миль, богатую природными ресурсами. В связи с глобальным потеплением и таянием арктических льдов доступ к этим ресурсам будет значительно облегчен.

Российская экспедиция вызвала широкий международный резонанс. В частности, канадский министр иностранных дел Питер МакКей заявил: «Это не 15-й век. Вы не можете просто ездить по миру, устанавливать флаги и заявлять, что Вы претендуете на эту территорию» (цит. по: [18]). Подобное раздражение со стороны конкурентов за арктические богатства вполне понятно: по оценкам ученых, 25 % мировых неразведанных запасов нефти и газа скрыты на дне Арктики, а возможность облегчения доступа к этим ресурсам и открытия новых морских торговых путей из-за глобального потепления и таяния льдов только усиливает борьбу государств.

Эксперты объясняют столь жесткую реакцию Оттавы на российскую экспедицию тем, что «та легкость, с которой россияне добрались до Северного полюса и осуществили погружение, ясно показывает, насколько серьезно отстала от России Канада в своих возможностях предъявить собственные претензии на Арктику, ведь у Канады нет даже ледокола, способного в любое время года добраться до полюса» (цит. по: [20]).

Ответом Канады на российскую экспедицию стала срочная поездка премьер-министра Стивена Харпера по арктическим районам страны – через неделю после завершения российской экспедиции. Уже тогда он заявил, что основным принципом арктического суверенитета Канады станет принцип «использовать Север, иначе мы его потеряем». По его словам, консервативное правительство понимает значимость Севера для Канады. Но чтобы обеспечить суверенитет, Канада «не может просто указать на карту и заявить – “это наше”» [10]. Поэтому правительство и предпринимает активные практические меры, нацеленные на укрепление присутствия Канады в Арктике.

При этом канадцы готовы отстаивать свои права на Арктику в отношениях даже с традиционными партнерами, например с США. Тот факт, что в результате общенациональных выборов в январе 2006 года победили консерваторы и впервые за почти 13 лет у власти в Канаде стоят не либералы, позволил некоторым обозревателям говорить о возможных радикальных политических изменениях в стране.

Тем не менее первой внешнеполитической акцией С. Харпера стал скандал именно с США, который разгорелся из-за пока мифического Северо-Западного прохода, который в будущем вследствие глобального потепления и таяния льдов Арктики может соединить Тихий и Атлантический океаны. Канада считает, что этот «путь» находится в ее территориальных водах и принадлежит ей, а США же уверены, что это достояние международной общественности. Об этом заявил американский посол в Канаде Дэвид Уилкинс, выступая 25 января 2006 года в одном из канадских университетов [15]. Причина назревающего конфликта заключается в том, что, согласно Международному морскому праву, любое государство может распространить свой экономический суверенитет на 200-мильную зону от своих побережий, включая все ресурсы, которые окажутся в этом районе [1]. Однако США пока не подписали и не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, в которой впервые была введена эта исключительная экономическая зона. Ответ канадцев на выступление посла США был довольно резким: «Соединенные Штаты защищают свой суверенитет, а канадское правительство защищает свой. Мы получили свой мандат от народа Канады, а не от посла Соединенных Штатов», – заявил С. Харпер (цит. по: [15]).

Таким образом, Канада не отказалась от своего намерения отправить в Арктику три военных ледокола, а также разместить там сеть прослушивания. Еще в одной из своих предвыборных речей С. Харпер говорил: «…я хочу, чтобы меня услышали и поняли – мы имеем серьезные планы в отношении нашей обороноспособности и укрепления суверенитета страны, включая и суверенитет в Арктике». Подобное высказывание дало право обозревателю Мюррею Доббину заявить о том, что «величайшим представлением общенациональных выборов [2006 года] стало очевидное превращение Стивена Харпера, лидера консерваторов с идеологией “правых”, в новоиспеченного либерала» (цит. по: [19]).

С подобным мнением можно согласиться: вряд ли, придя к власти, С. Харпер откажется от наработок и достижений либералов, которые позволили Канаде занять свою собственную нишу в мировом сообществе и стать важным игроком на международной арене, тем более что свобода маневров С. Харпера в какой-то мере ограничена, так как все его действия будет контролировать оппозиция, ведь число мест, полученных консерваторами в 2006 году, достаточно лишь для формирования правительства меньшинства (Консервативная партия получила 124 из 308 мест [6]). Перевыборы в октябре 2008 года тоже не принесли желаемых для консерваторов результатов: полученные 148 из 308 мест [7] вновь позволили сформировать лишь правительство меньшинства.

В условиях продолжающегося политического кризиса, кульминацией которого стала приостановка работы парламента до конца января 2009 года, очевидно, что официальная оппозиция не позволит отказаться от наработок и достижений Либеральной партии и во всем поддер-

живать внешнюю политику США. Однако налицо и пересмотр некоторых установок либералов, особенно в вопросе обеспечения суверенитета страны, где центральное место стала занимать «жесткая военная сила». Основная потенциальная угроза суверенитету видится в настоящее время канадским правительством в Арктическом регионе, проблемы которого были перенесены в сферу «традиционной безопасности»

Проследив развитие внешнеполитического курса страны во второй половине XX и начале XXI века, можно сделать вывод, что основной тенденцией этого времени стало растущее самосознание Канады как государства и нации. Страна пытается осознать свое место и роль в современном миропорядке и найти те сферы, где можно было бы проявить свою уникальность и непохожесть, прежде всего, на США. Данное стремление ограничивается, однако, историческими и географическими особенностями Канады, и в силу этого стране приходится выстраивать свою внешнюю политику таким образом, чтобы, не вступая в открытый конфликт со своим южным соседом, все же быть независимой в своих действиях на международной арене.

ИСТОЧНИКИ

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/convents/lawsea46-84.pdf.
2. A Role of Pride and Influence in the World. Overview. Canada's International Plolicy Statement. 2005: [Electronic resource]. Mode access: http://www.international.gc.ca.
3. Arctic Waters Pollution Prevention Act 1970: [Electronic resource]. Mode access: http://laws.justice.gc.ca/en/ShowFullDoc/cs/A-12///en.
4. Canada First Defence Strategy – Canadian Forces' contribution to sovereignty and security in the north. 2008. 12 May: [Electronic resource]. Mode access: http://www.forces.gc.ca/site/newsroom/view_news_e.asp?id=2645.
5. Canada in the World. Government Statement. 1995: [Electronic resource]. Mode access: http://www.dfait-maeci.gc.ca.
6. Electoral Results by Party. 2006.01.23: [Electronic resource]. Mode access: http://www2.parl.gc.ca/Parlinfo/compilations/ElectionsAndRidings/ResultsParty.aspx?Language=E.
7. Electoral Results by Party. 2008.10.14: [Electronic resource]. Mode access: http://www2.parl.gc.ca/Parlinfo/compilations/ElectionsAndRidings/ResultsParty.aspx?Language=E.
8. Fact Sheet: Northern Strategy. 2007: [Electronic resource]. Mode access: http://www.ainc-inac.gc.ca/pr/info/n-strat-eng.asp.
9. PM Announces Government of Canada Will Extend Jurisdiction over Arctic Waters. 27 August 2008, Tuktoyaktuk, NT: [Electronic resource]. Mode access: http://www.pm.gc.ca.
10. Prime Minister Stephen Harper Addresses the House of Commons in a reply to the Speech from the Throne. 17 October 2007. P. 4: [Electronic resource]. Mode access: http://www.sft-ddt.ga.ca.
11. The Northern Dimension of Canada's Foreign Policy: [Electronic resource]. Mode access: http://www.dfait-maeci.gc.ca/circumpolar/sec06_ndfp_rpt-en.asp.
12. The Budget Plan 2008. Responsible Leadership. 2008. 26 February. P. 161: [Electronic resource]. Mode access: http://www.budget.gc.ca/ 2008/pdf/bp2008e.pdf.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Баргесов Ю. Г. Статус Арктики и права России // Арктика: Интересы России и международные условия их реализации. М.: Наука, 2002. 386 с.
14. Володин Д. А. Канада: проблемы суверенитета в Арктике // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2006. № 12. С. 44–58.
15. Канадский арктический патруль: [Электронный ресурс]. Электрон. ст. Режим доступа к ст.: http://www.vzglyad.ru/politics/2006/1/30/20621.html.
16. Черкасов А. И. Экономическое и социальное развитие канадского Севера (федеральные и провинциальные территории) // США – Канада: Экономика, политика, культура. 2001. № 6. С. 38–52.
17. Ewen MacAskill. Canada uses military might in Arctic scramble // The Guardian [Electronic resource]. Electronic article. 2007. 11 August. Mode access: http://www.guardian.co.uk/world/2007/aug/11/oil.arctic/print.
18. Parfitt T. Miles Before the North Pole, Russian mini-subs lay claim to Arctic Wealth // The Guardian [Electronic resource]. Electronic article. 2007. 3 August. Mode access: http://www.guardian.co.uk/world/2007/aug/03/russia.oil/print.
19. Stephen Harper in his own words: [Electronic resource]. Electronic article. 2007. Режим доступа к ст.: http://www.bccarpentersunion.com/view.php?id=148.
20. The Times. Лондон, Великобритания // Газета «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. Электрон. ст. 2007. 4 августа. Режим доступа к ст.: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=792864.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **Филология** **2009**

УДК 398 (470)

АРМАС ИОСИФОВИЧ МИШИН
кандидат филологических наук, заведующий отделом поэзии журнала «Карелия»
carelia@onego.ru

ЭПОС «КАЛЕВАЛА» – ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена 160-летию классической версии «Калевалы» (1849), созданной Э. Лённротом на основе народной поэзии и воспринимаемой как современное произведение XIX века.

Ключевые слова: поэма, «Калевала», гражданская позиция, трудовая этика, единение народа, современная проблематика

Созданная Элиасом Лённротом из материала народной поэзии карелов и финнов «Калевала» связана теснейшим образом как с социальной и культурной жизнью финского общества XIX века, так и с биографией ее автора, с его гражданской позицией. «Калевала» не могла родиться ни раньше, ни позже эпохи, в которой жил Лённрот. Ее рождению способствовал целый ряд обстоятельств. Одно из них – обретение Финляндией независимости от шведского владычества и вхождение ее в Российскую империю в результате войны между Швецией и Россией (1808–1809). Это дало решающий толчок национальному пробуждению финнов, их интересу к прошлому народа, к народным традициям, фольклору. Книжный язык, начало которому положил Микаэль Агрикола (1510–1557) своими переводами «Псалтиря Давида» [9], «Нового завета» и «Молитвенника», все еще не обрел общей литературной формы, поскольку наблюдались только отдельные попытки создавать художественные тексты (стихи Юханы Каянуса, Хенрика Акрениуса, Яакко Ютейни). Вместе с тем народная эпическая и заклинательная поэзия в Финляндии получает известность уже при Агриколе, который хорошо понимал ее значение для отечественной культуры. В предисловии к «Псалтирю Давида» он своими стихами рассказал о некоторых героях эпической и мифологической поэзии, таких как Вяйнямёйнен, Илмаринен, Ахти. О том, сколь много знали финны к XVIII веку о фольклоре, свидетельствует «Мифологический словарь» Кристфрида Ганандера (1741–1790) [11]. Этот словарь хорошо изучил Элиас Лённрот, так же как многотомный труд Хенрика Портана «О финской поэзии». Между тем случалось, что о Лённроте в нашей стране писали как о первооткрывателе народной эпической поэзии. Сам Лённрот всегда отдавал должное предшественникам: Сакариасу Топелиусу-старшему, Карлу Готтлунду и др. В числе этих предшественников был и немецкий пропагандист финской народной поэзии Хенрик Шрётер, выпустивший в 1819 году сборник «Финские руны на финском и немецком языках». Кстати, помощь в издании книги ему оказал Готтлунд.

Саму идею создания из материала устного народного творчества «упорядоченной целостности» высказал впервые тот же Готтлунд, будучи еще студентом, в 1817 году. Эта идея держа-

© Мишин А. И., 2009

лась на предположении, что давным-давно такое единое народное произведение существовало, но оно рассыпалось. Следовало всего лишь собрать его осколки и соединить их. Через семь лет мечту о некоем Аристаркусе, который мог бы создать из разрозненного материала «кое-что» (несомненно, подобное гомеровским поэмам), высказал Карле Кеккман. Время шло, но таких Аристаркусов не появлялось, хотя и песен уже было собрано немало и даже вышли фольклорные сборники К. Готтлунда (1818, 1821) и С. Топелиуса (1822–1831) [14].

Интересно, что Элиас Лённрот, работавший над «Калевалой», часто мучился сомнениями, справится ли он с этим делом, имеет ли право на него. Размышлял он и над тем, кто бы мог быть на его месте. К гипотетическим авторам он относил автора «Мифологического словаря» К. Ганандера, священника по профессии, лингвиста и фольклориста, этнографа и талантливого поэта. В своих собственных стихах Ганандер пользовался метрикой народного стиха. Имея под рукой немалый материал народных песен, он даже интересовался теорией немецкого ученого Фридриха Вольфа о природе гомеровских поэм. Почему же Ганандер не взялся за эту работу? Лённрот пришел к выводу, что во второй половине XVIII века материала все-таки еще было недостаточно для большого эпического произведения. Имелась, я думаю, и еще одна причина, даже более важная: национальное пробуждение финнов было еще впереди. Именно на его волне могло родиться такое произведение, как «Калевала». Называет Лённрот имя и второго потенциального творца эпоса – Сакариаса Топелиуса-старшего. И сам же напоминает: «Ранняя смерть унесла Топелиуса. Возможно, со временем он и отдался бы этой работе».

Элиас Лённрот родился и жил в нужное время, но главное, у него был поэтический талант. И вся его предыдущая, «докалеваловская» жизнь, начиная с самого детства, увязывается с главным делом – созданием «Калевалы».

Деревня Самматти, родина Элиаса Лённрота, располагается на юго-западе Финляндии на берегу озера Валкъярви. Крестьянская изба, где он родился, стоит на самой круче над озером. Поэтому вид с берега открывается необыкновенно живописный: кроме озера Валкъярви видны и другие озера: Хаариярви, Роукоярви, Лайтаярви, Хейлампи и Кирмунен. Аарне Анттила, биограф Лённрота, все это описал в своей двухтомной книге «Элиас Лённрот. Жизнь и деятельность» (1931). Процитирую несколько строк из этой книги, значимых для нас: «В двухстах метрах от берега возвышается холмистый и лесистый остров, который с давних времен считается пограничным, бесспорным для трех деревень» [10]. Когда смотришь с высокой кручи на синюю даль озера Валкъярви, на этот холмистый остров, невольно вспоминаешь строки из лённротовской «Калевалы»:

Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Стал на твердь двумя ногами
Там на острове средь моря,
Там на суше без деревьев[1].

Нетрудно представить мальчика Элиаса, страстного любителя чтения, сидящего на высоком дереве, где он по утрам читал книги, чтобы не надоедать матери по части завтрака и отвлечь себя от чувства голода, и улетавшего воображением в далекое прошлое, когда человек еще только осваивал моря и земли. На берегах Валкъярви произрастает самая разнообразная древесная и кутарниковая растительность, например дубы. Вспомним «Калевалу». Вяйнямёйнен, поднявшись на безлесый остров, размышляет, кто ему засеет землю. Он поручает эту работу Сампсе Пеллервойнену:

Сампса сеет, засевает
Все поляны, все болота,
Засевает все лощины,
Каменистые долины.
На горах сосняк посеял,
На холмах посеял ельник,
Вересняк на суходоле,
Поросль юную в ложбинах.
Для берез отвел долины,
Для ольхи сухие почвы,
Для черемухи низины,
Для ракит сырые земли,
Для рябин места святые,
Почву рыхлую для ивы,
Твердую для можжевела,
Для дубравы берег речки.

Все названные здесь деревья и кустарники есть в Самматти. Элиас Лённрот, создавая «Калевалу» из разнородного фольклорного материала, несомненно, возвращался в свое детство, в родные края, столь похожие на то, что он находил в народных строчках. Память и поэтическая интуиция надиктовывали ему эту информацию, и эпизоды, в которых косвенно представали картины природы, значительно расширялись по сравнению с тем, что имелось в стихах народных.

Впечатления и переживания детства, мечты о полетах отразились в эпизоде, в котором Лённрот показывает, как простоватый и легковерный кузнец Илмаринен взбирается на сосну, «чтоб достать с макушки месяц, взять Медведицу с вершины», а Вяйнямёйнен заклятиями отправляет его по воздушному пути вместе с вихрем в Похьелу. Другой эпизод касается Ловхи, у которой украли сампо. Она, превратившись в орла, преследует похитителей. Этот полет имеет почти биографическую основу. Дядя Лённрота по отцу, Кустаа Хейкки, был изобретательным и увлекающимся человеком. Он сделал себе крылья из веток можжевела и березы, поднялся на крышу сарая и, расправив «крылья», попробовал полететь. Разумеется, полет продлился

недолго. Он рухнул на землю. Разве данный эпизод не напоминает о том, как Ловхи «делает борта крылами, руль – своим хвостом огромным… Крылья птицей распластала, ввысь большим орлом взлетела»? Детские мечты нашли воплощение и в полетах пчелки по заданию матери Лемминкяйнена за медом в «погреба Бога» для возвращения к жизни сына.

Лённрот, совершивший в поисках народных песен одиннадцать путешествий по Финляндии и Северо-Западу России (нынешним территориям Карелии, Мурманской, Архангельской и Ленинградской областей), тосковал по родине, по Самматти. Для Лённрота «каждый камень родного края – это неиссякаемый золотой прииск, и, наоборот, знаменитые золотые прииски Перу рядом с ними кажутся голыми скалами» (см. об этом: [7]). Когда Ловхи предлагает Вяйнямёйнену вольготную жизнь в Похьеле, он отвечает:

Впрок нейдет еда чужая
Даже в доме хлебосольном.
Муж в краю родимом лучше,
Выше он в родимом доме.
Если б дал мне милосердный,
Коль дозволил бы создатель
Поскорей домой вернуться,
В край родимый возвратиться!
Лучше на земле родимой
Из-под лаптя пить водицу,
Чем в земле чужой, немилой
Мед из чаши золоченой!

Почти все строчки этого эпизода – пословицы, они сочинены Лённротом с использованием элементов народных пословиц. Но как же они уместны в этом «патриотическом» фрагменте! Чувства, выраженные в этом эпизоде, совпадают с чувствами Лённрота, написавшего в Керети в 1837 году стихотворение в свободной форме:

Когда я вижу встающее солнце,
Я думаю всегда:
О, если бы я видел его сияние
В своем доме.
Когда я вижу
Семизвездье или другие звезды,
Их я тоже с большей радостью лицезрел бы
У себя дома.

В истории взаимоотношений мифической Калевалы и столь же мифической Похьелы, во многом придуманных Лённротом, также выражено понимание своей и чужой земли, и в этом смысле Калевала – это родина самого Лённрота, более теплая, более солнечная. В миниатюре она представлена в реальной родине создателя «Калевалы» – Самматти, где есть и горы, и озера (а их в округе 29), и «безымянный остров», и даже гора по имени Сампо (Самповаара). Кстати, склон этой горы служит природным амфитеатром в дни празднований юбилея «Калевалы». Здесь умещается до 500 и более зрителей.

Лённрот с малых лет наблюдал жизнь и труды крестьянина. Сам ловил рыбу, ставил силки на птиц. Он и железо ковать умел, и лыжи мастерить. Ему был знаком труд плотника и столяра. Отцу Лённрот помогал в портняжном деле. В молодости он сделал несколько кантеле. Играл на них, а когда ходил с отцом по деревням в качестве портного, играл и на флейте. Поэтому, создавая эпизоды о том, как Вяйнямёйнен делает кантеле и играет на нем, как, шагая по боровинам, трубит в рожок Куллерво, Лённрот излагал и свои впечатления из детских и юношеских лет.

Можно говорить и о том, что какие-то черты близких Лённроту людей есть в калевальских персонажах. Отец Элиаса Фредрик Юхана, портной, зубоскал, рифмоплет и большой любитель выпить, нередко сам становился зачинщиком драк и ссор. В старости он любил похвастать тем, что один загонял в угол девять мужчин. Разве он не напоминает нам забияку и неунывающего весельчака Лемминкяйнена? В женских образах «Калевалы» (Айно и мать Лемминкяйнена) есть черты матери Лённрота – Улрики Валберг, симпатичной, статной, работящей, любящей своих семерых детей женщины.

В роду Лённрота были свои поэты. Юмористические стихи сочинял дед Матти Мустапяя. Дар сочинителя перешел от него к отцу Лённрота. Чувство юмора, кажется, вообще было родовой чертой. Не будь у Лённрота чувства юмора, вряд ли ему далось бы передать с таким мастерством комическую ситуацию, возникшую в связи с желанием Лемминкяйнена попеть во время возвращения героев из Похьелы с похищенным сампо:

Напевать, несчастный, начал,
Куковать, нескладный, взялся
Голосом своим скрипучим,
Глоткою своей шершавой.

Пел беспечный Лемминкяйнен,
Надрывался Кавкомьели,
Рот дрожал, тряслась бородка,
Содрогался подбородок.
Пенье слышалось далёко,
Разносился крик над морем,
До шести летел селений,
За семью звучал морями.

От пения Лемминкяйнена вздрагивает журавль. Он своим криком «поднял на ноги всю Похью». Такого развернутого в юмористическом духе события в народной поэзии нет. У Архиппы Перттунена эпизод с журавлем вообще не связан с пением Лемминкяйнена. Просто муравей «брызнул» на ногу журавлю, отчего тот вскрикнул и разбудил Похьелу. Над героями Калевалы Лённрот иронизирует неоднократно. В другой раз Лемминкяйнен оконфузился, когда Вяйня-

мёйнен просит его провести мечом под лодкой, чтобы умертвить щуку, на хребте которой застряла их лодка. Лемминкяйнен выполнил задание:

По воде клинком ударил,
Под челном провел железом,
С шумом на воду свалился,
С плеском плюхнулся на волны.
Тут кователь Илмаринен
Мужу в волосы вцепился,
Вытащил его из моря…

Иронизирует Лённрот и над самим Вяйнямёйненом. Вспомните стенания мужа у чужого берега: «Он и плачет, и стенает, бороденка потрепалась, волосы свалялись в космы».

Страсть Элиаса Лённрота к путешествиям также усилила описания походов «калевальцев» в Похьелу, в утробу Випунена, удлиняла отдельные эпизоды и т. д. В одной из дневниковых записей он и себя уподобляет Вяйнямёйнену, идущему к Випунену «по концам иголок женских».

Все, чем занимался Элиас Лённрот в юношеские годы, также оказало влияние на его будущую деятельность. В университете города Турку, куда он поступил 1822 году, Лённрот изучал филологию, увлекался языками: латинским, древнееврейским, греческим, русским, что давало ему широкие возможности в знакомстве с произведениями мировой литературы и фольклора, с мировыми эпосами. Русский язык он освоил «вполне удовлетворительно». Читал стихотворные и прозаические тексты. Перевел на шведский язык стихотворение Николая Карамзина «Гавань». Перевод, выполненный и опубликованный в 1824 году, обнаруживал в нем истинного поэта. Рифмы, метрика, звукопись – все в переводе свидетельствует о профессиональном уровне Лённрота. Столь же профессиональными были его переводы с финского языка на шведский народных песен, которые он собирал.

Еще более расширились познания Лённрота, когда он получал второе высшее образование, медицинское. Однако с поэзией и фольклором он не расставался. Учась медицине в Хельсинки, он посещал студенческий кружок «Субботние вечера», где читались и обсуждались знаменитые, ставшие популярными в то время «Песни Оссиана» английского поэта Джеймса Макферсона. Именно в эти годы Лённрот с увлечением читает гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея».

В летние месяцы, еще учась в Турку, Лённрот начал собирать народные песни и даже на основе нескольких вариантов баллады «Гибель Эллины» делает свой вариант этой легенды. Вплотную народной поэзией он занялся под началом преподавателя истории Рейнгольда фон Беккера, который в 1820 году опубликовал сводный эпос о Вяйнямёйнене в форме пересказа и стихотворных фрагментов. 14 февраля 1827 года Элиас Лённрот защитил магистерскую диссертацию «Вяйнямёйнен, божество древних финнов». Для этого он изучил все те сборники народных песен, которые ранее издавались, и все, что вообще писалось о народной поэзии. Лённрот собственноручно скопировал книгу немецкого фольклориста Х. Р. фон Шрётера «Финские руны» (1819). Словом, Лённрот мог продолжить в дальнейшем чисто научную деятельность. Никто лучше него не разбирался в народной поэзии, как свидетельствовали современники. Кроме того, его всегда увлекала история, и не только Финляндии, России, но и всего человечества. Лённрот, будущий автор словаря «Флора Финляндии», с юности увлечен цветами и травами, а в старости заведет на своей родине ботанический сад. Лённрота рано начали интересовать языковые проблемы. Он – будущий автор большого «Финско-шведского словаря», который можно поставить рядом с четырехтомным «Словарем живого великорусского языка» В. Даля. Но, не оставляя ни одного своего увлечения, Лённрот отдастся делу, которое обессмертит его имя во всем мире. И все то, чем увлекался Лённрот в юности, отразится, как в фокусе, в великой «Калевале».

Неиссякающая в течение нескольких лет юношеская страсть к путешествиям принесла ему в 1828 году первый материал, который он использует по-своему. В апреле этого года Лённрот пройдет по Южной Финляндии и Приладожью. Это счастье для науки, что он вел дневниковые записи и писал друзьям о своем путешествии. Он дал точное название этим записям и письмам: «Путник, или Воспоминания о пешем путешествии по Хяме, Саво и Карелии». Книгой они вышли в 1902 году. Лённротовский дневник еще раз убеждает в том, что за ним стоит талантливый писатель и поэт, тонкий наблюдатель, человек с добрым чувством юмора. Знаменательно, что уже на первых страницах дневника предстает имя Гомера, к тому же в неожиданном ракурсе: «Я… не доверяю никаким снам и оставляю на совести старика Гомера его суждения о них. Гомер, говаривавший, что и “сны от Бога”, несомненно, ошибался. Нет никакого божественного провидения в том, что престарелая тетушка из-за своих беспокойных снов предрекает беды какому-нибудь путнику или иному христианину» [8]. Такие имена, как Макферсон, Гомер, не оставляют сомнения в том, что Лённрот уже в эти годы помышляет о миссии более важной для него, чем просто сбор песен и их издание. Вот еще одно свидетельство в пользу данной мысли. В Мянтухарью Лённрот пишет в дневнике: «Довольно часто, чуть ли не каждый день, стою, окруженный большой толпой слушателей и поклонников. Не могу отрицать, это меня радует и удовлетворяет мое самолюбие. В такие минуты я всегда представляю себя Орфеем, или, если говорить “поотечественней”, новым Вяйнямёйненом» [8]. Напоминаем, что Вяйнямёйнен не только играет на кантеле, но и поет песни, а значит, и сочиняет их.

Рунопевцем, от которого Лённрот в течение двух дней запишет 2000 строк народных песен (более, чем от любого другого певца до этого), был Юхана Кайнулайнен (Финляндия, приход Кесялахти). Вместе с записями песен от некоторых других рунопевцев они составят достаточный материал для первого лённротовского сборника «Кантеле» из пяти тетрадей, четыре из них были напечатаны в 1829–1831 годах. В сборнике уже представлены главные эпические и мифологические персонажи будущей «Калевалы»: Вяйнямёйнен, Илмаринен, Лемминкяйнен, Ловхи, Тапио, Миеликки и другие. По сравнению с К. Готтлундом и С. Топелиусом, Лённрот обращался с народной поэзией более свободно. Он использовал не только фрагменты и строки своих записей, но и строки из сборников своих предшественников. В дальнейшем, работая над «Калевалой», он будет переносить в нее из своего первого сборника строки и группы строк почти без изменений. Любопытно, что Лённрот в предисловии ко второй тетради «Кантеле» в 1829 году писал, что «песни сотни лет пелись», а потом «рассыпались». Здесь явно проглядывает предположение о том, что у финского народа когда-то была большая поэма, которая со временем распалась на отдельные фрагменты-песни. Тут же он выразил пожелание, чтобы их «кто-то собрал», поскольку «через какое-то время это сделать уже будет поздно. Они, возможно, наилучшим образом рассказали бы, как люди жили и какие обычаи имели в давние времена» [13]. Идея «составления» из фольклорного материала повествования о том, «как люди жили и какие обычаи имели», вдохновляла Лённрота на все новые и новые путешествия. Кое-что он понял и о секретах народного сочинительства. Народные певцы хорошо усвоили строки-клише, которые каждый из певцов мог поставить в то место песенного сюжета, где клише его больше устраивало.

Когда Лённрот расплачивался с рунопевцем за пение, Кайнулайнен пошутил: «Пожалуй, с этого дня я начну ковать руны». На вопрос, может ли он «сочинять настоящие руны», певец ответил стихами, явно своими:

Сотнями слагали песни,
Сочиняли их и раньше,
В час, когда дитя качали,
В пастухах, когда ходили,
Складывали вечерами.

С такого рода импровизацией Лённрот столкнется не раз. Многие свои довольно длинные письма друзьям он и сам напишет стихами в народном духе. Это ему, конечно же, пригодится, когда он начнет работать над своей эпической поэмой. Лённрот имел феноменальную память и часто в дороге мог наизусть повторять то, что ему пели, а уж песенные клише он знал не хуже рунопевцев и цитировал их в собственных текстах в любой подходящий момент. Встречи с новыми певцами давали ему не только новые бесценные материалы, но и учили пользоваться всеми приемами песенного сложения. Поэтому вполне понятны его слова о себе в отношении к «Калевале», высказанные позднее, 1849 году, в шведоязычной газете «Литтератюрбладет»: «Сами вышли в рунопевцы, заклинателями стали». И, конечно же, больше всего он получил от таких рунопевцев, как Архиппа Перттунен, Онтрей Малинен, Ваассила Киелевяйнен, Мартиска Карьялайнен, Юрки Кеттунен, Соава Трохкимайнен, Мателі Куйвалатар. Последняя более известна своими лирическими песнями, составившими сборник песен «Кантелетар». Впрочем, те строки, которые Лённрот отбирал для своей «Калевалы», были ему спеты и совсем неизвестными и плохо помнившими песни рунопевцами, в том числе и детьми. В дело шло все, что так или иначе двигало сюжет, добавляло красок к деяниям героев, вносило образность в рождающийся текст.

Подлинным поэтическим даром и прекрасным чувством меры обладал Архиппа Перттунен. Его песни сюжетно стройны и закончены. Лённрот записал от него 4100 песенных строк. Все же ни одной его конкретной песни даже в обработанном виде в лённротовской «Калевале», вопреки расхожему мнению, не найти. Песня о сампо вошла группами строк в разные места «Калевалы», но эти группы строк встречаются и у других рунопевцев. Строя сюжет отдельных глав «Калевалы», Лённрот брал материал от многих певцов.

Создаваемая Лённротом «Калевала» прошла, по крайней мере, пять стадий, каждая из которых получила свое конкретное воплощение в виде поэм, какие бы при этом названия он им ни давал [2; 150–164]. Сначала родился цикл поэм: «Лемминкяйнен», «Вяйнямёйнен», «Песни свадебных гостей» (1833). Потом появился «Свод песен о Вяйнямёйнене» (получивший в науке название «Перво-Калевала», 1834). Эти три поэмы стали основой так называемой «Старой “Калевалы”» (1835), получившей известность в Европе. «Калевала», выросшая почти вдвое, своего рода хрестоматийная «Калевала», вышла в 1849 году, после четырнадцатилетней паузы, новых путешествий и размышлений Лённрота. Последняя, пятая, «Калевала», забытая незаслуженно, сокращенная и доработанная, предназначенная для молодежи, увидела свет в 1862 году. Впрочем, были забыты и все другие «Калевалы» во имя так называемой «Новой “Калевалы”» 1849 года, считающейся окончательной. Она стала всемирно известной и переведена уже на шесть десятков языков. Все пять лённротовских «Калевал», переведенных на русский язык Эйно Киуру и автором этой статьи, изданы в Карелии [3], [4], [5], [6], [7]. Данные издания интересны и как самостоятельные произведения, созданные Лённротом из материала народной поэзии разных жанров, и как ступени к окон-

чательной версии эпической поэмы. Сравнивая их, читатель может многое узнать о тайнах рождения «Калевалы» на письменном столе Лённрота, а также об отличии народных эпических песен от авторского произведения XIX века.

Читая все «Калевалы» в порядке их создания, убеждаешься в том, как Элиас Лённрот все больше обретает творческую свободу. Позволял ему это делать сам объем материала, который был у него под рукой. Здесь и собственные записи, и записи его современников и учеников, и фольклорные издания прошлых лет. По свидетельству Вяйно Кауконена, главного исследователя лённротовского творчества, к моменту создания «Калевалы» 1835 года песенных строк, из которых Лённрот отбирал нужные ему, было 40 000. В 1849 году их было уже 130 000. Стоит обратить внимание на слова Лённрота о том, что этого материала «хватило бы на семь “Калевал”» и что «все они были бы разными». Эти слова развенчивают когда-то существовавшую теорию о рассыпавшейся со временем народной поэме. Какой из них? Те, кто и сегодня отождествляют «Калевалу» и народную поэзию, должны задуматься над признанием Лённрота. Он осуществил лишь одну возможность претворения народного материала в поэму. Следовательно, никаких народных поэм, равнозначных лённротовским, не существовало. Никаких народных песен, из которых можно было бы, обработав их, «составить» «Калевалу», не было в наличии.

Обретая творческую свободу, Лённрот все теснее увязывает песенный материал, зафиксировавший «историю» прошлого народной жизни, с проблемами века. Особого прорыва в настоящее в поэмах «Лемминкяйнен», «Вяйнямёйнен», «Песни свадебного народа» не наблюдается. В них он всего лишь переписчик фольклора, правда, уже пользующийся большей свободой в передаче народных сюжетов. А вот некоторые события «Перво-Калевалы» уже протекают на фоне живой или более близкой эпохи. Движение времени, неизбежный переход от старого к новому (от язычества к христианству) изображается в шестнадцатой главе «Перво-Калевалы».

В десятой главе история раба Куллерво получает более развернутое описание, чем в народной поэзии, поскольку акцент ставится на социальном конфликте. Финляндия, вошедшая в Российскую империю, не знала крепостнической системы. Но песни, которые были собраны в Российской Карелии, отразившие отношения помещиков и батраков в России, обращали взгляды Лённрота на финляндскую действительность, на неравенство в отношениях господ и крестьянства.

Лённрот как журналист заострял внимание на этих отечественных проблемах в своих многочисленных статьях. Насколько они важны для Лённрота, говорит количество строк о Куллерво: в «Перво-Калевале» – 122, в девятнадцатой главе «Калевалы» 1835 года – 534, в классической версии 1849 года – 2200. Дело не только в том, что у Лённрота накопилось много песенного материала, собранного в Финляндии, в Российской Карелии и в Ингерманландии (нынешняя Ленинградская область). Главный толчок для написания эпизодов о Куллерво – сама общественная и политическая жизнь Финляндии. В Лённроте просыпался гражданин.

Для создания полноценного образа и более напряженного социального конфликта он извлекает строки из песен, не имеющих никакого отношения к Куллерво. Это прежде всего варианты песен о Туйретуйненне, совершающем кровосмесительную связь с сестрой, и песни о сыне богача Рийко, который неудачно сватается к бедной девушке и кончает жизнь самоубийством. Если в версии «Перво-Калевалы» и «Калевалы» 1835 года отсутствовала тема вражды двух братьев Калерво и Унтамо, то в последней версии она становится ведущей. Записанная фольклористом Рейнхолмом в Лембалово (Ингерманландия) в 1847 году, песня пригодилась Лённроту при работе над версией «Калевалы» 1849 года. Вот эти строки, давшие толчок развитию драматических событий, участником которых становится Куллерво и в результате которых гибнет:

Унтамо поставил сети,
Калева собрал всю рыбу.
Калева овес посеял
там, за Унтамо подворьем.
Унтамойнена овечки
Калевы овес пожрали.
Унтамо войну затеял,
Калевы народ сгубил.

Данный эпизод расширится за счет строк, взятых из других вариантов:

Унтамо забросил сети
В воды Калервы однажды.
Калерва проверил сети –
Рыбу в свой упрятал короб.
Унтамойнен, муж проворный.
Обозлился, прогневился,
Двинул пальцы грозным войском,
На войну ладони поднял,
Начал ссору из-за рыбы,
Из-за окуньков паршивых.

Нет сомнения, что здесь отражена трагическая ситуация, возникшая в отношениях библейских братьев Авеля и Каина. Казалось бы, вполне достаточно, чтобы начать повествование о новом персонаже «Калевалы»: вражда Унтамо и Калервы порождает месть Куллерво, сына Калервы. Лённроту этого недостаточно. Не хватает иносказательной предыстории, опирающейся на более значимые причины конфликта. В дело идут строки, взятые из песен, записанных в разных местах в Финляндии:

Мать цыплят взрастила стаю,
Лебедей косяк вскормила,
Подняла цыплят на прясло,
Лебедей свела на реку.
Налетел орел – рассыпал…

Орел в данном случае воспринимается как символ войны. Это тем более важно подчеркнуть, что далее упоминаются Россия и Карелия (пусть и не реальная), куда попадают три брата. Финский читатель непременно свяжет их судьбы с недавно прошедшей войной между Россией и Швецией. Как видите, конкретная и близкая история находит в «Калевале» отражение по воле ее создателя.

В песнях-главах о Куллерво [7; 93–104] в «Калевале» наиболее зримо выражена позиция Лённрота-гражданина. В своих статьях, публикуемых в газетах, он ратует за единство финского общества, расколотого не только по языковым, но и социальным причинам. Существовали бедные и богатые. Интеллигенция не всегда понимала проблемы народа, в основе своей крестьянского, непросвещенного. Наблюдал Лённрот и картины пьянства в низах и верхах, и безразличного отношения к труду. Понятие трудовой этики далеко не всегда реализовывалось в работе. Во всем этом Лённрот видел причины отсталости общества, бедности на финской земле. Пугали Элиаса Лённрота революционные события в Европе в 1830 и 1848 годах, хотя он всегда сочувствовал трудовому народу и даже играл на кантеле мотив Марсельезы. Судьба Куллерво должна была быть предупреждением всем, от кого зависела судьба общества и государства. Жестокость одних порождала слепую месть других. Эпизоды бессмысленного труда-возмездия Куллерво никогда в народной поэзии не достигали столь подробных описаний. Обладавший небывалой физической силой раб Куллерво, например:

Сбил ограду без проходов,
Без ворот забор поставил.
От земли до неба поднял,
До небесных туч воздвигнул:
Через верх не перелезешь,
Сквозь дыру не проберешься.

Такому труду раба Лённрот в «Калевале» противопоставил труды Вяйнямёйнена, делающего лодку, и Илмаринена, выковывающего сампо, орла и грабли для матери Лемминкяйнена. Описанию выковывания сампо в народной поэзии уделяется лишь несколько строк. У Ваассилы Киелевяйнена (деревня Вуоннинен) была всего лишь одна строка: «Сампо выковал кователь». Архиппа Перттунен спел Лённроту семь строчек, из них две посвящены укрощению девы, о самом процессе выковывания сампо в песне «короля рунопевцев» имеется только три строки:

Тот кователь Илморинен
День-деньской готовит сампо,
Ночью деву укрощает.
Вот кователь Илморинен
Смастерил уже и сампо,
Расписал узором крышку,
Укротить не смог девицу.

Как видите, процесс труда не отражен. Более того, констатация того факта, что мастер не укротил деву, умаляет его труд. Укрощение девы, очевидно, было гораздо важнее для кователя.

Лённрот-поэт рассказал о работе Илмаринена в десятой главе «Калевалы», посвятив ей 135 строк и тем самым создав подлинный гимн труду. В этом гимне и строчки нет об укрощении девы. Материал для изображения этой вдохновенной и фантастической работы Лённрот извлек из песен о выковывании Золотой девы, распространенных в Приладожье, на Карельском перешейке, в Ингерманландии, по обе стороны российско-финляндской границы. Самое удивительное, что он использовал в тридцать седьмой главе «Калевалы» и сюжет о Золотой деве, показав так же, как и в главе о выковывании сампо, стадии самой работы, однако предметы, которые выходят из горнила, он выбирает разные. В первом случае это лук, лодка, нетель, сампо. Во втором – овца, жеребенок, дева. Подчеркивая бесполезность во втором случае дорогостоящей работы мастера, Лённрот изменяет строки-клише о работе невольников. Если при ковке сампо «рабы вовсю меха качают, пламя сильно раздувают», то, выковывая деву, даже рабы «трудятся неважно, батраки качают скверно». Сам Илмаринен изрекает: «Вот красавица была бы, если б говорить умела».

Гражданской позицией Лённрота диктуются и его отношения к женским образам. Они формируются в прямой зависимости от его размышлений о положении женщины в финском обществе. Лённрот был одним из первых защитников прав женщины в Финляндии. Хотя мужское начало (патриархат) в «калевальском» мире и берет верх, Лённрот привносит в него идеи равноправия. Мужскому насилию противодействуют Айно, Кюлликки, вторая дочь Ловхи, Марьятта. Героические деяния Вяйнямёйнена, Илмаринена, Лемминкяйнена бледнеют рядом с подвигом матери Лемминкяйнена, возвращающей к жизни своего сына. Айно (образ, во многом придуманный Лённротом) отказывается выходить замуж за старца. Марьятта, родившая «короля Карелии» от бруснички, как ее ни поносили отец и мать, выносила и воспитала свое дитя.

Самый многозначный и яркий женский образ в «Калевале» – хозяйка Похьелы Ловхи. Именно ей приходится выносить бесчисленные несправедливости со стороны калевальцев: убивают ее мужа, губят двух ее дочерей, похищают сампо – предмет, который принадлежит ей по праву. Ее месть гораздо более оправданна, чем слепая

месть Куллерво, который беспощаден даже к своим родителям. Сам Лённрот о Ловхи говорил с пониманием: она защищает свой род точно так же, как это делают мужи Калевалы.

В «Калевале» немало мест нравоучительного характера. Это тоже связано с тем, что создатель «Калевалы» много писал о задачах просвещения и воспитания. В просвещении он видел будущее общества, на него ориентировал интеллигенцию и народ. Свои основные просветительские идеи в виде заповедей народной нравственности он вкладывал в уста матерей Куллерво, Лемминкяйнена, самого Вяйнямёйнена. Узнав о гибели Куллерво, Вяйнямёйнен сказал:

Никогда, народ грядущий,
Не давай детей родимых
Глупому на попеченье,
Чужаку на воспитанье!

Лённрот был врачом. Неутомимый просветитель, он напечатал множество популярных статей и брошюр по вопросам медицины, в том числе лечения травами, которые он усердно собирал, и позднее издал справочник «Флора Финляндии». В 1830–1833 годах он был в самом центре борьбы с эпидемиями холеры и дизентерии. В 1833 году сам заболел брюшным тифом. Слух прошел даже о его смерти. За эту мужественную работу он получил от царя Николая I бриллиантовое кольцо.

Страницы, посвященные насланным Ловхи на Калевалу болезням и их излечению, именно поэтому столь подробны и впечатляющи, что стоит за ними врачебная практика Лённрота. Ему хорошо были известны недуги, которые нарожала и которым давала просторечные имена Ловиатар:

Колотьем один был назван,
Коликой другой был прозван,
Третий наречен ломотой,
Костогрызом стал четвертый,
Пятый назван был коростой,
Чирием шестой объявлен,
Окрещен седьмой холерой,
Стал восьмой чумою страшной.
Лишь один пока не назван.

Названия болезней Лённрот отбирал из разных заклинаний, выстраивал их в этот окончательный ряд, отличающийся от того, что было в версии «Калевалы» 1835 года.

Объединяет все пятьдесят песен-глав «Калевалы» не только разработанный Элиасом Лённротом общий сюжет, где названы причины тех или иных походов и деяний героев (в народных песнях этого нет), но и ненавязчивый образ повествователя, рассказчика:

Мной желанье овладело,
Мне на ум явилась дума,
Не начать ли песнопенье.

О том, что этот рассказчик в конечном счете – сам Лённрот, становится ясно по заключительной главе. С одной стороны, он предстает в образе народного певца, а с другой – в ряде строк проглядывают его «биография» и его ощущения. Версию «Калевалы» 1835 года резко критиковал К. Готтлунд за отход от народной поэзии. А Д. Эвропеус еще не вышедшую в свет классическую версию 1849 года ругал за то, что «новая “Калевала”» ломает «нормы красоты и нравственности» «к великой досаде любителей отечества» [12]. Поэтому Лённрот и говорит:

Их теперь совсем немало,
Много злых людей на свете,
Кто меня корит нещадно,
Кто меня бранит жестоко.

Одновременно Лённрот гордится тем, что он «певцам лыжню оставил».

«Калевала» вся нацелена в будущее. Это не эпос, составленный из народных песен, доработанных составителем, как думают многие, а лироэпическая поэма, созданная поэтом XIX века Элиасом Лённротом из разножанрового, в разное время собранного песенного материала. Цель создания поэмы – заглянуть не только в прошлое финского народа, но и в его завтрашний день.

Финская литература Финляндии только начиналась. «Калевала», впитавшая в себя все лучшее из народной поэзии карелов и финнов, стала первым крупным художественным произведением, в котором воссоздана мифологическая история финского народа и вместе с тем подняты острые проблемы современности. Пронизанная горячей любовью к родному отечеству, она вдохновила писателей на создание романов, пьес, поэм на финском языке. С годами «Калевала» Элиаса Лённрота становилась произведением-образцом для нарождающихся литератур других народов.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее цитаты приводятся по изданию [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калевала (сокращенный вариант 1862 г.). Петрозаводск: Скандинавия, 2006.

2. Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 248 с.
3. Лённрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских финских народных песен / Пер. с финн. Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск: Карелия, 1998. 583 с.
4. Лённрот Э. «Кантеле Вяйнямёйнена» («Перво-Калевала»). Эпическая поэма на основе карельских и финских народных песен / Пер. с финн. Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск: Verso, 2004.
5. Лённрот Э. Калевала, 1835 / Пер. с финн. А. Мишина и Э. Киуру. Петрозаводск: Verso, 2006.
6. Лённрот Э. Наброски к «Калевале» («Лемминкяйнен» «Вяйнямёйнен», «Песни свадебных гостей») / Пер. с финн. Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск: Скандинавия, 2007.
7. Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск: Карелия, 1988. 167 с.
8. Путешествие Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск: Карелия, 1985. 320 с.
9. Agricola M. Davidin Psaltir. Stockholmi, 1551.
10. Anttila A. Elias Lönnrot. Elämä ja toiminta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1. osa 1931. 2. osa 1935.
11. Ganander C. Mythologia fennica. SKS. Gummerus Oy: n kirjapainossa. Yyväskylä, 1964.
12. Evropeus D. E. Suurmies vai kummajanen. KS. Helsinki, 1984.
13. Lönnrot E. Kantele. Toinen. 2. osa. 1829.
14. Suomen kansalliskirjallisuus. Käsikirjoituksissa ja julkaisuissa 1544–1930. II. 80. Helsingssä; Otava, 1935.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 Филология 2009

УДК 398 (092)

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЫЗЛОВА
младший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
alyzlova@rambler.ru

ВЕПССКИЙ СКАЗОЧНИК Ф. С. СМИРНОВ

В работе представлены биографические данные и характеристика репертуара одного из ярких вепсов-сказочников – Ф. С. Смирнова (1863–1938). Зафиксированные от него тексты (54) составляют 115-ю коллекцию Научного архива КарНЦ РАН. Многие сказки вошли в опубликованный в 1941 году сборник «Вепсские сказки», являющийся в настоящее время библиографической редкостью. В сообщении содержатся дополнительные сведения о носителе взаимодействующих вепсской и русской традиций.

Ключевые слова: вепсский фольклор, сказка, собиратель Г. Е. Власьев, сказочник Ф. С. Смирнов, репертуар, традиция

Появление в 1931 году Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) способствовало активизации собирательской работы. В связи с этим именно в 30-е годы XX столетия были «открыты» такие сказочники, как М. М. Коргуев, Ф. П. Господарев, Ф. Н. Свиньин и др.

Наряду со сбором русского устного народного творчества, сотрудники института в те же годы стали записывать и фольклор прибалтийско-финских народов. Это произошло во многом благодаря В. Г. Базанову. При нем «основными направлениями научных работ были признаны исследования малоизученных бесписьменных (в то время) языков (карельского, вепсского, саамского) и их диалектов на территории Карельской АССР, Ленинградской, Мурманской и Вологодской областей» [11; 35].

В 1935–1938 годах сотрудники КНИИ совершили ряд экспедиций в вепсские поселения Карелии и Ленинградской области. Во время этих выездов было зафиксировано большое количество сказок, которые «среди вепсов являются одним из любимых жанров фольклора» [2; 53].

Примечательно, что в условиях двуязычия записи делались как на вепсском, так и на русском языках. Причем в количественном отношении фиксация на русском языке превалировала. Возможно, это было связано с тем, что в указанные годы произошел «стремительный отход советского руководства от ранее проводимого курса на поддержку национального развития народов и национальных меньшинств», в результате чего было «прекращено использование вепсской письменности, преподавание на вепсском языке, издание на нем книг и газет» [13; 2].

Наибольшее количество сказок удалось записать в 1936 году в деревне Вонозеро Оятского района Ленинградской области от 73-летнего вепса Филиппа Семеновича Смирнова (1863–1938). Сотрудник Карельского государственного педагогического института Г. Е. Власьев, работавший одновременно в КНИИ, совместно с П. Карповым собрали от него за одно посещение 54 сказки. Практически все тексты были рассказаны и записаны на русском языке, лишь семь из них представляют собой короткие сказ-

© Лызлова А. С., 2009

ки-анекдоты на вепсском языке, содержащие нецензурные выражения. (Заметим попутно, что в 1937–1938 годах в Шелтозерском районе на вепсском и на русском языках были также зафиксированы материалы от других вепсов-сказочников – А. Х. Клопова, И. А. Бузаева.)

Такого количества сказок больше не удавалось записать ни от одного вепса. Однако тексты Ф. С. Смирнова не были включены в сборник «Вепсские сказки», подготовленный Н. Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой [8]. Его репертуар не учтен даже в «Описи вепсских сказок» [8; 201–207]. Обусловлено данное обстоятельство лишь тем, что записи были сделаны на русском языке. Это ни в коей мере не должно быть препятствием для рассмотрения личности и творчества яркого носителя фольклора, чему и посвящается статья.

Собранные от Ф. С. Смирнова сказки составили 115-ю коллекцию русского фонда Научного архива КарНЦ РАН (НА КарНЦ). Она включает в себя три тома формата А4 в твердой обложке, объединяющих произведенные в тетрадях и на отдельных листах карандашные записи. В большинство текстов внесены последующие правки чернилами или карандашом. Практически все сказки были записаны один раз, лишь «Полесник и барашек» – дважды. В НА КарНЦ есть также машинописные копии входящих в состав коллекции фольклорных произведений.

Согласно внутренней описи, почти половина записанных от Ф. С. Смирнова текстов (26) являются волшебными сказками, остальные – новеллистическими (11) и анекдотами (15). Сказка «Английский милорд Георг» обозначена как «пересказ иностранной повести», не имеющий соответствий в Указателе [14]. В описи коллекции не учтен текст «Невеста», поэтому следует уточнить список сказок Ф. С. Смирнова: он состоит не из 53, а из 54 наименований.

На основе полученных материалов Г. Е. Власьев позднее подготовил к печати сборник «Вепсские сказки», который был опубликован в Петрозаводске в 1941 году. Несмотря на то что тираж издания обозначен в размере 10 тысяч единиц, в библиотеках г. Петрозаводска оно не обнаружено. Один экземпляр хранится в личном архиве основателя Шелтозерского вепсского этнографического музея Р. П. Лонина. Сборник представляет собой книгу небольшого формата, насчитывающую 260 страниц. В него вошли 39 сказок из репертуара Ф. С. Смирнова. По-видимому, остальные 15 вариантов не были опубликованы из-за их содержания. Большинство этих сказок помечены в коллекции словами «нецензурная», «срамная».

Н. Ф. Онегина не совсем точно называет издание популярным сборником [8; 7], ведь, помимо текстов, в нем представлен следующий научный аппарат: вступительная статья, примечания к текстам и словарь малопонятных слов.

Вступительная статья, озаглавленная «Вепсские сказки», имеет небольшой объем [9; 3–6]. В ней содержится краткая характеристика места записи (Оятский район), описаны условия бытования сказок у вепсов и приводятся некоторые наблюдения над особенностями текстов, записанных от Ф. С. Смирнова. Примечательно, что в материалах НА КарНЦ сохранилась рукопись, в которой содержатся три разных варианта вступительной статьи к будущему сборнику [1]. Один из них – «Сказки Оятского района» – опубликован в сборнике под другим заглавием (см. выше). Два других имеют одинаковое название – «Сказочник Ф. С. Смирнов и его сказки», но отличаются объемом: 18 (!) и 5 машинописных листов. В этих статьях представлен очень подробный и сокращенный (соответственно) анализ жизни и репертуара Ф. С. Смирнова, который не вошел в сборник. В «Примечаниях» [9; 254–257] все тексты соотнесены с Указателем Аарне – Андреева, учтены сюжетные контаминации, отмечены интересные детали, использующиеся сказочником в том или ином тексте. «Словарь местных слов» [9; 258] объясняет значение 41 выражения. В него включены как вепсские, так и русские диалектные слова.

Отметим, что при подготовке сказок к публикации Г. Е. Власьев их редактировал. Так, в некоторых текстах он исключал отдельные слова и даже целые эпизоды, имеющие эротическое содержание («Иванушко-медвежьи ушки», «Кощуй Бессмертный»). Кроме того, составитель менял формы слов, употребляя, например, *его* вместо *евонный*, *их* вместо *ихний*; *слюнами помазал* вместо *слюнам помазал*; *невестка* вместо *невеска* и др.

В материалах собирателя, хранящихся в НА КарНЦ, содержатся минимальные сведения, касающиеся жизни сказочника. Ф. С. Смирнов родился в 1863 году в деревне Вонозеро Оятского района Ленинградской области. Свое детство Филипп провел безвыездно в родной деревне. В 18-летнем возрасте он был отправлен в Валаамский монастырь, где прослужил послушником в течение одного года. По возвращении домой Ф. С. Смирнов стал заниматься в основном сельским хозяйством. Судя по всему, интересующий нас человек был мастером на все руки, что подтверждается следующими словами Г. Е. Власьева: «Обладая от природы незаурядными способностями и богатой инициативой, Филипп очень быстро усваивал многие виды сельскохозяйственных и лесных работ. Он был и хорошим лесорубом, неплохим плотником, бондарем и т. д. и т. п.» [1; 1]. Кроме всего прочего, Ф. С. Смирнов был охотником: «У себя в деревне он почти ежегодно принимал участие в облаве на медведей. Был правой рукой приезжающих из Петербурга егерей-охотников; не раз был в лапах у медведя; на своем веку обошел не один десяток медведей и собственноручно убил их больше десятка» [1; 1]. Нередко Филипп Семенович отлучался на отхожие промыслы (лесозаготовки, торговля). В связи с этим ему прихо-

дилось бывать в Ленинграде и других городах и селах Русского Севера. Здесь он встречался с разными людьми, в том числе со сказочниками. Ф. С. Смирнов с удовольствием слушал их сказки и, по его словам, запоминал на всю жизнь. Наряду с этим он, будучи грамотным человеком, увлекался чтением лубочной литературы, которую получал у приезжавших в его родную деревню охотников, а позднее приобретал сам. Особенный интерес Ф. С. Смирнов проявлял к сказкам; он также любил исторические и приключенческие книги. Сведений о том, перенимал ли он сказки от кого-то в своей деревне, обнаружить не удалось.

Г. Е. Власьев отмечает, что «обладая незаурядной памятью, Филипп Семенович впитывал в себя, как в губку, все, что слышал, и все, что вычитывал из книг» [1; 2]. Данное обстоятельство способствовало тому, что Ф. С. Смирнов сам стал рассказывать сказки еще в юношеские годы. По словам собирателя, уже в возрасте 30 лет он был вполне зрелым сказочником и с каждым годом совершенствовал свое мастерство.

Филипп Семенович был известен далеко за пределами своей деревни и, по словам Г. Е. Власьева, «всю свою многолетнюю жизнь по всему району р. Ояти слыл за прекрасного сказочника» [1; 2]. Кроме того, в его репертуаре было большое количество присказок, песен, анекдотов, загадок, которые планировалось записать зимой 1936/37 года. Осуществить задуманное собирателям не удалось, так как уже «в 1936 году он заболел. Паралич отнял у него не только движение, но и речь. Правда, спустя месяц речь до некоторой степени восстановилась, но все же рассказывать <Смирнов> больше был не в состоянии» [1; 3]. А в 1938 году его не стало.

Все же «и то, что уже записано, позволяет судить о нем как о незаурядном носителе народного творчества» [1; 23].

К сожалению, в нашем распоряжении нет не только фотографии, но даже и словесного описания внешности Ф. С. Смирнова. Г. Е. Власьев обратил внимание на своеобразную манеру сказочника: «Обыкновенно он рассказывал за столом. Руки лежали свободно на столе. Особых жестов не было, но зато мимика и интонация особенно углубляли переживания, страдания и радость героев сказки» [1; 20].

Сказки Ф. С. Смирнова пользовались большим вниманием у разновозрастной аудитории. Взрослые слушали их во время перерывов на работе, а также на деревенских молодежных «бесёдах». Об этом свидетельствуют воспоминания работника Надпорожского сельсовета И. Т. Прокопьева: «Помню, как сейчас, сидим мы на бесёде, пляшем и играем, и вдруг кто-то сообщает, что дядя Филя в деревне. Немедленно снимаемся и всей ватагой к нему. Филька дядя начинает нам рассказывать сказки. Мы забываем и про бесёду, и про сон, так напролет слушаем до утра» [1; 2].

По словам Г. Е. Власьева, особенно любили сказочника дети. А он с удовольствием, несколько иначе, чем взрослым слушателям, рассказывал им сказки. Ориентируясь на детскую аудиторию, Филипп Семенович излагал содержание предельно ясно и конкретно, приводя много наглядных примеров, сравнений.

Итак, слушатели очень любили Ф. С. Смирнова, а он, в свою очередь, очень любил их. Ведь «сказывание сказок являлось как бы его органической потребностью» [1; 20].

Для сказок Филиппа Семеновича характерны индивидуальные особенности. Они достаточно подробно проанализированы в материалах Г. Е. Власьева. К таким особенностям собиратель относит следующие:

- введение религиозных мотивов (эпизод покаяния священнику перед смертью в сказке «Английский милорд Георг»; частое появление героев, связанных с церковью, – архимандрит, монах, поп, пустынник);
- отражение быта вепсского населения (упоминание о подсечной системе ведения сельского хозяйства в сказке «Великая птица», о древнейшем способе охоты на птиц «петелками» в варианте «Иван Горемыкин»);
- включение элементов, относящихся к современным достижениям науки и техники: «*Дровни покатили, как теперь автомобиль*» в сказке «Омелюшка-дурачок»; «*Жар-птицино перо издает такой свет, как от прожектора*» в варианте «Конек-горбунок»; «*Драгоценная была такая корона, что оценить нельзя, тут были драгоценные камни и сияли, как от электричества*» в тексте «Бурма-богатырь» (подчеркнуто мной. – *А. Л.*);
- переплетение волшебно-сказочных сюжетов с новеллистическими и анекдотическими («Дий-попович», «Дядька и Иван-царевич»). Как верно отмечает составитель сборника, «почти все сказки являются скомпанованными из отдельных сюжетов» [1; 18].

Добавим, что во многих текстах сказочником упоминаются элементы городской жизни. Так, часто действие разворачивается в Петербурге/Ленинграде («Доктор-ворожей», «Бурма-генерал», «Дуня», «Про орла»). При этом Ф. С. Смирнов иногда называет вполне конкретные места: Калашников проспект, Гончарная улица, Невская Лавра, Нева. Примечательно, что в одном из вариантов функционирует бык, у которого под хвостом расположен Гостиный двор со всеми его атрибутами: «…зайдет туда сколько угодно людей, все равно всем хватит накормить, напоить, есть там бани и т. д.» («Гостиный двор»). В некоторых сказках упоминаются и другие города – Москва («Про орла»), Лондон («Английский милорд Георг»). Заметим, что в последнем варианте фигурируют также Арабское королевство и Бранденбургия. Говоря о городе, Ф. С. Смирнов в сказках всегда использует

его характерные приметы: *гостиница*, *квартира*, *лавка*, *контора*, «*палихмахерская*», *аптека*, *корабельная пристань*; *извозчик*, *кучер*, *городовой*; *коляска*, *трамваи*; *вывеска*, *балкон*; *ярмарка*, *рынок*, *базар* и др.

Г. Е. Власьев отмечает и своеобразие стиля сказок Ф. С. Смирнова. Его тексты характеризуются «частым введением <…> диалога и искусным выделением чужой речи: беседуют у него и звери, и люди, и деревья и т. д.» [1; 20]. Сказки Филиппа Семеновича отличаются «большой силой, стремительностью и образностью» [1; 15]. Особенностью изложения являются «сжатость и лаконичность» [1; 16]. По словам Г. Е. Власьева, «язык сказок Смирнова является языком народным, приближающимся к литературному» [1; 20]. Безусловно, на это повлияло увлечение сказочника лубочными изданиями. Многие их сюжеты присутствуют в вариантах Филиппа Семеновича. Так, например, в его репертуаре имеется сказка «Про Добромысла и про сына Ивана богатыря», которая восходит к созданной в 1895 году И. Кассировым редакции «Сказки о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне». Этот текст представляет собой контаминацию нескольких сюжетов, зафиксированных в указателе под номерами: 402 *Царевна-лягушка*, 400_1=AA 400A=K 400A, B, C, D *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*, 554 *Благодарные животные*, 302_2 *Смерть Кощея в яйце* [14].

Примечательно, что на сегодняшний день нами обнаружено всего пять вариантов указанной лубочной сказки, бытовавших в устной традиции. Самый первый из них был рассказан именно Ф. С. Смирновым в 1936 году [6]. Годом позже в Петрозаводске на Онежском заводе Н. В. Новиков записал сказку «Еруслан Лазаревич» от Ф. П. Господарева [4], который почти до 40-летнего возраста жил в Белоруссии, а в 1903 году был сослан в Карелию за участие в крестьянском восстании. В 1938 году была зафиксирована сказка «О Светлане» от 79-летнего жителя д. Рагнозеро Пудожского района О. И. Дмитриева [2]. (Отметим, что сказочную традицию усвоил также его сын – Михаил Осипович, который в 1976 году рассказал собирателям «Сказку про жену Светлану» [5].) И, наконец, в 1939 году в Тамбовской области от 60-летнего Василия Ивановича Головашина была записана сказка «Об Иване-царевиче и Елене Прекрасной» [15; 66–71].

От лубочной редакции в этих текстах сохраняется усложнение эпизодами, связанными с Карачуном, который дважды в ходе повествования совершает похищение героини. В результате этого упоминаемые сказки оказываются двухходовыми. Текстологический анализ названных вариантов может быть предметом отдельного исследования.

Итак, четыре из пяти текстов были записаны примерно в одно время (конец 1930-х годов) на удаленных друг от друга территориях. Все они восходят к одному лубочному источнику. Причем лишь Ф. С. Смирнов сам читал издание, а Ф. П. Господарев, О. И. Дмитриев и В. И. Головашин были неграмотными. Эти носители фольклора способствовали тому, что сказка, напечатанная на страницах книги, продолжила свое существование в устной традиции.

И другие варианты, записанные от Филиппа Семеновича, имеют литературные источники. Так, сказка «Солдат Антипка» чрезвычайно напоминает «Огниво» Ганса Христиана Андерсена, а «Марцимерис» «является изложением какой-то книжной повести» [9; 254]. В тексте «Гостиный двор» наблюдаются переклички с начальным эпизодом «Сказки о Царе Салтане» и поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина.

В то же время в репертуаре Ф. С. Смирнова есть и собственно фольклорные варианты. Установить это достаточно сложно, ведь «в лубочных редакциях к началу XIX века существовало более 40 сюжетов» [10; 45], многие из которых представлены у Филиппа Семеновича.

Безусловно, проблема источников сказок Ф. С. Смирнова требует специального рассмотрения.

В завершение необходимо отметить, что сказки Ф. С. Смирнова правомерно относить одновременно как к русскому, так и к вепсскому фольклору, ведь, по словам Г. Е. Власьева, он одинаково хорошо рассказывал их и по-русски, и по-вепсски. Вообще же многие мастера-сказочники формировались именно в двуязычной среде. Так, М. М. Коргуев жил в с. Кереть Лоухского района, где тесно переплелись русская и карельская традиции. Формирование репертуара Ф. П. Господарева происходило в Белоруссии; переехав в Карелию, он усвоил и севернорусские сказки. Фольклорное наследие Ф. С. Смирнова, в свою очередь, является примером тесного взаимодействия русской и вепсской сказочных традиций. Оно представляет большой научный интерес и заслуживает подробного изучения. Поэтому сборник Г. Е. Власьева должен быть переиздан с дополнением не вошедших в первое издание текстов, с исправлением редакторской правки, внесенной составителем, и с соблюдением всех современных принципов научного издания.

ИСТОЧНИКИ

1. Власьев Г. Е. Сказочник Смирнов Ф. С. и его сказки; Сказки Оятского района // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Ед. хр. 66. 26 л. 1939 г.
2. Макарьев С. А. Вепсский фольклор // НА КарНЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15. 294 л. 1935 г.

3. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 2. Ед. хр. 77. 1938 г.
4. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 62. Ед. хр. 3. 1937–1938 гг.
5. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 98. Ед. хр. 56. 1976 г.
6. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 115. Ед. хр. 26. 1936 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Башнин Ю. Н. Видный ученый [К 100-летнему юбилею Г. Е. Власьева] // Kodima. 2000. № 2 (83). С. 2.
8. Вепсские народные сказки: Сборник / Сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. На русском и вепсском языках. Петрозаводск: Карелия, 1996. 261 с.
9. Вепсские сказки / Под общ. ред. Н. П. Андреева; Зап. текстов, коммент. и примеч. Г. Е. Власьева. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1941. 260 с.
10. Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. Н. Новгород: КиТиздат, 1999. С. 111–130.
11. Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Дис. … канд. филол. наук / ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2006. 232 с.
12. Сказки Филиппа Павловича Господарева / Под общ. ред. М. К. Азадовского; Зап. текста, вступит. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1941. С. 218–232.
13. Строгальщикова З. И. Вепсы в XX веке // Kodima. 1999. № 6 (75). С. 2.
14. СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / [Л. Г. Бараг и др.]; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, 1979. 438 с.
15. Тамбовский фольклор / Ред. и предисл. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов: Тамбовская правда, 1941. С. 66–71.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **Философия** **2009**

УДК 165

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ
pivoev@karelia.ru

СЛОВО КАК СУБСТАНЦИЯ ДУХА

В статье рассматривается онтологический аспект слова как субстанционально-энергетического феномена сознания.
Ключевые слова: слово, субстанция, дух, энергия, сознание, значение, смысл

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, I; 1). В данной формуле слово приравнивается Богу. Существуют разные трактовки этого высказывания, поскольку не совсем ясно, в каком смысле слово может быть тождественно Богу. В греческом тексте употреблено слово λογος, которое означало «речь, вещее слово, доказательство, решение, постановление, мнение, сказка, основание, мнение» и др. [5; Т. 1; 1034]. Нередко Логос понимается как Христос, ибо именно Он нес людям Слово Божие. В Средние века по поводу категорий языка возник спор «номиналистов», «реалистов» и «концептуалистов». Первые (Уильям Оккам, Николай из Отрекура, Петр Ломбардский) утверждали, что «универсалии» (категории языка) имеют значение и ценность лишь как знаки, имена каких-либо предметов, вещей. Вторые же (Ланфранк, Ансельм Кентерберийский, Гильом из Шампо, Аделярд Батский) полагали, что они обладают сущностной энергией и представляют собой реальные, субстанциональные сущности. При этом ссылались на учение Платона об «идеях». Третьи, «концептуалисты» (Петр Абеляр, Иоанн Солсберийский), полагали, что существо универсалий – абстрактное представление, понятие, «концепт» [8]. Позднее, в XX веке, этот спор вновь возник в форме спора об «имяславии», восходящего к трактату Дионисия Ареопагита «О божественных именах». Непосредственным поводом для афонских споров об Имени Божием в 1912–1913 годах послужила книга схимонаха Иллариона «На горах Кавказа» о духовном опыте отшельника, о его мистических переживаниях во время молитвы. В русской традиции молитвенное призывание, произнесение Имени Божьего является одной из основ духовной жизни монаха. Опираясь на древних отцов и современных церковных авторов отцов Иоанна Кронштадтского и Игнатия Брянчанинова, Илларион пришел к заключению, что в «Имени Божием присутствует Сам Бог». Но в этой идее многие усмотрели ересь и обвинили автора в пантеизме. Православные монахи на Афоне разделились на две партии – *имяславцев* и *имяборцев*. Глава имяславцев иеросхимонах Антоний (Булатович) так сформулировал идеи движения: «Воистину Имя Божие есть словесное действие Божества»; «всякое Имя Божие, как истина Богооткровенная – есть Сам Бог, и Бог в них пребывает всем существом Своим, по неотделимости существа Его от действия Его» [1; 5]. Спор завершился осуждением «имяславия», но проблема получила развитие

© Пивоев В. М., 2009

в философском плане в работах А. Ф. Лосева («Философия имени»), С. Н. Булгакова («Философия имени») и П. А. Флоренского («Имена. Метафизика имен в историческом освещении», «Имяславие как философская предпосылка»).

Слово «субстанция» (*лат.* substantia – сущность, существо, суть) – существо, сущностная основа, обладающая самостоятельным существованием, субстрат, материал и форма чего-либо [6; 969]. Обычно возводят начало осмысления субстанции к Аристотелю, но, строго говоря, Аристотель таким термином не пользовался, он писал о сущности (οὐσία – «усия»). У греков термина «субстанция» вообще не было, близким по смыслу было слово υπόστᾶσις – «основа, сущность, основание» [5; Т. 2; 1698]. Неоплатоник Порфирий во «Введении к категориям Аристотеля» уже употребляет вместо аристотелевской «усии» слово «субстанция». Под субстанцией обычно понимают некую реальную основу, какой-то «материал», из которого выполнен объект, хотя нередко имеют в виду оформленность материала.

Формулировка названия нашей работы возникла у нас под влиянием книги О. Шпенглера «Закат Европы», где есть размышления о субстанциональной сущности слова [13; 252–257]. Правда, он не говорит о качественной стороне слова как субстанции. Но это уже наша проблема.

Действительно, в слове объективируется дух, в том числе Дух Божий: Слово, несущее божественную энергию, воплощает свет и добро, милосердие и любовь. Но что такое «дух»?

Вильгельм фон Гумбольдт, пытаясь определить «дух человечества», писал: «…идея человечности есть не что иное, как живая сила духа, который ее одушевляет, через нее выражается, в ней деятельно и активно проявляется» [4; 343]. Далее он обнаруживает различные аспекты духа: 1) нечто чувственное (воспринимаемое иногда обонянием); 2) душа, или чистый дух; 3) дух как привидение; 4) дух как энергия; 5) естественное в противоположность механическому; 6) характерность; 7) способность наполнить живой силой воображения; 8) подлинная сущность [4; 344]. По нашему убеждению, в основе духа лежит вера.

Задача данной статьи – обозначить важнейшие измерения слова как субстанции духа:

Во-первых, слово как имя и название задает шаблон восприятия и понимания мира и вещей. Американский филолог Э. Сепир писал: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном… в значительной мере они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. <…> Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [10; 261]. Немецкий экзистенциалист М. Хайдеггер назвал язык «домом бытия»: «В жилище языка обитает человек» [12; 192]. Все, что важно для общества, для людей, должно быть обозначено словом; если что-то словом не обозначено, того как бы нет. Все, что оформлено словом и прошло через зрительное восприятие, осознается легче, остальное осознается с трудом. Вот почему слово рассматривается как форма сознания.

По определению Г. Г. Шпета, язык есть «орган внутреннего бытия и даже само это бытие, как оно постепенно достигает внутреннего сознания и своего обнаружения» [16; 11]. И далее: «Язык не столько проявление сознательного творчества, сколько непроизвольное истечение самого духа» [16; 11]. Конечно, отдельные языковые феномены создаются конкретными индивидами, но они приобретают статус общеязыковых явлений лишь в том случае, если общество принимает их в качестве достаточно ценных и важных для решения каких-то задач и начинает активно использовать их. «Язык есть как бы внешнее явление духа народов, – их язык есть их дух и их дух есть их язык» [16; 13]. Слова языка фиксируются в словарях. Вот что писал об этом С. Я. Маршак:

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.
На всех словах события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Во-вторых, слово, особенно устное, да еще ритмически организованное, обладает внушающей силой. По словам О. М. Фрейденберг, «мифологическое 'слово', основанное на образе тотема – нетотема и ритмически оформленное, воплощается в метафоре Логоса. Самый процесс говорения, произнесения слов (позже – пения и декламации) семантизируется очень своеобразно. Совершенно необходимо уяснить себе эту семантику архаических 'слов', логосов, и позабыть о значении нашего современного языкового слова. В тотемистическую эпоху космос представляется говорящим шумом ветра-воздуха, плеском воды, шелестом листьев и т. д. Произносимое слово – это живой тотем, живой

и конкретный, который рождается и рождает» [11; 77]. В исламе само чтение Корана, произнесение вслух священного текста (особенно нараспев) является благим делом, прикосновением к божественной сущности Аллаха. Среди мусульман подвигом благочестия считается выучивание Корана наизусть, в результате чего священная книга становится «плотью» и основой духа человека. Такое знание священных слов очищает, облагораживает человека. Точно так же и молитва любой религии, произносимая вслух, как показали исследования японского ученого Эмото Масару, оказывают гармонизирующее влияние на человека и его взаимодействие с космосом. Японцы верят в душу слова, имея в виду в первую очередь слова молитвы-норито.

Слово может быть законом и приказом. Поэт В. Шефнер в стихотворении «Слова» говорит:

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить...

Русский философ П. Я. Чаадаева писал о слове: «*Слово!* – А что такое Слово? – Смотрите на кормщика; – среди подводных камней он правит верно кораблем своим, по воле своей вертит им, как простым куском дерева, плавающим на поверхности вод: от времени до времени повторяет он несколько слов, и они-то производят это чудо. – Взгляните на поле сражения: сотни полков подвиглись, в одно время вдруг бросаются они на неприятеля – одно мановение, одно слово начальника тому причиною. – Вот слабое подобие глагола могущего, который яснее и звонче всякого человеческого голоса в ограниченном пространстве раздается в беспредельности вселенной, – и этот глагол есть слово. – *Слово* есть действующая сила речи, глагол творящий» [13; 164]. По словам А. Ф. Лосева, «слово – энергия мысли и осмысляющая сила» [7; 831]. В иранской религии зороастризма три верховные божества воплощали «мысль», «слово» и «дело», причем главным было именно слово (слово правды, слово закона, слово правителя). Суть ученичества пророка Заратуштры у верховного бога Ахурамазды заключается в том, чтобы овладеть *словом*. В одной из «гат» (песен) «Авесты» звучит проповедь: «Провозглашаю слова, которые да не будут услышаны приверженцами лжи [Друдж], но пусть будут восприняты последователями Мазды... Не слушайте заклинаний приверженцев лжи... Слушайте жреца истинных слов, того, кто способен подтвердить истинность слов, которые произнесут его уста в ту пору, когда будет происходить последний суд посредством злого пламени». Причем особую силу эти слова приобретают также благодаря размеренности, ритмичности.

В-третьих, слово выражает энергию духа, организующую мир и отношения людей. Об этом хорошо сказала О. М. Фрейденберг, тонкий знаток мифологических основ культуры: «Первичная речь, созданная образным мышлением, не могла иметь причинно-следственного построения понятийной речи. Ее первичный костяк чисто ритмический, состоящий из повышения и понижения голоса, в такт с поднятием и опусканием ног (и рук, т. е. в такт с ходьбой или остановкой). Так, двучленная конструкция делается основой всякого первоначального предложения. Главный закон, действующий в этом примитивном языке, заключается в том, что звучание, произнесение слова отождествляется с его содержанием; иначе, что фонема и ее значимость совершенно равны. На основе этого закона первобытная речь так строит свое двучленное предложенье, что полярность тотема – нетотема выражается следующими формами: фраза делится на две части, положительную и отрицательную; фонетически это звуковое сходство при одновременном расхождении дает внутреннюю рифму, которая связывает обе части предложения. Вначале не только язык, а каждая отдельная фраза представляет собой систему, в которой все слова значат одно и то же, повторяют друг друга и семантически, и фонетически, и ритмически. Вот почему в примитивном языке так много повторений, повторов, однообразия звуков, бесконечного выкрикивания одних и тех же восклицаний и звуковых комплексов. По содержанию эти все звучания, восклицания, выкрики означают имя тотема. Эти называния возрождают его, воссоздают его, репродуцируют в звуках весь комплекс образов о тотеме. Греческие хоровые песни, как и римская архаическая речь, полны этих призывов (инвокаций) божества, называний его, повторений его имени» [11; 74–75]. Во многих мифологических и религиозных традициях произнесение имени бога «всуе», то есть в обыденной ситуации, запрещено, это допустимо лишь во время обряда и только посвященным жрецам, колдунам доверены имена Бога. В иудейской Каббале магия имен Божиих является важнейшей субстанциальной основой. Но слово может нести и темную энергию. Современные психологи разработали методики и приемы нейролингвистического программирования, эриксоновского гипноза, суггестивной лингвистики и фоносемантики, манипулирования сознанием людей, что в прежние времена называли наведением порчи и сглаза.

В-четвертых, слово выражает значение и смысл. «Слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. <…> …Язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества…» [3; 103]. Внутренняя форма слова определяется смыслом, который в слове выражен, а смысл заключается в связи с потребностями человека.

В-пятых, в слове обнаруживают: 1) содержательную сторону, связанную с выражением потребности, мотивации и интереса, а также объективной ценности как способности и средства удовлетворения потребности; 2) формальную (фономорфологическую) сторону, включающую в себя звуковую, графическую и внутреннюю сущностную аксиологическую форму [16; 141]. Именно последняя, как полагал вслед за В. фон Гумбольдтом Г. Г. Шпет, способна раскрыть подлинный смысл слова. Он предлагал различать «слово-образ» и «слово-термин», при этом второе стремится к «прямому выражению» содержания, смысла объекта, обозначенного словом. В отличие от этого, «*слово-образ* отмечает признак вещи, “случайно” бросающийся в глаза, по творческому воображению» [15; 444].

В-шестых, субстанция слова – это ценностный смысл, энергия и информация, энергоинформационная субстанция. Как замечает американский психолог и лингвист С. Пинкер, слово обладает волшебной способностью создавать к голове другого человека почти такой же образ, который возникает в его собственной голове, и помогает испытать чувства, подобные тем, которые испытывает он [9; 8].

Смыслом слова является отношение того предмета или явления, которое этим словом обозначается, к потребностям людей, способность или возможность успешно удовлетворять какие-либо потребности. Если какие-то предметы не способны удовлетворять человеческие потребности, то они не имеют смысла. Смысл всегда имеет отношение к субъекту. Но субъекты бывают разные: 1) моносубъект, субъект-индивид, человек, обладающий потребностями и знанием о тех средствах, которые эти потребности могут удовлетворять; 2) полисубъект, группа, включающая в себя много индивидов, образующая некое единство этих людей с общими интересами, являющимися источниками смыслов.

В-седьмых, «слово есть жизнь», особенно если это доброе слово и добрая слава. «Слава есть неумирающее, вечно живое слово, бессмертие. Слава непременно словесна. По Гомеру, она сама – живое существо, муза, богиня; слава доходит до неба; первоначально она ходит, идет в небо, она сама живет в небе, она – небо. Образ 'славы' играет огромную роль в греческой поэзии. Пиндар говорит, что только одна слава дает истинное бессмертие, что она одна не меркнет никогда, а ее приносит песнь о подвигах. И люди начинают дорожить славой, и домогаться ее, и не жалеть ради нее жизни» [11; 79]. Но слово может быть и недобрым. Есть немало людей, которые из зависти, из корысти говорят недобрые, клеветнические слова, злоупотребляют критическим пафосом. По поводу критики хорошо сказал российский историк и философ Л. П. Красавин: критицизм есть признак незрелого ума и ученичества, зрелый ум проявляется в конструктивных, новых идеях. Критиковать легко, это может любой дурак, а вот придумать нечто более интересное и новое может не каждый.

В-восьмых, слово есть мысль. Именно слово выступает в роли наиболее успешной формы выражения мысли, слово оформляет и онтологизирует мысль, придает ей адекватное и удобное для понимания другими людьми воплощение. Одной из важнейших задач диалога, как замечал М. М. Бахтин, является самосознание с помощью собеседника как зеркала, глядя в которое как в «чужое сознание» говорящий находит наилучшие слова для выражения своей мысли, тем самым лучше понимает себя, осознает свои интересы и стремления.

В-девятых, слово письменное, как полагали древние греки, было лишь потенциальным словом, полноценное слово – звучащее, ибо именно оно наполняется субстанциальной энергией духа. Энтелехия (по термину Аристотеля), то есть актуализация слова, происходит в произнесении, озвучивании слов, при этом субъект речи (слова) пробуждает и наполняет его смыслом и субстанциальной энергией своего и божественного духа. Именно устная, особенно ритмичная речь нараспев оказывает на слушающих наибольшее впечатление и пробуждает в них энтузиазм, заражает и вдохновляет их божественной энергией созидания и надежды. «Надежда доставляет нам большое удовольствие, но то удовольствие столь интенсивно потому, что будущее, которым мы располагаем по нашему желанию, представляется нам в одно и то же время во множестве форм, одинаково заманчивых и одинаково возможных. Если осуществится даже наиболее желанное из них, то это будет куплено ценой утраты других, ценой больших потерь. Идея будущего, богатого бесконечными возможностями, плодовитее самого будущего. Вот почему в надежде больше прелести, чем в обладании, во сне – чем в реальности» [2; 679].

Названные аспекты помогают осмыслить одну из важных сторон духовной субстанции, изучение которой является актуальной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоний (Булатович). Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус. М., 1913.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

5. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1978. 1096 с.
7. Лосев А. Ф. Вещь и имя // Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 802–880.
8. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Петра Абеляра. М.: Гнозис, 1994. 424 с.
9. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
10. Сепир Э. С. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993. 656 с.
11. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 800 с.
12. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
13. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.
15. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345–472.
16. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006. 216 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **Философия** **2009**

УДК (091) 130.2

ЛИЛИЯ ИВАНОВНА КАБАНОВА
кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии ПетрГУ
lila31@yandex.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РУССКОГО АВАНГАРДА

В статье автор обращается к одному из самых неоднозначных феноменов в истории русской культуры. Выявляются основные экзистенциальные особенности авангарда и исследуются причины их появления.

Ключевые слова: русский авангард, кризис культуры, экзистенциальный кризис

Период времени в истории русской культуры, когда возникла и получила всестороннее развитие и распространение идея авангардной культуры, достаточно хорошо и полно изучен на сегодняшний день. Однако многочисленные исследования по русскому авангарду, особенно те, что обращены к художественной стороне дела, не снимают остроты интереса к теме, но показывают, что остается еще достаточное количество вопросов, требующих своего осмысления. В плане углубления процесса изучения авангардной культуры важен, на наш взгляд, не только искусствоведческий, но и философский ракурс видения данного явления. Отталкиваясь от понимания философии как рефлексии над основаниями культуры, мы попытаемся эксплицировать те мировоззренческие темы, которые свернуты в авангардной культуре, постараемся раскрыть тот способ бытия человека в мире, который символизирует отечественная авангардная культура. Рабочим материалом для нас станет творчество и теоретические исследования представителей авангардной культуры: будетлян, чинарей, художников-авангардистов.

Первое, что обращает на себя внимание в оптике философского видения авангардной культуры, – это общий культурный фон эпохи конца XIX – начала XX века, а равно и восприятие этого культурного фона его представителями. Русские мыслители – П. Флоренский, Н. Бердяев, Е. Трубецкой, С. Франк и другие – отмечают в качестве довлеющей черты современности кризис культуры, отражающийся на духовном, нравственном и экзистенциальном состоянии человека (тема опустошенности, бездуховности, безнравственности, равнодушия, экзистенциальной уязвимости, потери смысла). Е. Трубецкой признается в предисловии к книге «Смысл жизни», что поводом для ее написания стали «мучительные переживания мировой бессмыслицы» [12; 4]. Говоря о мировой бессмыслице, автор подразумевает катастрофы, постигшие Россию в первые десятилетия XX столетия, но в не меньшей степени *катастрофизм сознания*, более опасный, чем внешние катастрофические события. Другой русский философ С. Франк в своем стремлении распознать и описать особенности современной культуры использует метафорический образ «тьмы», нависшей над миром, и характеризует это духовное затемнение как «кризис веры в человека или кризис гуманизма» [13; 40]. На наш взгляд, одну из самых

© Кабанова Л. И., 2009

исчерпывающих характеристик переходной эпохи дает Н. Бердяев. Время «русского культурного ренессанса» в его терминологии характеризуется как период расцвета творческого потенциала и одновременного появления предчувствия неминуемой гибели: «В эти годы России было послано много даров, появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и с надеждой на преображение жизни» [1; 139–140]. Поэты видели не только грядущие зори, но что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир; религиозные философы проникались апокалипсическими настроениями. Пророчества о близящемся конце мира, может быть, реально означали не приближение конца мира, а приближение конца старой, императорской России. «Наш культурный ренессанс, – пишет Бердяев, – произошел в предреволюционную эпоху, в атмосфере надвигающейся огромной войны и огромной революции. Ничего устойчивого более не было. Исторические тела расплавились. Не только Россия, но и весь мир переходил в жидкое состояние» [1; 140]. Основным из свидетельств русских философов может стать вывод о том, что кризис культуры в первую очередь отражается на самом человеке, перерастая в экзистенциальный кризис. Полагаем, что именно отражение этого кризиса человека мы и находим в культуре авангарда. Попытаемся проиллюстрировать данное утверждение. Рассмотрим следующие аспекты: экзистенциальное настроение «осколочности» (то есть неполноты, потери чувства целостности, отрыв от мира) и поиск смысловых ориентиров в русском авангарде.

Начнем с высказывания, весьма характерного для эпохи: «…потеря благополучия, отрыв от мира, это коренится очень глубоко. Все горизонты, предохранявшие человека, исчезли. С ними исчезло и чувство связи с миром, право на место и внимание в нем, чувство близости мира и важности событий, в нем происходящих. Большинству людей сейчас страшно и неуютно» [7; 227]. Оно принадлежит Л. Липавскому и отражает, на наш взгляд, основное настроение кризисной эпохи. Автор пишет о чувстве мира как своего дома, своей семьи – близкой когда-то, но утерянной, исчезнувшей, утраченной. В мире стало страшно и неуютно. Безропотное отчаяние говорит об опасном положении современного человека, когда под угрозой находится его укорененность в мире. В ситуации беспочвенности доминирующим становится настроение «осколочности»[1], неполноты, лишенности, уязвимости, обнаружения в данном бытии глубокого следа излома. Онтологические основания подобного настроения были подмечены М. Бланшо. Размышляя о современной живописи, он заметил, что «от того, насколько мы способны принимать вещь как таковую, зависит наше упование выразить себя через нее: надломленные существа находят для себя лучшее соответствие в обломках и кусках» [2; 153–154]. Чувство надломленности и осколочности прорывается из манифестов и теоретических работ авангардистов[2].

В продолжение темы обратимся к проблематике поиска смысла, которая, по-видимому, стала закономерным следствием настроения осколочности в культуре авангарда. Тема смысла тесно сопряжена здесь с констатацией бессмыслицы и очерчивает предельные контуры философствования представителей авангарда (В. Хлебников, А. Крученых, Д. Хармс, Я. Друскин, Л. Липавский, А. Введенский и др.). Следует отметить, что они не были одиноки в решении этой проблемы, ибо ею была захвачена и русская философская мысль[3]. Однако, в отличие от опыта русской философской мысли, поиск смысловых ориентиров в авангардизме осуществляется через отказ от экспликации каких бы то ни было смысловых коннотаций, а то и вовсе через демонстрацию художественных приемов по уничтожению смысла (заумная поэзия, сдвигология стиха, беспредметность, уход от сюжетной линии повествования). Вероятно, целью подобных нововведений и приемов, своеобразных «машин» по уничтожению смысла, является не что иное, как все тот же поиск смысла, ибо «цель – это поиск смысла, в то время как способы постигнуть этот смысл могут быть совершенно разными» [3; 16]. Одним из примеров, подтверждающих сказанное, является творчество будетлян (А. Крученых, В. Хлебников, Д. Бурлюк). Поиск смысла осуществляется ими в форме ухода от предустановленных культурных и, в случае с будетлянами, лингвистических норм и правил. В своей программной статье «Декларация слова как такового» они заявляют, что «новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот» [6; 18]. Новая словесная форма – это часто только бессмысленное для постороннего уха сочетание звуков, гласных и согласных. Крученых использует термин «сдвиг», который, с одной стороны, свидетельствует о процессе искусственной деформации языка, а с другой – является необходимой ступенью в деле обретения смысла, который не может быть ни доступен, ни понят в готовом уже виде, но требует постоянного возобновления усилия и работы по его нахождению. В деле создания нового «вселенского» языка будетляне отстаивают свое право на понимание значения звука: согласные во «вселенском» языке отвечают за «быт», а гласные – за бытие. Борьба с бытом, его преодоление в опыте творчества становятся важной процедурой приобщения к эстетике авангардизма. Тема быта и бытия нашла продолжение в творчестве Хлебникова. Развиваемая им идея словотворчества рождается из противостояния быту (культуре) как компиляции устойчивых сознательных реакций. В работе «Наша основа» он замечает, что «слово делится на чистое и на бытовое, какое-нибудь одно бытовое значение слова так же

закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи, отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение Земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки» [15; 233]. Освобождению от быта может служить сдвиг, скажем, любая оплошность, описка, оговорка, опечатка: «…такая опечатка вдруг дает смысл целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема как желанная помощь художнику» [15; 233]. (Например, чудо и чудеса дает слова худеса, времеса, судеса, инеса; праздник – мраздник и т. д.).

Интерес к теме быта и бытия нарастает в позднем авангарде, примером тому служит творчество чинарей и ОБЭРИУтов. Они наделяют статусом бессмысленного бытовое пространство человека. В 1920-е годы Д. Хармс и его близкий друг А. Введенский, у которого никогда не было своего угла, где бы он мог спокойно работать, декларируют безбытность как единственно возможный способ существования в мире. В рассказе Хармса «Утро» экзистенциальная история совмещения плана быта (отсутствие сигарет и денег, голод, необходимость найти деньги на обед, люди, толкущиеся без толку по Невскому, хамство, ругань: «…толкнув нечайно друг друга, они не говорят “простите”, а кричат друг другу бранные слова, все говорят друг другу ты» [14; 308–309]; их атмосфера – теплый вонючий воздух, они вываливаются из трамвая прямо под колеса) и бытия (жизнь сознания, не текущая параллельно со временем) текст, желание написать то, что еще не написано и не сказано; ожидание чуда:

«Я просил у Бога о каком-то чуде.

Да, да, надо чудо. Все равно, какое чудо.

Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему.

Да ничего и не должно было измениться в моей комнате.

Должно было измениться что-то во мне» [14; 309].

В творчестве Хармса быт и бытие, словно два полюса сущностного каркаса мира, вмещающего в себя все возможные оттенки грусти, отчаяния, надежды, с одной стороны, и с другой – потребности творчества, которое при условии выпадания из привычной организации жизни становится единственной скрепляющей нитью с самим собой. Стараниями человека по обретению себя самого выстраивается определенная граница между самым близким и тем, что не связано с интимным способом бытия. Оттого все внешнее как-то завуалировано внутренним, экзистенциальным устремлением, оно, это внешнее, интериоризируется, переводится на особый язык сознания. Чтобы не потерять себя и свое слово в исчезающей реальности, слово должно быть произнесено или помыслено, оно должно *быть*, случиться в мире, тогда *и* только тогда слово, как и поступок, обретает возможность вплетения в онтологическое ожерелье мира. Весь смысл творчества понимается как возможность сказать слово исходя из своей исключительной метафизической позиции, означающей одновременно и территорию личной свободы. Хармс размышляет о траекториях жизненного пути: быт, безбытность и бытие. Человек не может жить в сопряжении их, попадая в какую-либо одну, доопределяя или теряя себя. В культуре всегда имеется больше или меньше места для каждой из них. Неевклидова культур-геометрия. Больше или меньше – условность. Путь бытия не затрагивает истечение времени в песочных часах мира. Путь бытия не покоится на культурном поле. Он это поле формирует, находясь вне топоса чего бы то ни было, существующего по причине иного, другого, и потому его соотносят с логосом, мыслью, богом, огнем, числом, благом, душой. Путь бытия – это путь философии и заблудившегося, одинокого путника, но это также и путь поэта.

В России начало века становится временем трудного сближения (и вновь отталкивания) бытовых и бытийных болевых точек в жизни людей. Возникает настроение метафизического томления, поиска бытийных основ мира на фоне невозможности их обретения в сложившейся системе культуры. Эта тема традиционно была и остается одной из самых напряженных в русской философии и литературе. Одновременно и независимо от влияния литературы и философии в авангардизме ключевыми становятся вечные и любимые темы русской классической литературы и философии, призванные как-то доопределять человека: жизнь, смерть, мир, Бог, время. В качестве примера обратимся к некоторым размышлениям чинарей о феномене времени[4]. Проблема времени является одной из самых актуальных для чинарей. Каталепсия времени, ощущение его бессвязности и раздробленности мира; время, понимаемое как несоответствие ритмов или как внутренний маятник человека, – это лишь немногие интуиции чинарей относительно проблемы времени. На что похоже время, спрашивает Л. Липавский, признавая всю странность этого вопроса. «Время единственно, всеобъемлюще, ничего подобного ему нет, мы находимся в нем, как в воздухе… Очевидно, есть какая-то коренная ошибка, от которой надо освободиться, чтобы понять время» [11; 253]. Понять, что такое время, – основная проблема человека на протяжении всей его истории. Самое главное в жизни одновременно оказывается самым простым и одновременно неизвестным, точно так же, как тысячи лет назад. Во все времена человек принимал время, пространство, предметность мира за что-то само собою разумеющееся. Однако интерес к этому не утихает и является отличительным признаком

человека: «…мы хотим распутать время, зная, что вместе с ним распутывается и весь мир, и мы сами. Потому что мир не плавает по времени, а состоит из него» [11; 253]. Липавский продумывает символы времени, такие как колесо, свеча, волна. Можно представить, пишет он, что в летаргическом мире появится один-единственный изменчивый элемент, например точильщик со своим вращающимся колесом. Этот единственный изменчивый элемент пересилит всемирный сон. С его появлением в мире появится время, отсчитываемое оборотом колеса. Стоит остановить колесо, и время исчезнет. Так время приобретает почти физически ощутимую поверхность несоответствия ритмов или волн: волны человека и волны мира. Когда волна человека совпадает с волной мира, наступает то, что чинари назовут промежутком или вечностью. Здесь, в этих промежутках, возникает страх и ужас. Факт появления подобных размышлений говорит о стремлении любым путем отыскать себя и свое время в жестком водовороте истории, избежать промежуточных состояний, в которых время останавливается. Основополагающим в этом мучительном поиске является представление о том, что «время само по себе есть непосредственное *имение себя*» [11; 484–485]. Способность к обладанию позволяет четче осознавать свое присутствие в мире, развенчивает разного рода самообманы и видимости. Обретение своего времени, своей самости – это определенный и чрезвычайно важный акт, означающий, что время каким-то образом состоялось. В новоевропейской философии начиная с Декарта под таким состоявшимся временем подразумевается акт мысли, поступок, событие. Когда нет событий, тогда и нет времени, наступает пауза, промежуток, вечность, смерть. Летаргический мир – это мир безвременья. Событие должно состояться для того, чтобы не чувствовать пустоту времени. Если что-то и существует, то только здесь и сейчас. Понимание важности «здесь и сейчас», или «мига», означает, что в решающем и будущее определяющем смысле нельзя ждать добавления смыслов во времени. Во времени смыслы не добавляются. Между двумя мгновениями появляется несуществующее, невозможное, полное отсутствие, не зависящее от состояний человека, но скорее определяющее во многом эти состояния. Там, где не обнаруживаются события, возникает символ смерти: «Последний знак – смерть – непонятен. Он внушает ужас» [11; 506].

Суммируем сказанное и подведем некоторые итоги. Возникновение и распространение авангардной культуры приходится на судьбоносные, «переходные» для России времена, когда ситуация в недрах русской культуры переживалась как кризисная. Как мы постарались показать, эта тема кризиса культуры нашла отражение в русском авангарде (по крайней мере, в некоторых его явлениях) как тема экзистенциального кризиса. По сути, авангардизм представляет собой сознательную реакцию на кризисные явления в культуре, при которой не только признается и принимается голая поверхность безысходности культурных реалий, но и возникают состояния и навыки противостояния этим явлениям в опыте самостоятельной мысли. И, быть может, самое главное: авангард, на наш взгляд, воплощает опыт *парадоксальности* присутствия человека в мире, когда неполнота, кризис, осознание фундаментальной незавершенности действительности могут и должны стать позитивным фактором, заставляющим человека жить и творить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Одной из причин появления настроения «осколочности», по мнению М. С. Кагана, является утрата свойственной европейской классике цельности мышления, и теоретического, и художественного, сменившейся раздробленностью сознания, которое стало «“мозаичной”… хаотической суммой фрагментарных форм восприятия, познания и осмысления мира». На потерю целостного взгляда на мир большое влияние оказали способы и методы познания мира: «…дробление сознания находило опору в процессах, протекавших в научном познании мира, которое полностью подчинилось зародившейся еще в 19 веке тенденции саморасщепления на все более и более узкие дисциплины, в результате в 20 веке оказалась разрушенной целостность общей картины мира. <…> Авторитет научного мышления, обеспеченный ему научно-техническим прогрессом, приводил к убеждению, что таков общий и непреодолимый закон познания человеком мира, обреченного на раздробленно-фрагментарное его восприятие» (см.: [4; 376]).

[2] П. Мансуров пишет, например: «Долой религию, семью, эстетику и философию» (см.: [9; 40]). Продолжает эту тему Кандинский: «Наша душа… таит в себе зародыш отчаяния – следствие бессмысленности и бесцельности» (см.: [5; 24]).

[3] В начале XX столетия русские философы, выражающие самые разные философские привязанности, выдвигают на первый план проблему смысла: смысла жизни, смысла истории, смысла любви и т. д. Интерес к теме был определен русской метафизической мыслью, в частности философией Вл. Соловьева и его учением о всеединстве. В последующем Е. Трубецкой, опираясь на учение Соловьева о всеединстве, раскрывает значение слова «смысл». Он поясняет, что смысл – это безусловная, общезначимая мысль, которая носит всеобщий и необходимый характер и потому является истинной. Философ наделяет смысл онтологическими качествами: он обладает свойствами необходимости и всеобщности, неизменен и неподвижен, сверхвременен, всегда облечен в форму вечности и постигается (о-сознается) только в сознании человека (см.: [12; 12]).

[4] Тема времени играет важнейшую роль и в других художественно-теоретических построениях авангарда. Примечательными в связи с этим видятся размышления самих представителей авангарда. Художник М. Матюшин, один из создателей ГИНХУКа, в своей теории расширенного видения пишет о необходимости одновременного схватывания разного времени предмета (см.: [10; 160]). К Малевичу восходит замечание о «разнообразных формах времени» (см.: [8; 167]). Актуальной в творчестве становится тема внутреннего и внешнего постижения времени, а также преодоления времени или его обуздания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 398 с.
2. Бланшо М. Пространство литературы: Пер. с франц. М.: Логос, 2002. 288 с.
3. Жаккар Ж.-Ф. Хармс и конец русского авангарда. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 357–378.
5. Кандинский В. В. О духовном в искусстве // Кандинский В. В. Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука, 2001. С. 23–141.
6. Крученых А. Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. С. Р. Красицкого. СПб.: Литературный проект, 2001. 480 с.
7. Липавский Л. Разговоры // «…Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. / Сост. В. Н. Сажин. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 174–254.
8. Малевич К. О новых системах в искусстве // Малевич К. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. Собр. соч.: в 5 т. М.: Гилея, 1995. Т. 1. С. 153–184.
9. Мансуров П. Декларации. Манифесты. Переписка // Мансуров П. Петроградский авангард. СПб.: Государственный Русский музей, 1995. С. 40–60.
10. Матюшин М. Опыт художника новой меры // К истории русского авангарда. Стокгольм: Hylaea, 1972. С. 159–187.
11. «…Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. / Сост. В. Н. Сажин. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. 846 с.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни М.: Республика, 1994. 432 с.
13. Франк С. Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. 256 с.
14. Хармс Д. Утро // Хармс Д. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 308–309.
15. Хлебников В. Наша основа // Стихи, записные книжки, письма, дневники. Собрание произведений Велимира Хлебникова / Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. Т. 5. С. 228–243.

Май, № 6 **Философия** **2009**

УДК 37.013.73

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛКОВА
кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры философии ПетрГУ
svetavolkov@ya.ru

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ КАТЕГОРИИ «СМЫСЛ»

Статья посвящена анализу одной из самых главных категорий современной философии, психологии и педагогики – смыслу. Исследование природы смысла, его сущностных характеристик приводит автора к выводу о том, что имплантация идеи смысла в теорию и практику образования во многом отвечает задачам гуманизации образования.

Ключевые слова: философия, смысл, субъект, личность, знание, образование

В силу того, что мы находимся в мире, мы приговорены к смыслам.
М. Мерло-Понти

По признанию многих современных философов, педагогов, психологов, ощущение смыслоутраты можно считать одной из отличительных черт современности. Как справедливо заметил один из самых известных теоретиков современной культуры Ж. Бодрийяр, «мы живем во Вселенной, где все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [19; 95]. Данное обстоятельство не в последнюю очередь относится и к сфере образования. Образование, которое по сути своей обращено непосредственно к человеку, принимает сегодня все более отчужденный характер. Сказанное означает, что образование все чаще рассматривается сугубо с утилитарной точки зрения – в качестве приобретения знаний, умений, необходимых для овладения определенными технологиями, выполнения узкопрофессиональных функций. Это во-первых. А во-вторых, та лавина усложняющихся знаний, которая обрушивается на головы учащихся, выступает для самих учащихся как знания формальные, скорее общепринятые, чем имеющие непосредственное отношение к их собственной деятельности, что неизбежно приводит к отчуждению учащихся от учебной деятельности, ее предметного содержания.

Между тем, как отмечают исследователи, для того чтобы любая форма человеческой деятельности, в том числе и учебной, не становилась человеку чуждой, противостоящей ему силой, она должна быть не насильно усвоенной учащимися, а добровольно и свободно построенной. Ученики должны иметь возможность свободно подняться над пространством доступных ему видов деятельности, найти себя в материале, *построить* новую деятельность. «Тогда она, – по словам В. П. Зинченко, – не будет угнетать его (т. е. ученика), а он сам будет господствовать над ней» [4; 23].

Не оставляя данные соображения без внимания, мы вынуждены констатировать, что современный человек нуждается не в привычном об-

© Волкова С. В., 2009

разовании своей личности посредством научения, то есть передачи знаний, но в образовании, которое предоставляет возможность обретения каждым учащимся *смысла* своего учения и жизни. Именно опыт приобщения к полю смыслов, опыт, возрождаемый в каждой личности как переживаемый и понимаемый смысл, является, по оценкам многих исследователей, истоком образования (Л. Буева, В. П. Зинченко, И. А. Колесникова, Л. М. Лузина, М. К. Мамардашвили, Ф. Т. Михайлов, Ю. В. Сенько и др.).

Очевидно, что в данных условиях категория смысла не может более оставаться в тени, но должна выйти на передний план и стать предметом рассмотрения не только в философии и психологии, но и в педагогических исследованиях. Ниже нами будет рассмотрено понятие смысла в его философско-психологических аспектах, а также роль и значение этого понятия для образования.

Проблема смысла исследовалась в различных философских направлениях. Однако наиболее значительный вклад в исследование данной проблемы внесла феноменология – одно из крупнейших направлений философии XX века. С точки зрения Э. Гуссерля – родоначальника феноменологической философии, мир, который нам дан, существует в виде некоторой реальности исключительно в человеческом оформлении, поскольку другого мира, мира без человека, нам не дано. Принципиальность этого положения, по мнению немецкого философа, состоит в том, что с самим фактом существования человеческой субъективности в мир пришла совершенно специфическая – смысловая – реальность. Для того чтобы детальнее представить себе сущностную роль смысла в мире, рассмотрим подробнее процесс конституирования смысла, каким он видится Гуссерлем.

Одним из центральных положений феноменологической философии является утверждение о данности мира человеку только через феномены сознания. В одной из своих работ Э. Гуссерль пишет: «Неопределенно общий смысл мира и определенный смысл его компонентов есть нечто, что мы сознаем в процессе восприятия, представления, мышления, оценки жизни, то есть нечто “конституированное” в том или ином субъективном генезисе» [7; 17]. Источником, приписывающим смысл вещам, согласно Э. Гуссерлю, является сознание. Именно благодаря первичной деятельности сознания, осуществляющей спонтанную первоначальную организацию восприятий, «впервые получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек» [6; 10]. Сознание, таким образом, выступает единственным полем придания смысла, а человек как носитель сознания является той первичной основой, в которой «рождаются» изначальные смыслы всех форм человеческой деятельности. Таким образом, всякая смысловая определенность предмета в феноменологической установке трактуется не как присущая предмету самому по себе, а как результат деятельности субъекта, и эта деятельность есть «последний источник всякого значимого смысла». Каждый смысл, по Гуссерлю, «интенционально содержится во внутренней сфере нашей собственной испытывающей, мыслящей, оценивающей жизни и формируется в нашем субъективном генезисе сознания» [8; 10]. Основой для такого рода трактовки смысла стало представление об интенциональном строении сознания.

Введение Гуссерлем понятия интенциональности, трактуемого им как направленность на тот или иной предмет, позволило философу преодолеть разорванность субъекта и объекта, характерную для рационалистической традиции. По мнению Э. Гуссерля, интенциональное отношение есть акт придания смысла, или значения, предмету. С феноменологической точки зрения это означает, что активное в своей основе сознание снабжает аморфную и бессвязную совокупность ощущений неким устойчивым единством, называемым смыслом, или значением. Гуссерль, таким образом, подчеркивает, что смысл еще и акт, он динамичен. И именно в этой связи философ говорит об интенциональном (смысловом) акте, подчеркивая факт утверждения, полагания, установления, наконец, конструирования смысла, а не его автоматическое присутствие в слове или сознании индивида. В итоге Гуссерль формулирует принцип познания как личной задачи: «Я не могу познавать в опыте, оценивать такой мир, который не имеет смысла и значимости во мне самом и из меня самого» [9; 78].

Усилиями последователей Э. Гуссерля была дана расширенная трактовка смысла. Так, М. Хайдеггер, с одной стороны, солидаризируется с Гуссерлем в том, что смысл не является свойством сущего, а устанавливается с участием человека. Сам смысл трактуется Хайдеггером как «то, в чем пребывает понятливость чего-либо», а соответственно, тот способ, каким человек присутствует в мире, определяется им как понимание. Но, с другой стороны, Хайдеггер объявляет истинно первым способом осмысления мира не интенциональность как акт придания смысла, а «заботу» [17; 67–68]. Согласно М. Хайдеггеру, смысл, хотя и является продуктом духовной деятельности субъекта, тем не менее не относится к его внутреннему обладанию; смысл постоянно рассеивается и потому подлежит непрерывно возобновляемому усилию быть раскрываемым и осуществляемым заново. В отличие от интенциональности, придающей вещам «смысловое единство», забота открывает вещи в их открытости смысловой незавершенности и бесконечного доопределения смысла[1].

Продолжающий традиции феноменологической философии М. Мерло-Понти, подобно М. Хайдеггеру, также подвергает понятие ин-

тенциональности радикальному пересмотру, что влечет за собой появление нового, отличного от гуссерлианского понимания смысла. В противоположность Гуссерлю, смысл, согласно Мерло-Понти, конституируется в некотором никогда не завершенном и никогда до конца не определенном опыте. Овладение смыслом, по словам Мерло-Понти, никогда «не может завершиться интеллектуальным овладением ноэмой» [13; 149]. В этом отношении понимание смысла французским автором во многом сходно со взглядами Хайдеггера. Согласно Мерло-Понти, не только мыслительные или чувственные способности, но само «тело» познающего субъекта как нечто единое участвует в придании смысла целому универсуму и является средством его понимания. Таким образом, в конституировании смысла участвует не только сознание, но и вся аффективно-смысловая сфера субъекта.

Интересную интерпретацию смысла мы находим у представителей постструктуралистской философии, и в частности у Ж. Делеза. Несмотря на то влияние, которое оказала феноменология на становление взглядов французского философа, свою собственную концепцию смысла Ж. Делез выстраивает на основе критики Э. Гуссерля. Так, в работе «Логика смысла» французский автор вслед за Мерло-Понти критикует гуссерлианское понимание смысла как ноэмы акта восприятия. Не претендуя больше на роль *понятия*, то есть на роль чего-то строгого и фиксированного, смысл трансформируется у Делеза в «событие», то есть нечто еще не ставшее, неотделимое от своего собственного становления [10; 123–124]. По Ж. Делезу, смысл существует не только и не столько в момент исполнения, сколько в момент его вновь-исполнения, иными словами, смысл постоянно требует продолжения (возобновления), он, выражаясь словами Ж. Делеза, *сериален*[2].

Для рассмотрения природы смысла представляется важным обратиться не только к философским, но и к психологическим исследованиям. Проблема смысла занимает значительное место в западной психологии. Из многообразия теоретических подходов, существующих в зарубежной психологии, ограничимся анализом тех, в которых смысл выступает как высшая интегративная основа личности, характеризующая ее сущность. Речь идет о подходах Ф. Феникса, Дж. Ройса и А. Пауэлла, В. Франкла. В целом все вышеперечисленные авторы придерживаются точки зрения, согласно которой принципиальной особенностью человека является его направленность на поиск и реализацию смысла. Вместе с тем присутствуют и некоторые оттенки в их взглядах на конкретные представления о смысле и его воздействии на личность.

Из всех авторов, рассматривавших смысл как интегративную структуру личности, Ф. Феникс дает наиболее подробное аналитическое описание смысла, хотя определение смысла у него, как и у других, отсутствует. Он выделяет четыре параметра смысла: 1) переживание, рефлексивное самосознание, опосредующее поведенческие реакции; 2) логические принципы структурирования этого переживания; 3) выбор значимых смыслов из множества потенциальных комбинаций и разработка их в русле сложившихся в цивилизации традиций; 4) выражение смысловых структур посредством соответствующих символических форм [20; 22–25].

В понимании Феникса человек – это существо, отличительная особенность жизни которого заключается в обладании смыслами и основной целью которого является их созидание. Его постоянно волнуют желания, чуждые животному существованию. В действительности он стремится к смыслу и, осознает он это или нет, все его стремления, каков бы ни был их видимый объект, направлены на расширение и углубление смысла [20; 344]. В то же время Фениксу важно подчеркнуть, что смыслы являются общими в том смысле, что они обладают силой для всех. Любая смысловая структура является совместным способом понимания. В этой связи общность смысла – это принципиальная его характеристика.

Несколько иные соображения обнаруживаем мы в теории личности и индивидуальных различий, разработанной канадским философом и психологом Дж. Ройсом совместно с А. Пауэллом. Теория этих авторов начинается с постулата о том, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают «осмысленным», то есть в свете *индивидуальных* подходов к жизни [21; 234]. Позиция Ройса и Пауэлла противоположна в этом отношении позиции Феникса. Если Феникс понимает смысл как нечто объективное, существующее в мире, то Ройс рассматривает его как субъективное видение, накладываемое на мир. Отсюда и понятие «личностного смысла». «Личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидам извне и диктующее, какой шаг им предпринять» [21; 8]. Человек, исходя из самого себя, наделяет мир такими смыслами и измерениями, которые согласуются с особенностями его личности.

В поиске личностного смысла человек сталкивается с мировоззренческими вопросами: в каком мире я живу? кто я такой? и т. д. Отвечая на эти вопросы, человек формирует свою картину мира, свой стиль жизни, образ своего Я. Личностный смысл оказывается тесно связан с мировоззрением человека. В течение жизни мировоззрение человека меняется, а вместе с ним изменяется и личностный смысл. В этой связи Ройс и Пауэлл подчеркивают, что если смысл реализован, то это не раз и навсегда. Авторы характеризуют личностный смысл как «видение, которое каждый из нас должен создавать заново» [21; 8]. Таким образом, смысл нельзя, раз получив, иметь у себя во внутреннем обладании. Постижение смысла, следовательно, не одноразовый акт, это

вечный поиск в силу бесконечной сложности, неисчерпаемости открытости природы смысла.

Представляется, что определенным компромиссным сочетанием двух предшествующих подходов может считаться позиция В. Франкла. С одной стороны, Франкл заявляет, что необходимость в осмыслении действительности – это специфически человеческое, культурное явление, «так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» [14; 14]. Но, с другой стороны, Франкл подчеркивает, что смыслы не изобретаются человеком, а присутствуют в самом мире, в объективной действительности. Эта кажущаяся парадоксальность мысли психолога разрешается, на наш взгляд, тем, что смыслы, если и даны человеку, то только как возможности, а реализовать эти возможности, то есть найти смысл и осуществить его, может только сам человек.

В этой связи осмысление, то есть осуществление смысла, – это процесс непростой и далекий от того, чтобы совершаться автоматически. Как замечает Франкл, осмысление не происходит с необходимостью естественного процесса (дыхание, принятие пищи и т. д.), но требует от человека проявления *воли* как некоторого личного усилия, требует от индивида постоянного принятия решения: желает ли он искать и осуществлять смысл в данной ситуации или нет.

Правильной постановкой вопроса является, согласно Франклу, не вопрос о смысле жизни вообще, а вопрос о конкретном смысле жизни данной личности в данный момент. Поэтому смыслы всегда уникальны, коль скоро уникальна каждая человеческая сущность, уникален и неповторим каждый текущий момент, который дает человеку возможность осуществить смысл.

Из закономерностей нахождения смысла человеком вытекают и специфические задачи и ограничения логотерапии. Никто, и логотерапевт в том числе, не может дать человеку тот единственный смысл, который он сам может найти в своей жизни, в своей ситуации. Однако логотерапия ставит своей целью расширение возможностей человека видеть весь спектр потенциальных смыслов, которые может содержать в себе любая ситуация. Все, что мы можем делать, по Франклу, – быть открытыми для смыслов, сознательно стараться увидеть все возможные смыслы, которые предоставляет нам ситуация, и затем выбрать один, который, насколько нам позволяет судить наше ограниченное знание, мы считаем истинным смыслом данной ситуации [15].

Расширяя сказанное, обратим теперь внимание на то, что интерес современных отечественных психологов и педагогов, который сегодня сосредоточен на постижении не отдельных процессов психики человека, а на раскрытии его сущности, также вбирает в свое поле тему смысла. Наиболее развернутые исследования категории смысла и его производных в отечественной психологии ведутся в рамках деятельностного подхода. Рассмотрим эволюцию данного подхода в контексте интересующей нас смысловой проблематики.

Прежде всего, следует заметить, что еще Л. С. Выготский, считая недопустимым разведение аффективной и интеллектуальной сферы, указывал, что «существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов» [5; 20]. Однако, несмотря на то что разработка понятия смысла обнаруживается у Л. С. Выготского, традиционно истоки работ, посвященных проблеме смысла, относят к концепции личностного смысла А. Н. Леонтьева.

Категория «личностного смысла», который определялся как отражение в сознании личности мотива деятельности к цели действия, была введена А. Н. Леонтьевым для исследования одновременно в двух направлениях – сознания и личности. В рамках первого из них «личностный смысл» рассматривался как проявление смысловой составляющей сознания, указывающей на особую значимость для личности чего-либо из происходящего. «Человек, – писал Леонтьев, – в ходе своей жизни усваивает опыт предшествующих поколений людей, это происходит именно в форме овладения им значениями… Итак, психологически значение – это ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многогранности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения или обобщенного “образа действия”, нормы поведения и т. п.» [11; 287–289]. Таким образом, значение есть всего лишь «отражение действительности независимо от индивидуального, личного отношения к ней человека» [11; 289]. Привнесение же такого отношения неизбежно порождает субъективное значение данного объективного значения. Чтобы избежать удвоения терминов, А. Н. Леонтьев ввел понятие «личностного смысла» как составляющей сознания (наряду с чувственной тканью и значением).

Переходя от определения личностного смысла как единицы сознания к рассмотрению личностного смысла в структуре личности, Леонтьев констатирует жесткую, подчиняющую связь смысла с мотивом. По мнению отечественного психолога, именно отношение мотива деятельности к цели действия порождает личностный смысл.

Надо сказать, что предложенная А. Н. Леонтьевым трактовка смысла задала своего рода фарватер для многих последующих дискуссий по проблемам смысла в отечественной психологии. Не вдаваясь сейчас в детали и перипетии этих дискуссий, отметим лишь то, что дальнейшее развитие концепции смысла в отечественной психологии пошло по линии ревизии теоретических построений А. Н. Леонтьева. В работах Б. С. Братуся, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьева, В. А. Иванникова, В. И. Слободчикова происходит отказ от представления о жесткой, подчиняющей связи смысла

с мотивом и все большее признание получает рассмотрение смысла, смысловой регуляции жизнедеятельности как основополагающей характеристики человеческого способа существования, конституирующей функции личности.

Так, Б. С. Братусь определяет смысл как «субъективно устанавливаемую и личностно переживаемую связь между людьми, предметами и явлениями, окружающими человека в пространстве и времени как текущих, так и бывших или предполагаемых событий» [2; 33]. Смысл, таким образом, предстает не как жестко заданный мотив, или предмет, или вещь, а скорее как вариативная связь между предметами, вещами, действиями, точнее, «вырабатываемый неспецифический личностный принцип этой связи, соединения, объединения рассыпанного, разрозненного» [2; 33–34]. Именно смысл обеспечивает сцепление отдельных действий в деятельность, поведение. Исключи мы смысл, мы получим «не полноценную деятельность, а полудеятельность или ее иллюзорно-извращенные формы» [3; 23].

Поскольку сущностная природа смысла определяется как связь между содержательными элементами мысли, явлений, событий жизни субъекта, то и сам смысл рассматривается как основание, которое скрепляет, конституирует внутренний мир человека, составляя «ядро» личности. В этой связи смысл и смыслотворчество рассматриваются в качестве онтологической единицы такого процесса, в котором воплощается человеческая сущность или в котором она рождается, если применять принцип экзистенциализма «существование предшествует сущности» (Ж.-П. Сартр).

Итак, обобщим сказанное и подведем некоторые итоги. Рассмотрение ряда подходов к проблеме смысла в рамках философских и психологических исследований позволяет выделить ряд общих положений, повторяющихся в разных концепциях у различных авторов.

Прежде всего, в содержании понятия «смысл» исследователями выделяется момент упорядоченности, связанности как его сущностная характеристика. В этой связи именно категория смысла наиболее точно и корректно отражает оформленность, целостность *человеческого* бытия.

Важным, на наш взгляд, является выделение исследователями особой области, смыслового пространства (поле мысли, по словам М. К. Мамардашвили), которое несводимо к измерениям биологического и психологического существования человека. Именно поэтому смысл представляет собою совершенно особую, специфически человеческую реальность, а участие человека в производстве смысла рассматривается как создание искусственной, артефактической конструкции, некоего «органа» усиления интеллектуальных и телесных (эмоционально-волевых) сил человека. Смысл, следовательно, выступает основанием изменений субъекта, воспроизводящих субстанцию личности.

Далее, следует выделить такую характеристику смысла, как уникальность и неповторимость, связанную со значимостью для субъекта определенных объектов, явлений, действий. Смысл поэтому можно определить как отношение между субъектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению).

Наконец, немаловажной оказывается и такая сущностная характеристика смысла, как его открытость, принципиальная незавершенность. Постижение смысла поэтому представляет собой не одноразовый акт, а вечный поиск в силу бесконечной сложности, неисчерпаемости природы смысла.

Все вышесказанное позволяет нам ответить на вопрос о том, в чем состоит (а точнее, должна состоять) идейная направленность современного образования.

Прежде всего, в ориентации современного образования на целостное развитие личности, требующей не только ее знаниевой образованности, но и способности самостоятельно обустраивать свою собственную жизнь и наполнять ее собственными уникальными личностными смыслами. В этой связи, видимо, следует изменить ставшую уже банальной в наших образовательных учреждениях ситуацию, когда учащиеся воспроизводят одни и те же навыки (определенный их набор), действуют по ставшим уже традиционными схемам, воспринимая мир сквозь призму заданных извне концептуальных схем, то есть «*длят себя*» (М. К. Мамардашвили), имитируя образовательный процесс. Такое монотонное «дление» самих себя не побуждает к живой мысли. Действительное же образование личности связано как раз с прерыванием этого автоматизма дления себя. Только там, где само собой ничего не длится, могут завязаться новые точки роста: новый опыт, новое знание. Прерывание собственного дления осуществляется за счет выполнения «техник себя» (М. Фуко), или техник спасения, заботы о себе, которые осуществляются на самом себе, на своем теле, на душе, мыслях и поведении, и через них осуществляется трансформация субъективности, ее переиначивание [16; 432]. Субъект в процессе образования должен стремиться не к тому, чтобы какое-то знание пришло на смену его незнанию, говорит Фуко, а к тому, чтобы приобрести статус субъекта, которого он никогда не имел до этого.

Поскольку природу смысла, как мы постарались показать, характеризует момент незавершенности, открытости, то созидание смыслов в процессе образования должно стать основанием для постоянного внутреннего движения учащихся, ведущего к их самоизменению, самосовершенствованию в учебном процессе. Открытость и незавершенность смысла подразумевает возможность вновь и вновь возвращаться к однаж-

ды уже усвоенным знаниям, пересматривать собственную точку зрения, быть восприимчивым к другим мнениям, позициям.

Смысл нельзя дать или создать за самого человека. Он всегда ищется и находится человеком в результате совершения волевых, экзистенциальных усилий[3]. В связи с этим должна измениться и стратегия деятельности учителя. Из носителя конечного, достигнутого знания он превращается в посредника между учеником и культурой, создавая особые поля напряжения и вовлекая учащихся посредством личного общения в ситуацию мысли. Позицию учителя в этой связи можно определить как позицию «учителя-психомайевта», того, кто помогает свершиться высвобождению чего-то нового к бытию – того, что может быть рождено только самим учеником, ибо лишь то, что создается, творится самим учеником, обладает для него смыслом.

Работа на уровне смыслов – нелегкий труд. Осмысленные знания, действия – результат напряженной внутренней работы. Не всегда встреча со смыслом оказывается легкой. Иногда она протекает болезненно. Но и за отказ от смысла и понимания приходится платить слишком дорогую – человеческую – цену.

Смысл должен войти «в кровь и плоть» самого образования, определив его структуру, логику действия учителя и стратегию организации всего образовательного процесса. Только тогда образование станет условием развития человеческого потенциала, а не человеческого ресурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К размышлениям М. Хайдеггера, как нам кажется, близки в некотором отношении идеи К. Ясперса. Подобно Хайдеггеру, Ясперс связывает существование смысла со сферой человеческого бытия. Рассуждая об истории как особом способе человеческого существования, немецкий философ определяет ее смысл как связь явлений человеческого бытия в единство исторического процесса. Смысл, согласно Ясперсу, как организующий принцип человеческого существования конституирует историю, придает единство всему многообразию человеческой жизни. Таким образом, существование смысла истории обеспечивается, по мнению Ясперса, постоянным усилием вопрошания о смысле истории. Это постоянное вопрошание есть то, что немецкий философ называет «экзистенцией истории». Ясперс подчеркивает здесь волевой аспект смысла, акцентируя внимание на экзистенциальном напряжении самой человеческой жизни. Смысл существует лишь постольку, поскольку человек пытается его постичь (см.: [8; 149]).

[2] Здесь, видимо, уместно вспомнить мысль отечественного философа М. Бахтина о том, что не может быть одного-единственного смысла, не может быть ни первого, ни последнего смысла. Смысл всегда между смыслами, как звено в бесконечной смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть подлинной и реальной. Эта цепь бесконечно растет в исторической жизни, и потому каждое отдельное ее звено снова и снова обновляется, как бы рождается заново (см.: [18]).

[3] Говоря о воле, волевом усилии, мы не имеем в виду элемент нашей психики, некоторое психологическое состояние, поскольку сама наша психика, и здесь мы опираемся на положение М. К. Мамардашвили, устроена таким образом, что сама нуждается в каком-то дополнительном усилии, чтобы удерживать сами психические состояния. Без этого дополнительного волевого усилия сами по себе психические состояния по закону своего устройства не могут поддерживать один и тот же уровень интенсивности, как бы рассеивая энергию своего состояния. Воля трактуется нами так, как она понимается в философской традиции – как некий надприродный, надпсихический, духовный, экзистенциальный феномен. Это усилие не дано человеку просто от природы. Но совершать это усилие – и значит жить и исполняться в качестве человека (см.: [12; 88]). Ср. понятие воли с понятием самотрансценденции В. Франкла и понятием неадаптивной активности В. А. Петровского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер; Роспедагентство, 1994. 60 с.
3. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
4. Велихов Е. Б., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 3–32.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 351 с.
6. Гуссерль Э. Парижские доклады (1929) // Логос. Вып. 2. М., 1991. С. 6–30.
7. Гуссерль Э. Феноменология: статья в Британской энциклопедии (1939) // Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 12–21.
8. Гуссерль Э. Амстердамские доклады II // Логос. Вып. 5. М., 1994. С. 7–24.
9. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. 315 с.
10. Делез Ж. Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995. 298 с.
11. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1965. 495 с.
12. Мамардашвили М. К. Обязательность формы // Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 86–90.
13. Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. 248 с.
14. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.
15. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, 2000. 368 с.
16. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 450 с.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 526 с.
19. Baudrillard J. In the shadow of the silent majorities and other essays. N. Y., 1983.
20. Phenix P. Realms of meaning: a philosophy of the curriculum for general education. New York etc: McGraw-Hill, 1964. XIV, 391 p.
21. Royce J. R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. N.-J.: Prentice Hall, 1983. 304 p.

УДК 336.015

АЛЕКСЕЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ РЕВАЙКИН
доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН
asr@onego.ru

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РФ СЕВЕРНОГО РАЙОНА

В статье анализируется структура доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района по источникам налоговых доходов, структура безвозмездных перечислений, самодостаточность собственных и общих доходов.

Ключевые слова: самодостаточность бюджетных доходов, консолидированный бюджет субъектов РФ, бюджетные доходы и расходы, дефицитность бюджетов, налоги, безвозмездные перечисления

В докладе «О стратегии развития до 2020 года» В. В. Путин на расширенном заседании Госсовета в феврале 2008 года высказал принципиальное положение о региональной политике: «Уже в ближайшие годы мы должны перейти к новому этапу региональной политики, направленному на обеспечение не формального, а фактического равноправия субъектов Российской Федерации – равноправия, позволяющего каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и диверсификации экономики территорий» [1].

Одним из условий фактического равноправия является самодостаточность доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ для обеспечения расходных обязательств субъекта РФ и местного самоуправления, определяемых бюджетными полномочиями.

Сначала рассмотрим душевые доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района без безвозмездных поступлений, то есть то, что в прежней редакции БК РФ относилось к собственным доходам.

Таблица 1

Душевые доходы без безвозмездных перечислений консолидированных бюджетов субъектов Северного района РФ (руб.) [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	8937	12514	16421	17935	22044
Республика Коми	15046	19278	22764	28898	31147
Архангельская область	8726	11072	12677	15685	22428
Вологодская область	12253	19161	20231	25177	31872
Мурманская область	11852	16643	16661	26729	36555
Ненецкий национальный округ	67681	105651	107843	173958	227430

За период 2003–2007 годов душевые доходы без безвозмездных поступлений увеличились, в разах: Республика Карелия – 2,5; Республика Коми – 2; Архангельская область – 2,6; Вологодская область – 2,6; Мурманская область – 3; Ненецкий национальный округ – 3,4.

© Ревайкин А. С., 2009

В следующей таблице представлены расходы консолидированных бюджетов.

Таблица 2

Душевые расходы в консолидированных бюджетах субъектов РФ Северного района РФ (руб). [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	13257	15743	19391	23346	30459
Республика Коми	16535	20534	23864	29900	34802
Архангельская область	11737	13866	17215	21115	34601
Вологодская область	13328	17067	22745	26160	34774
Мурманская область	15012	18070	19952	33867	45096
Ненецкий национальный округ	71952	88612	125947	152430	247249

В Республике Коми, Вологодской, Мурманской областях, Ненецком национальном округе расходы увеличились на столько же, на сколько и доходы без безвозмездных доходов, в Республике Карелия и Архангельской области увеличение расходов составило соответственно 2,3 и 2,9 раза.

Насколько душевые доходы без безвозмездных поступлений обеспечивают расходы, показывает табл. 3.

Таблица 3

Дефицит (–), профицит консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района РФ без безвозмездных перечислений (%) [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	–37	–26	–18	–30	–38,2
Республика Коми	–9	–6	–5	–3	–11,7
Архангельская область	–34	–25	–36	–35	–54,3
Вологодская область	–9	–2	–12	–4	–9,1
Мурманская область	–27	–9	–20	–27	–23,4
Ненецкий национальный округ	–6	16	–17	12	–8,7

Общим для всех регионов, за исключением Ненецкого национального округа в 2004 и 2006 годах, является дефицитность бюджетов с доходами без безвозмездных перечислений. Во всех субъектах Северного района РФ, за исключением Мурманской области, в 2007 году по сравнению с 2003 годом дефицит консолидированных бюджетов увеличился. Самый высокий уровень дефицита в 2007 году был в Архангельской, Мурманской областях, Республике Карелия. Таким образом, консолидированные бюджеты субъектов РФ Северного района не обеспечивают расходы налоговыми и неналоговыми доходами, зачисляемыми в эти бюджеты.

В новой редакции БК РФ на всех уровнях бюджетной системы за каждым бюджетом на постоянной основе закреплены налоговые и неналоговые доходы.

Рассмотрим роль основных федеральных налогов, зачисляемых в доходы бюджетов субъектов РФ и доходы местных бюджетов, в формировании консолидированного бюджета субъектов РФ Северного района.

Таблица 4

Доля основных федеральных налогов в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района без безвозмездных перечислений (числитель – 2006 год, знаменатель – 2007 год) (%) [2], [3]

Субъекты РФ	1	2	3	4	5	6
Республика Карелия	22/20	40/37	5/4,4	7/6	2/0,2	76/67,6
Республика Коми	34/29	32/36	3/3,7	5/3,8	5,7/5,8	79,7/78,3
Архангельская область	24/23	41/39	5/4	6/4	3,9/3,4	79,9/73,4
Вологодская область	43/40	31/28	3/3	6/5	0,1/0,6	83,1/76,6
Мурманская область	31/38	41/38	3/2,3	2/6	4,6/3	81,6/87,3
Ненецкий национальный округ	34/23	19/13	1/1	1/0,4	9,6/7,5	64,6/44,9

Примечание:
1 – налог на прибыль организаций;
2 – налог на доходы физических лиц;
3 – налог на совокупный доход;
4 – акцизы;
5 – налоги, сборы, регулярные платежи за пользование природными ресурсами;
6 – доля всех приведенных налогов.

Как показывают данные таблицы, на долю основных федеральных налогов в 2006 году приходилось от 77,6 до 89,6 %, в 2007 году – от 61,9 до 90,6 %.

Значение каждого из перечисленных налогов, как явствует из данных таблицы, по регионам различается. Так, налог на прибыль зависит от эффективности экономики региона. Разница между максимальной и минимальной величинами составила 2 раза. Вторым по значимости является налог на доходы физических лиц, который зависит от доходов физических лиц. Разница между максимальной и минимальной величинами в 2007 году составила 1,4 раза. Самая большая дифференциация – по акцизам, налогам и сборам, регулярным платежам за пользование природными ресурсами. Доля федерального налога на добычу полезных ископаемых в виде углеродного сырья в 2007 году составила в Республике Коми 4,5 %, в Архангельской области – 2,9 %, а в Ненецком национальном округе – 6,7 %.

Какую же роль играют зачисляемые в консолидированные бюджеты региональные и местные налоги? В бюджеты субъектов РФ, в соответствии со статьей 56 БК РФ, подлежат зачислению налог на имущество организаций, налог на игорный

бизнес и транспортный налог, в бюджеты муниципальных районов, городских округов, поселений – земельный налог и налог на имущество физических лиц. В 2007 году в сумме все эти налоги составили: в Республике Карелия – 13,5 %; в Республике Коми – 13,3 %; в Архангельской области – 10 %; в Вологодской области – 11 %; в Мурманской области – 11,3 %, в Ненецком национальном округе – 17,5 %. Столь сравнительно незначительная доля региональных и местных налогов в консолидированных бюджетах субъектов РФ не позволяет реально реализовать один из важных принципов бюджетной системы Российской Федерации – принцип самостоятельности бюджетов. На протяжении всего периода реформирования межбюджетных отношений сохраняется почти полная зависимость субъектов РФ, местного самоуправления от федерального центра.

В новой редакции БК РФ к собственным доходам бюджетов относятся налоговые доходы, неналоговые доходы и безвозмездные поступления, за исключением субвенций. Как известно, в прежней редакции БК РФ безвозмездные перечисления не включались в собственные доходы. Новая редакция собственных доходов достаточно обоснованно, на мой взгляд, подвергалась критике. И основным аргументом являлось то, что новая редакция порождает иждивенчество.

Рассмотрим общие душевые доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района с учетом безвозмездных поступлений, представленные в табл. 5.

Таблица 5

Душевые доходы консолидированных бюджетов субъектов Северного района РФ (руб.) [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	12049	15000	19792	21894	29074
Республика Коми	16339	20658	24853	30582	35208
Архангельская область	11684	14074	17385	21378	30710
Вологодская область	13491	20099	21351	26573	34746
Мурманская область	14226	18809	19928	34032	47590
Ненецкий национальный округ	70921	109507		178760	239733

Общим для всех регионов является значительный рост общих душевых доходов консолидированных бюджетов. В Республике Карелия они увеличились в 2,4 раза; Республике Коми – в 2 раза; Архангельской области – в 2,6 раза; Вологодской области – в 2,6 раза; Мурманской области – в 3,3 раза; Ненецком национальном округе – в 3,4 раза. Заметим, что только в Республике Карелия увеличение этих доходов было меньше, чем увеличение душевых доходов без безвозмездных перечислений, а в Мурманской области – больше.

Насколько общие душевые доходы консолидированных бюджетов обеспечивают расходы, показывают данные следующей таблицы.

По сравнению с доходами без безвозмездных перечислений, данные таблицы показывают, что в 2007 году по сравнению с 2003 годом в Республике Карелия дефицит консолидированного бюджета снизился в 2,1 раза, в Ненецком национальном округе дефицит возрос в 2,2 раза, в Республике Коми и Мурманской области стал профицитным, в Архангельской области из профицитного стал значительно дефицитным. Сравнение с данными табл. 2 показывает, что если доходы консолидированных бюджетов без безвозмездных во всех регионах были значительно дефицитными, доходы с учетом безвозмездных перечислений в двух регионах стали профицитными, в одном регионе доходы равны расходам, в трех регионах дефицит бюджета существенно снизился. Произошло это за счет безвозмездных перечислений.

Таблица 6

Дефицит (–), профицит консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района РФ, (% к доходам) [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	–10	–5	3	–6,6	–4,8
Республика Коми	–1	0,6	4	2,2	1,1
Архангельская область	0,4	0,1	1,8	1,2	–12,7
Вологодская область	1,2	15	–6,5	–1,6	0
Мурманская область	–5,5	3,9	0,1	0,5	5,2
Ненецкий национальный округ	–1,4	19		14,7	–3,1

Рассмотрим динамику душевых безвозмездных перечислений в консолидированных бюджетах субъектов РФ Северного района.

Таблица 7

Душевые безвозмездные перечисления в консолидированных бюджетах субъектов Северного района РФ (руб.) [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	3112	2485	3371	3888	7030
Республика Коми	1336	1454	2089	1684	4061
Архангельская область	2958	3002	4708	5693	8387
Вологодская область	1238	938	1120	1395	2874
Мурманская область	2390	2182	3267	7303	11035
Ненецкий национальный округ	3122	3856	3717	4801	12303

Темпы увеличения безвозмездных перечислений в регионах в 2007 году по сравнению с 2003 годом значительно различаются. Так, в Республике Карелия и Вологодской области

безвозмездные перечисления увеличились в 2,3 раза; в Архангельской области – в 2,8 раза; в Республике Коми – в 3 раза; в Ненецком национальном округе – в 3 раза; в Мурманской области – в 4,6 раза.

При этом следует учитывать, что к безвозмездным перечислениям в БК РФ относятся дотации из других бюджетов бюджетной системы (в старой редакции БК РФ – финансовая помощь), в том числе дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, субсидии, субвенции, иные межбюджетные трансферты. Все составляющие безвозмездных перечислений, их назначение, условия и порядок предоставления ныне четко определены в главе 16 БК РФ «Межбюджетные трансферты». Так, назначение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности определяется из самого названия. Предоставление дотаций предназначено для того, чтобы выравнивать финансовые возможности территорий по исполнению собственных расходных полномочий. Общий объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ определяется исходя из необходимости достижения минимального уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ. Эти дотации образуют Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов РФ. Эта форма межбюджетных трансфертов есть не только в бюджетах субъектов РФ, но и в бюджетах муниципальных районов и городских округов.

В следующей таблице представлены данные о дотациях в консолидированных бюджетах.

Таблица 8

Дотации в консолидированных бюджетах субъектов Северного района РФ в расчете на душу населения (руб.) [2], [3]

Субъекты РФ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Карелия	2877	3229	3329	3888	2236
Республика Коми	1147	1156	2085	1683	406
Архангельская область	3622	3735	4640	5630	3045
Вологодская область	1155	820	1101	1392	0
Мурманская область	5882	6689	3216	7268	1328
Ненецкий национальный округ	2441	3470	2810	2151	0

В 2003–2006 годах в консолидированных бюджетах всех регионов были дотации. В 2007 году в двух регионах дотаций не было. В то же время в 2007 году по сравнению с 2003 годом значительно возросли межрегиональные различия между максимальной и минимальной величинами дотаций. Если в 2003 году они составили 5 раз, то в 2007 году – 7,5 раза.

Безвозмездные перечисления наряду с дотациями на выравнивание бюджетной обеспеченности включают субсидии и субвенции.

Субсидии предоставляются бюджетам субъектов РФ в целях софинансирования расходных обязательств, которые возникают при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам ведения субъектов РФ и предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ и расходных полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного назначения. Общий объем субсидий субъектам РФ из федерального бюджета образует Федеральный фонд софинансирования. Субсидии предоставляются местным бюджетам и из бюджета субъекта РФ. Эту же функцию выполняют иные межбюджетные трансферты, которые предоставляются муниципальными районами бюджетам поселений на условиях софинансирования.

Субвенции предоставляются бюджетам субъектов РФ для финансового обеспечения расходных обязательств субъектов РФ, которые возникают при выполнении полномочий РФ. Это так называемые мандаты РФ, порядок финансового обеспечения которых подробно описан в БК РФ. Совокупность субвенций бюджетам субъектов РФ из федерального бюджета образует Федеральный фонд компенсаций. Субсидиями являются и финансовые средства при делегировании государственных полномочий субъекта РФ муниципальным образованиям, а также средства, перечисляемые муниципальными образованиями в бюджет субъекта РФ в связи с превышением установленного уровня бюджетной обеспеченности. Заметим, что ныне в БК РФ закреплено положение, согласно которому все перечисленные формы межбюджетных трансфертов, предоставляемые из федерального бюджета, определяются по единым методикам, утверждаемым Правительством РФ.

Рассмотрим структуру безвозмездных перечислений на примере консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района за 2007 год.

Таблица 9

Структура безвозмездных перечислений в консолидированных бюджетах субъектов РФ Северного района в 2007 году (% от общих доходов) [2], [3]

Субъекты РФ	1	2	3	4
Республика Карелия	24,1	7,7	5,7	10,7
Республика Коми	11,5	1,2	3,9	6,4
Архангельская область	26,6	9,9	5,7	11
Вологодская область	8,3	0	4,1	4,2
Мурманская область	22,7	8	2,8	17,1
Ненецкий национальный округ	5	0	4,2	0,8

Примечание:
1 – доля безвозмездных перечислений в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ;
2 – доля дотаций от других бюджетов бюджетной системы в доходах консолидированных бюджетов РФ;
3 – доля субсидий в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ;
4 – доля субвенций в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Данные таблицы показывают, что существуют заметные внутрирегиональные различия как по доле безвозмездных перечислений в доходах консолидированных бюджетов, так и по их структуре. При оценке самодостаточности консолидированных бюджетов субъектов РФ необходимо учитывать роль каждой формы межбюджетных трансфертов, имея в виду их различное назначение.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Закрепляемые за субъектами РФ, муниципальными образованиями Северного района федеральные, региональные и местные налоги и сборы не обеспечивают реализацию важного принципа бюджетной системы РФ – самостоятельности бюджетов. Все регионы являются дефицитными. При этом существует значительная межрегиональная дифференциация по уровню дефицитности.
2. Региональные и местные налоги настолько незначительны в формировании консолидированных бюджетов субъектов РФ Северного района, что это ставит регионы почти в полную зависимость от федерального центра.

Значительна межрегиональная дифференциация в структуре безвозмездных перечислений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В. В. Стратегия развития России до 2020 года // Российская газета. 2008. 9 февраля.
2. Колесов А. С., Гуртов В. А., Ревайкин А. С., Сигова С. В. Бюджетная политика и межбюджетные отношения в субъектах Российской Федерации / Под. ред. А. С. Колесова. М.: Финансы, 2007. 600 с.
3. Приложения 15, 17, 22. Режим доступа: http://www.goskazna.ru/reports/mb.html.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 6 **Экономика** **2009**

УДК 33

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента экономического факультета ПетрГУ
levkin@petrsu.ru

ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье дается определение функций и раскрывается механизм управления организационной культурой, рассматриваются ключевые технологии изменения организационной культуры.

Ключевые слова: организационная культура, система предпринимательства, функции, механизм управления организационной культурой, эффективность организационной культуры

Функции управления организационной культурой в системе предпринимательства – это виды деятельности, с помощью которых управляющая подсистема предприятия воздействует на организационную культуру. Можно выделить следующие общие функции управления организационной культурой:

- Прогнозирование будущего состояния организационной культуры. Важнейшим элементом прогнозирования является диагностика текущего состояния организационной культуры.
- Планирование мероприятий в области формирования и развития организационной культуры. Возможно выделение тактического и стратегического планирования организационной культуры. Тактическое планирование организационной культуры – это набор действий, связанных с определением краткосрочных целей в области организационной культуры, а также механизмов по достижению данных целей. Долгосрочное планирование организационной культуры подразумевает определение долгосрочных целей в области организационной культуры предпринимательской системы и их увязку со стратегией развития предприятия.
- Организация мероприятий в области организационной культуры. Это создание материальной и социальной инфраструктуры для эффективного управления организационной культурой. Сюда относятся выделение необходимых финансовых, материальных и человеческих ресурсов, их пространственное и временное оформление. Здесь же определяются права и ответственность работников, отвечающих за создание эффективной организационной культуры.
- Координация действий работников в области организационной культуры.
- Контроль в области организационной культуры, то есть проверка выполнения поставленных задач, исходящих из тактических и стратегических целей управления организационной культурой, а также внесение необходимых корректировок и устранение нежелательных тенденций в этом процессе.

Кроме того, можно обозначить связующие функции, которые принизывают весь процесс

© Левкин Н. В., 2009

управления организационной культурой и имманентно встроены во все остальные функции управления. Речь идет о мотивации и принятии управленческих решений в области организационной культуры.

При изучении организационной культуры в качестве инструмента управления и стратегического ресурса предприятия важным методологическим вопросом становится оценка эффективности как самой организационной культуры, так и управления ею.

Главная проблема, осложняющая оценку эффективности затрат на организационную культуру (ее создание, поддержание, изменение и т. п.), состоит в сложности отделения результата управленческого воздействия на культуру от влияния других факторов, связанных с изменениями во внешней и внутренней среде бизнеса. Это происходит по причине нелинейности культурных процессов, отсутствия прямых причинно-следственных связей, а также расхождения периода затрат на культуру и периода проявления эффекта от мероприятий в виде роста прибыли (или других целевых показателей, отражающих эффективность производственного процесса и деятельности всего предприятия). Сюда же можно отнести проблематику, связанную с появлением мультикативного и синергетического эффектов.

Возникает и противоречие по поводу того, что понимать под эффективностью организационной культуры и эффективностью управления организационной культурой. В современной исследовательской литературе достаточно часто эти два вида эффективности отождествляются. Такое отождествление во многом ошибочно, что легко доказывается логически. Например, на предприятии отсутствует целенаправленное управление культурой, но она оказывается высокоэффективной за счет высокой трудовой сознательности принятых на работу сотрудников (в данном случае организационная культура как фактор благоприятно сказывается на организационной культуре как ресурсе). И, наоборот, при эффективном управлении организационной культурой она является малоэффективной (работники саботируют распоряжения руководства, игнорируют нормы и правила, принятые на предприятии, и т. д.). Это становится возможным в ситуации, когда происходит враждебное поглощение одной компании другой или при общем кризисном социально-экономическом фоне в стране, где осуществляет свою производственную деятельность предприятие. Очевидно, что во временной перспективе между этими двумя видами эффективности реализуются принципы прямой и обратной связи. Эффективное управление культурой способствует повышению эффективности самой культуры, а эффективная организационная культура помогает реализовывать более эффективное управление. Верно и обратное: когда неэффективное управление (или даже отсутствие всякого управления) снижает эффективность организационной культуры, хотя изначально культура характеризуется достаточно высоким положительным потенциалом. Таким образом, можно говорить о том, что положительным эффектом от качественного управления организационной культурой выступает эффективная культура, а продуктом эффективной организационной культуры становится эффективное управление.

Благодаря эффективному управлению организационная культура преобразуется из потенциального управленческого ресурса предпринимательской системы в реальный, то есть она в любой момент времени может быть задействована для решения текущих, тактических или стратегических задач деятельности предприятия, и при этом ее запас не только не истощится, но может даже преумножиться. Кроме того, организационная культура выступает как фактор производства и в этом случае может влиять на управленческий процесс и его эффективность. Специфика организационной культуры заключается также в том, что она, являясь фактором производства (то есть тем, что непосредственно влияет на эффективность хозяйственной деятельности), одновременно выступает как интегрирующий показатель, комплексно характеризующий эффективность деятельности предприятия.

Между эффективностью хозяйственной деятельности, управлением организационной культурой и собственно организационной культурой также существуют прямые и обратные связи (пример реализации данных связей между производством, управлением и культурой представлен на схеме 1).

Схема 1. Система прямых и обратных связей между эффективностью хозяйственной деятельности, управлением организационной культурой и организационной культурой предприятия

Г. Тульчинский и С. Перминова в совместной работе «Культура фирмы» пишут, что при анализе эффективности возможно три подхода к изучению этой базовой экономической категории: целевой (главной чертой эффективности является соответствие результатов цели, по отношению к этому показателю оптимальность затрат является характеристикой вторичной); затратный (соотношение средств и полученного результата) и потребностный – отношение целей к реальным потребностям (цели должны решать реальные проблемы) [8; 264–281]. Однако пространственное противопоставление этих подходов не является оправданным, так как по сути дела они воспроизводят последовательные (разделенные во времени) шаги: первоначально мы определяем потребности, затем цели и, наконец, соотносим затраты и результаты при достижении заявленных ранее целей.

Цели на уровне отдельных предпринимательских систем (отдельных предприятий) могут быть абсолютно разными и зависеть от многих факторов (прежде всего, от сложного наложения друг на друга потребностей и интересов отдельных стейкхолдеров фирмы). В связи с этим можно говорить об иерархии целей, вытекающих из этих потребностей, в основу которой можно положить деление целей на первичные и вторичные. При этом вторичные цели выступают как совокупность факторов для достижения первичных целей.

Первичной целью предпринимательской системы и базовым критерием эффективности ее деятельности выступает прибыль. Однако существует целый комплекс проблем, связанных с анализом прибыли. *Во-первых*, временной разрыв между произведенными затратами и получаемой прибылью (ситуация, когда предприятие может в краткосрочном временном периоде работать без прибыли). *Во-вторых*, определение роли менеджмента в получении и максимизации прибыли (действительно ли именно менеджмент стал причиной получения и роста прибыли, или это произошло по причинам внешнего характера – удачная рыночная конъюнктура, изменение социально-демографической ситуации и т. п.). *В-третьих*, предприятия подчас не ориентированы на отражение реальной прибыли в финансовой отчетности в целях снижения налогового бремени, обмана акционеров, увода активов и т. д. Таким образом, возникает необходимость достижения целей, которые так или иначе связаны с критерием прибыльности. К подобным целям можно отнести удовлетворенность потребителей, долю рынка, положительный имидж предприятия, рост активов и качества [4; 59]. Выделяются и другие цели.

Достижение первичной цели (максимизация прибыли) может ущемлять интересы отдельных стейкхолдеров. Это могут быть акционеры, работники предприятия, государство и клиенты. Таким образом, важной составной частью эффективности управления организационной культурой выступает нахождение компромисса между интересами отдельных групп стейкхолдеров. Для экономики переходного периода особенно противоречивыми становятся интересы государства (получение налогов, защита экологии, отсутствие социальных конфликтов на политической, трудовой, религиозной почве) и отдельных предпринимательских систем. Например, массовое увольнение работников градообразующего предприятия может привести к социальной катастрофе в данном городе; распространение и внедрение в бизнес методов массового психологического воздействия (нейролингвистическое программирование и тому подобные) ведет к «зомбированию» людей. Данные примеры можно приводить и дальше. Отсюда следует, что управление организационной культурой должно осуществляться как на уровне отдельных предпринимательских систем, так и на уровне общества в целом (уровень государства). В связи с этим можно говорить об эффективности управления организационной культурой как отдельной фирмы, так и всего государства. При этом критерием эффективности управления организационной культурой на государственном уровне служит прирост валового национального продукта.

Более широкую трактовку понятию эффективности управления организационной культурой дает И. В. Грошев, который исходит из того, что она выражается через категории и показатели эффективности работы предприятия в целом. Исходя из этого, им выделяется пять категорий эффективности: экономическая (примеры рассчитываемых показателей эффективности: инвестиции, затраты на персонал, материальные затраты, оборот); организационная (гибкость организационной структуры, время принятия управленческих решений); психологическая (личностный уровень удовлетворенности персонала, психологический климат, частота конфликтов, особенности общения); социальная (степень свободы в действиях и контактах, нагрузка/занятость, текучесть, удовлетворенность работой); общественная (образовательный и квалификационный уровни, уровень удовлетворения потребностей, производственные заболевания, время, вероятность и частота получения инвалидности) [3; 33]. Однако более целесообразным представляется относить данные категории к эффективности самой организационной культуры, а не управления ею.

Обобщая вышеизложенное, можно дать следующие определения. *Эффективность организационной культуры* – это соответствие организационной культуры целям предпринимательской системы и всего общества в целом. В общем случае критерием эффективности организационной культуры на уровне предпринимательской системы служит прибыль (если прибыль растет, то организационная культура при прочих равных условиях эффективна), а на

уровне общества в целом – ВНП (если ВНП растет, то организационная культура предпринимательских систем страны при прочих равных условиях эффективна). Под *эффективностью управления организационной культурой* понимается такое воздействие управляющей подсистемы на управляемую подсистему предприятия, при котором раскрывается весь возможный положительный потенциал организационной культуры. Здесь можно провести параллель с управлением автомобилем. Неумелый водитель обязательно разобьет автомобиль, не достигнув конечной точки своего пути, каким бы совершенным и мощным этот автомобиль ни был. И наоборот, опытный водитель, управляя машиной со слабым двигателем и несовершенным дизайном, сумеет доехать до конечного пункта назначения. Идеальной ситуацией можно признать случай, когда опытный водитель управляет мощной автомашиной.

Количественным отражением эффективности организационной культуры может стать рентабельность организационной культуры:

$$Рок = (ТР1 – ТР2) / ТСок,$$

где *Рок* – рентабельность организационной культуры, *ТР1*, *ТР2* – прибыль предприятия до и после осуществления затрат на изменение организационной культуры, *ТСок* – затраты на управленческие мероприятия, связанные с изменениями в организационной культуре (или затраты, связанные с существованием данного уровня организационной культуры).

Высокий уровень организационной культуры нередко позволяет добиться значительного эффекта при наличии сравнительно скромных материально-технической базы и финансах. Этот эффект может быть достигнут за счет сокращения потерь и непроизводительных затрат рабочего времени, применения наиболее рациональных приемов и методов труда, проведения ряда мер, обеспечивающих повышение работоспособности, снижение утомляемости работников, активизации творческих способностей людей, создания новой организационной структуры, внедрения ситуационного подхода и т. д.

Снижение уровня культуры труда, производства и управления может привести к обратной ситуации – снижению прибыли и/или росту затрат. Например, увеличение случаев производственного травматизма из-за нарушений требований техники безопасности, дисциплинарных проступков; рост количества случаев брака из-за снижения уровня технической оснащенности предприятия; принятие неправильных управленческих решений из-за большой текучести управленческого персонала и т. д. В этом случае возникают издержки, связанные с существованием неэффективной организационной культуры.

Теперь более подробно остановимся на затратах, связанных с управлением организационной культурой. Сюда можно отнести следующие магистральные направления осуществления затрат: создание, формирование и преобразование организационной культуры. Существуют многочисленные инструменты, позволяющие руководству организации влиять на движение предприятия по данным направлениям. Наиболее популярные из них в современной управленческой практике: обучение и переобучение работников; создание и поддержание корпоративного сайта; содержание консультантов и штатных специалистов по управлению организационной культурой; корпоративная символика; проведение event-мероприятий и корпоративных праздников; публикации и отчеты в СМИ; создание и проведение совещаний, комиссий и советов по управлению организационной культурой; создание этического кодекса компании, совершенствование коммуникационных процессов (устранение различного вида «шумов», оптимизация движения информации, блокирование нежелательных слухов, внедрение передовых систем обработки, передачи и хранения корпоративных знаний) и т. д. В более широком контексте к затратам на изменение организационной культуры можно отнести все расходы, связанные с изменениями в организационном дизайне. Затраты на проведение подобных изменений с точки зрения управленческого учета четко идентифицируются.

Намного сложнее обстоят дела со стоимостной оценкой затрат, связанных с существованием того или иного качественного состояния организационной культуры на предприятии. К таким затратам можно отнести затраты психобиологической энергии и времени, которые организационная культура требует на осуществление работниками организационных рутин. Косвенной стоимостной оценке подлежат только затраты времени, которые можно определить через хронометраж или фотографию рабочего дня. Однако в силу латентности измеряемых процессов мы можем получить лишь приблизительные данные о затратах, которые связаны с существованием культуры.

Таким образом, выступая в качестве социально-экономической категории, организационная культура имеет количественные и качественные характеристики, которые можно измерить и оценить. Например, через производительность труда, то есть если труд создает больше, то можно говорить о том, что уровень эффективности организационной культуры повышается. Аналогичные выводы можно сделать при рассмотрении вопросов себестоимости выпускаемой продукции, ее качества, коммерческой деятельности предприятия.

Для раскрытия механизмов управления организационной культурой необходим поиск ответов на три вопроса:

- кто управляет организационной культурой (институциональный аспект)?

- какие действия по управлению организационной культурой реализуются (функциональный аспект)?
- при помощи чего управляют организационной культурой (инструментальный аспект)?

Субъектами управления организационной культурой системы предпринимательства на макроуровне могут быть: международные организации (различные ассоциации, объединения, фонды и т. д.); органы исполнительной власти (в лице должностных лиц, министерств, ведомств, агентств, департаментов и т. п.); органы законодательной власти; органы судебной власти; добровольные объединения физических и/или юридических лиц; научное сообщество. Подчеркнем, что все вышеперечисленные субъекты управляют организационной культурой отечественной системы предпринимательства лишь косвенно и, как правило, нецеленаправленно. Возникает отчасти парадоксальная ситуация, когда управление реализуется без наличия четко поставленной цели. По этой причине, достигая каких-то определенных целей в различных сферах жизни нашего общества, эти субъекты значительно влияют и на организационную культуру. Однако это не означает, что изменение организационной культуры не может рассматриваться в качестве одной из целей их деятельности. Таким образом, корректнее говорить о вышеназванных субъектах как о потенциально возможных управляющих организационной культурой подсистемах. Приведем примеры управленческого воздействия по каждому из данных субъектов.

В качестве субъектов управления организационной культурой на макроуровне могут рассматриваться ООН и Международная организация стандартизации (ISO). В первом случае политика ООН, связанная с гуманизацией мирового сообщества, оказывает большое влияние на формирование и развитие организационной культуры социальной направленности, ее дальнейшей гуманизации. Во втором случае управление организационной культурой приобретает более конкретные формы – стандарты менеджмента качества ISO 9000:2000 позволяют гармонизировать процессы, протекающие на предприятии в соответствии с самыми высокими требованиями к бизнес-деятельности. К субъектам – международным организациям, значительно влияющим на организационную культуру, можно также отнести международную организацию труда (МОТ), международную бенчмаркинговую организацию, различные ассоциации и агентства, занимающиеся разработкой стандартов в области этики и социальной ответственности бизнеса, и т. д.

Органы исполнительной власти федерального уровня и уровня субъектов РФ оказывают влияние на организационную культуру по нескольким направлениям. *Во-первых*, через управление унитарными и казенными учреждениями и организациями, а также акционерными обществами, где государству принадлежит определенный пакет акций. *Во-вторых*, через механизм функционирования государственной машины. Разросшийся и костный бюрократический аппарат государственной власти России накладывает определенный отпечаток и на организационную культуру системы предпринимательства. Например, взяточничество воспринимается отечественными предпринимателями скорее как инструмент повышения эффективности бизнеса, чем аморальное и противоправное явление (на сегодня емкость рынка взяток в России составляет примерно 240 млрд долларов в год). *В-третьих*, через воздействие на отрасли социальной сферы. Повышая образовательный, культурный и бытовой уровень россиян, эти отрасли способствуют формированию определенного отношения человека к самому себе, другим людям, труду, природе, а это, в свою очередь, оказывает принципиально важное воздействие на организационную культуру.

Органы законодательной власти создают и совершенствуют законодательную базу страны, которая по многим аспектам также влияет на организационную культуру. Выбирая ту или иную организационно-правовую форму организации своей хозяйственной деятельности, предприниматели закладывают основу для взаимоотношений со стейкхолдерами бизнеса. Многие законы способны модифицировать организационную культуру. Например, ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» поддерживает патерналистские ожидания со стороны бизнеса по отношению к государству. Огромное значение для организационно-культурных отношений имеют законодательные акты, касающиеся охраны труда, стандартизации, пожарной безопасности и т. п.

Органы судебной власти наиболее сильно влияют на организационную культуру в лице арбитражного суда. Не секрет, что многие теневые рейдерские захваты осуществляются с участием арбитражных судей. Кроме того, арбитражная практика является важным источником информации о возможном поведении компаний в тех или иных хозяйственных ситуациях. Определенную лепту в развитие организационной культуры вносят и суды общей юрисдикции. Мера наказания по уголовным и административным делам, связанным с ведением нечистоплотного бизнеса, отражает отношение общества к подобным деяниям.

Добровольные объединения граждан и предпринимателей способствуют повышению социальной ответственности и этичности бизнеса. Например, движение в защиту прав потребителей или движение «зеленых» заставляют бизнес пересматривать свои экологические стандарты в сторону их ужесточения.

Научное сообщество собирает, систематизирует, анализирует и распространяет передовой

опыт управления организационной культурой. То, что сегодня во многих компаниях организационная культура рассматривается как мощный инструмент повышения эффективности бизнеса, – во многом заслуга отечественных и зарубежных ученых.

В качестве субъекта управления организационной культурой на микроуровне могут выступать: совет директоров компании; совет по этике (корпоративной ответственности); руководитель (руководство/менеджмент) фирмы; рабочий коллектив и/или отдельные работники; отдельные лидеры или инициативные группы работников; фасилитаторы (помощники, способствующие переносу ценностей); бизнес-консультанты (консалтинговые компании). При этом следует различать субъекты управления организационной культурой и инициаторов ее изменения. С одной стороны, в качестве субъекта и инициатора могут выступать одни и те же лица (например, руководство компанией). С другой стороны, инициатором может быть, например, совет по этике, а провайдером изменений – руководство компании. Несомненно то, что круг инициаторов значительно шире круга субъектов управления организационной культурой и в него можно включить всех стейкхолдеров предприятия (начиная с местного сообщества, клиентов, конкурентов и заканчивая местными органами власти).

Одним из первых процесс целенаправленного изменения организационной культуры описал Э. Шайн. С психологической точки зрения он предложил выделить три стадии в управлении культурой: «размораживание», «когнитивное реструктурирование» и «замораживание». В качестве классического образца подходов к управлению организационной культурой можно привести работы известных американских исследователей – М. Армстронга и Дж. Коттера.

М. Армстронг предлагает следующие шаги в управлении организационной культурой: выработать представления о том, какой должна стать организация; в свете этого представления определить миссию организации и сообщить о ней всем сотрудникам; определить стратегии корпорации или бизнеса, требуемые для достижения этой миссии, и довести эту информацию до всех сотрудников; провести анализ состояния организационной культуры; подготовить программу изменения культуры и внедрить ее [1; 141–143]. В качестве инструментов изменения организационной культуры исследователь называет: представления и согласие (необходимо четко сформулировать представления о том, какой должна быть организационная культура, и получить согласие всех заинтересованных сторон по этому поводу); общение и образование (работники организации должны осознать необходимость изменения организационной культуры); поддерживающие системы и процессы (в организации должны быть проведены соответствующие обучение и тренировка, а также внедрена система мотивации). По отношению к инструментам изменения организационной культуры подход М. Армстронга не является безальтернативным.

Ниже предлагается схема управления организационной культурой Дж. Коттера [6; 31]:

1. Внушение людям ощущения необходимости перемен (инструменты: изучение рынка и продукции конкурентов; выявление и обсуждение реальных и потенциальных слабых звеньев работы, а также основных перспектив);
2. Создание команды реформаторов (инструменты: формирование группы, наделенной полномочиями, достаточными для руководства изменениями; обеспечение слаженной работы такой группы);
3. Видение перспектив и определение стратегии (инструменты: создание концепции будущего с целью согласования усилий реформаторов; формулирование стратегии реализации перемен);
4. Пропаганда новой концепции будущего (инструменты: пропаганда новой концепции и стратегии перемен всеми средствами; выработка эталонной ролевой модели поведения команды реформаторов);
5. Создание условий для широкого участия сотрудников в преобразованиях (инструменты: устранение препятствий; замена систем или структур, дискредитирующих идею перемен; содействие всем, кто не боится риска, мыслит и действует нетрадиционно);
6. Получение скорых результатов (инструменты: планирование видимых всем позитивных перемен; умение добиваться этих выигрышей, моральное и материальное поощрение тех, кто обеспечил позитивные перемены);
7. Закрепление достигнутых успехов и углубление перемен (инструменты: с ростом доверия облегчается задача замены всех несоординированных структур, систем и политики, которые не удовлетворяют целям изменений; принятие на работу сотрудников, способных претворить в жизнь новое видение, содействие их служебному и квалификационному росту; углубление реформ с помощью новых проектов, программ и агентов изменений);
8. Ускорение изменений в корпоративной культуре (инструменты: совершенствование работы на основе обеспечения нужд клиентов, роста производительности, улучшения стиля руководства и повышения эффективности менеджмента; разъяснение связи нового стиля работы и организационных успехов; разработка способов совершенствования руководства и его преемственности).

На прикладном уровне управление изменениями в организационной культуре включает в себя [9; 336–337]:

- изменение поведения менеджеров и переключение их внимания и усилий на другие показатели;
- изменение подхода к кризисным ситуациям, разработка четкого плана управления в кризисных ситуациях;
- изменение критериев отбора и служебного продвижения персонала;
- изменение системы вознаграждения для того, чтобы подкрепить желаемое изменение поведения;
- изменение догмата – официальных формулировок миссии, целей, ценностей и убеждений и неоднократное разъяснение этого персоналу;
- изменение обычаев, ритуалов и церемоний.

Следует отметить, что практически всеми отечественными и зарубежными исследователями обозначаются (или подразумеваются) следующие этапы: осознание организационных проблем и их связи с организационно-культурными факторами; диагностика организационной культуры и выявление ее слабых сторон; разработка и внедрение механизма изменения организационной культуры и ее развития в требуемом направлении; контроль осуществленных мероприятий, необходимая корректировка и закрепление достигнутых результатов.

Однако такой подход представляется фрагментарным: в реальности механизм управления организационной культурой должен быть имманентно встроен в общий процесс управления организацией, а не выступать как единовременная реакция на возникшие в данный момент времени проблемы предприятия. По этой причине диагностика, инструменты и все процедуры, связанные с управлением организационной культурой, должны быть зафиксированы в стратегии предприятия. К сожалению, процессное и системное восприятие управления организационной культурой (когда оно включается в стратегию предприятия) еще не получило широкого распространения в бизнес-среде.

В научно-исследовательской литературе достаточно широко представлены социальные и психологические способы изменения организационной культуры (в более широкой трактовке их можно было бы обозначить как ценностные механизмы изменения организационной культуры). При этом на второй план отходят вопросы, касающиеся непосредственно управленческих аспектов. С управленческой точки зрения целесообразно выделять три группы способов изменения организационной культуры: социально-психологические и воспитательные; организационно-распорядительные (административные); материальные. В качестве социально-психологических и воспитательных можно рассматривать такие способы изменения организационной культуры, как проведение корпоративных тренингов, менторинг, корпоративные и межкорпоративные соревнования и т. п. Организационно-распорядительные способы отталкиваются от существования в предпринимательских системах иерархии власти. Используя эту власть, руководители могут изменять организационную культуру. Экономические способы базируются на удовлетворении утилитарных потребностей людей в их стремлении жить как можно лучше. Подчеркнем, что четкой разграничительной линии между этими способами не существует: все они взаимопроникают и обусловливают друг друга. Наиболее ярким примером такого взаимопроникновения является процедура увольнения работников. Увольняя, мы задействуем одновременно и социально-психологические, и административные, и экономические способы изменения организационной культуры.

Важное значение при управлении организационной культурой имеют размеры предприятия. Очевидно, что если под руководством предпринимателя (менеджера) находится несколько человек, а оборот его бизнеса относительно невелик, то вряд ли такому руководителю необходимо приглашать бизнес-консультантов со стороны или создавать специальное подразделение для реализации функций управления организационной культурой. При руководстве же средней или крупной по размерам фирмы силами одного руководителя не обойтись, необходимо привлечение специалистов со стороны в виде найма (лизинга) работников на долгосрочной основе или приглашения бизнес-консультантов. Кроме того, крупные компании сами могут оказывать определенное влияние на отраслевую и национальную культуры [5; 63].

Следует помнить о том, что сегодня управление организационной культурой – это модно, и поэтому, следуя моде, многие отечественные руководители начинают заниматься данным видом управления без объективных на то причин, так как подчас уже существующая организационная культура является эффективной. Отсюда возникает необходимость предварительной диагностики состояния организационной культуры в фирме. Данный вид диагностики руководству необходимо провести самостоятельно. В качестве базовых параметров диагностики можно использовать следующие показатели: уровень конфликтогенности в коллективе; уровень и причины текучести кадров; жалобы со стороны клиентов, партнеров по бизнесу; уровень брака; производительность труда; уровень производственного травматизма; случаи нарушений трудовой, технологической, производственной дисциплины. Если показатели, отражающие состояние этих параметров, имеют высокую отрицательную динамику, то следует задуматься о реализации функции управления организационной культурой. При этом инструментами мониторинга могут выступать метод SWOT, экспертные методы диагностики проблем и т. п.

После проведения предварительной диагностики возможна следующая последовательность действий:

1. Комплексный мониторинг организационной культуры, который может быть осуществлен самостоятельно или с привлечением специалистов со стороны. На этом этапе необходимо выявить ключевые проблемы, связанные с организационной культурой, систематизировать эти проблемы и наметить возможные пути их решения. Комплексные методы диагностики широко представлены в учебной и научно-исследовательской литературе. О некоторых из них речь пойдет ниже.

2. Создание стратегии управления организационной культурой. Стратегия управления организационной культурой может рассматриваться как самостоятельная стратегия. В этом случае ее разработка может осуществляться параллельно с созданием основной стратегии фирмы. При этом стратегия развития организационной культуры выступает как элемент (подраздел) общей стратегии развития организации. Возможна ситуация, когда стратегия управления организационной культурой «распылена» среди функциональных стратегий и выступает как их составная часть. Например, подраздел «Финансовая стратегия фирмы и управление организационной культурой» включается в финансовую стратегию фирмы, а подраздел «Кадровая стратегия фирмы и организационная культура» выступает как подраздел кадровой стратегии. При документальном оформлении стратегии управления организационной культурой целесообразно выделять следующие пункты:

- миссия фирмы, или то, ради чего реализуется управление организационной культурой;
- ответственные за реализацию эффективного управления организационной культурой, их права и обязанности;
- инструментальные стратегии: управление организационной культурой через соответствующие изменения в организационной структуре, правах и обязанностях работников, регламентах, правилах, процедурах, взаимоотношениях с клиентами, партнерами по бизнесу, корпоративных кодексах, в поведении руководства компании и ее работников, ценностях, которые исповедуются организацией, артефактах, технологии производства, трудовых операциях и т. п. В инструментальных стратегиях целесообразно прописать механизм создания, изменения, распространения, уничтожения организационных ценностей (в том числе раскрыть системы информирования, стимулирования и мотивации работников);
- связь с другими стратегиями, реализуемыми в рамках стратегического управления;
- бюджет стратегии и ресурсы, которые организация может мобилизовать для ее реализации.

3. Реализация стратегии управления организационной культурой. Одним из ключевых элементов, способствующих эффективной реализации стратегии, является установление предельных, реально выполнимых календарных сроков для решения важнейших задач.

4. Проведение контроля, или аудита, организационной культуры и, в случае необходимости, соответствующая корректировка результатов реализации стратегии или самой стратегии.

Этапы управления организационной культурой существенно модифицируются, если данное управление осуществляется в предпринимательских системах органического типа. В них механизм мониторинга (диагностики), изменения и адаптации организационной культуры изначально заложен (встроен автоматически), во-первых, в самой организационной культуре, во-вторых, в стратегии компании. Здесь уместно процитировать слова Г. Саймона: «Самоопределение организации означает присутствие стратегических планов в умах членов организации, где они имеют непосредственное воздействие на весь процесс принятия решений, начиная с определения проблем, переходя к разработке альтернативных курсов действий и приводя, в конечном счете, к эффективному воплощению решений» [7; 342].

Принципиально важен вопрос о роли и месте стратегии в управлении организационной культурой. Здесь можно выделить две проблемные области.

Некоторые исследователи признают, что при создании предприятия первична стратегия. Другие считают, что первична организационная культура. Если обратиться к ключевым элементам организационной культуры, то можно увидеть сложную систему прямых и обратных связей между организационной культурой и стратегией. С одной стороны, стратегия является продуктом управленческой деятельности, а значит, прямо зависит от культуры управления, которая, в свою очередь, во многом определяется культурой труда и производства. Связано это с тем, что культура труда включает в себя некоторые базовые ценностные установки, которые зависят не от внутренних переменных создаваемого бизнеса (изначальное отношение к труду работников и самого создателя предприятия, их дисциплинированность, эрудированность в области управления деловой организацией и т. д.), а от культурных установок, которые организация «получает» извне[1]. Поэтому от культуры труда даже зависит, появится ли стратегия предприятия в четко сформулированном виде. Культура производства будет определять технологические (отраслевые) параметры создаваемого бизнеса, которые также находят свое отражение в стратегии. В свою очередь, культуры труда, производства и управления будут испытывать влияние со стороны стратегии[2]. Когда предприятие только создается, прообразом будущей стратегии становятся идеи его создателей, а также бизнес-план.

Идеи создателей и бизнес-план будут влиять на параметры культуры труда и производства создаваемого предприятия. С началом деятельности предприятия начнут возникать цепочки прямых и обратных связей. По мере становления организационной культуры элементы стратегии будут шлифоваться, оттачиваться и конкретизироваться, отражая уникальные черты данной организации. Под влиянием этих процессов возникнут изменения во всех элементах организационной культуры.

Возможны случаи несоответствия организационной культуры и стратегии. Считается, что можно выделить три нормативные ситуации во взаимоотношениях между культурой и стратегией [11]: 1) соответствие стратегии и поверхностного уровня культуры (уровня артефактов); 2) соответствие стратегии и подповерхностного уровня культуры; 3) соответствие стратегии и базовых (глубинных) предположений культуры. Идеальным признается случай соответствия всех трех уровней организационной культуры стратегии.

Предположим, что предприятие уже создано и имеет, во-первых, стратегию и, в-вторых, сложившуюся организационную культуру. Возможно два сценария развития стратегии компании и ее культуры в случае изменений во внешней среде (см. схему 2).

Остановимся подробнее на технологиях преобразования организационной культуры, выделенных по критерию реакции на изменения в среде предприятия.

Последние два с половиной десятилетия развития менеджмента характеризуются настоящим бумом крупных концепций усовершенствования управления деловой организацией. Ниже приводятся некоторые из них, получившие наибольшую популярность в бизнес-среде:

1. Проекты, нацеленные на радикальную перестройку архитектуры компаний и внедрение решений прорывного характера: перепроектирование процессов; реинжиниринг бизнес-процессов; бенчмаркинг процессов.
2. Проекты внедрения новых информационных технологий, включая применение программных средств и методов: управление взаимоотношениями с потребителями; структурный анализ; электронная торговля между предприятиями (схема B2B); электронная торговля с потребителями (схема B2C); управление ресурсами предприятия (стандарт MRP II); управление знаниями.
3. Проекты создания технологических процессов изготовления новой продукции.
4. Проекты, основанные на применении технологии «Шесть сигм».

На практике успешными являются только 26 % от общего числа инициируемых проектов, а 40 % проектов в областях, связанных с применением информационных технологий, оказываются безрезультатными [10; 21]. При этом наиболее неудачными оказались следующие подходы: контроль качества, всеобщий контроль качества, бездефектное производство, TQM, модернизация процессов, методология «Шесть сигм», международный стандарт ИСО 9001:2000 [10; 32].

Таким образом, современная управленческая мысль находится в постоянном поиске наиболее оптимального подхода к организационным изменениям. Однако уже сегодня четко обозначились подходы, методология которых в той или иной мере присутствует во всех других подходах. Условно эти подходы можно разделить на две группы: революционные и эволюционные. В качестве первых можно обозначить: перепроектирование, реинжиниринг бизнес-процессов, бенчмаркинг и даунсайзинг. Представителями второй группы являются метод постоянного улучшения качества Джурана и кайзен-метод.

Схема 2. Изменения во внешней среде и сценарии развития стратегии предприятия и его организационной культуры

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Клифф Боумен, изучая взаимодействие культуры и стратегии, отмечает, что культура влияет на стратегию двояко. Во-первых, как внешний фактор по отношению к организации (то, что люди «привносят» с собой из окружающего мира). Во-вторых, как внутренний фактор (результат деятельности всех сотрудников определяет возникающую стратегию организации) [2; 162–163].

[2] Здесь уместно процитировать слова Дж. Коттера: «Полезно руководствоваться практическим правилом: когда бы вам ни довелось услышать о крупном проекте реструктуризации, совершенствования эффективности или изменения стратегии, в которых первой стадией является “изменение культуры”, всегда знайте, что это – достаточное основание для сомнения в правильности выбранного пути» [6; 202].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армстронг М. Основы менеджмента. Как стать лучшим руководителем: Пер. с англ. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 512 с.
2. Боумен К. Стратегия на практике: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 251 с.
3. Грошев И. В. Организационная культура в системе менеджмента современного российского предпринимательства: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. Тамбов, 2007. 42 с.
4. Гэлэгер Р. Душа организации. М.: Добрая книга, 2006. 352 с.
5. Конти Т. Качество: упущенная возможность? М.: РИА «Стандарты и качество», 2007. 216 с.
6. Коттер Дж. Впереди перемен: Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. 256 с.
7. Ларичев О. И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных странах. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 392 с.
8. Перминова С., Тульчинский Г. Культура фирмы. СПб.: Алетейя, 2006. 292 с.
9. Хант Дж. Управление людьми в компаниях: руководство для менеджера: Пер. с англ. М., 1999. 360 с.
10. Харрингтон Дж., Воул Ф. Совершенство управления знаниями: Пер. с англ. М.: РИА «Стандарты и качество», 2008. 272 с.
11. Gagliardi P. The creation and change of organizational cultures: A conceptual framework // Organization Studies. 1986. № 7. P. 117–134.

УДК 82-93

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕЁЛОВ
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: **Колесова Л. Н. Детские журналы России. XX век. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 369 с.**

Фундаментальная монография Л. Н. Колесовой посвящена важной теме, актуальность которой сегодня не требует доказательств. В истории детских журналов XX века, как в зеркале, отразилась вся столетняя история страны, ведь давно известно, что характер эпохи непосредственно и правдиво проявляется прежде всего в детской душе.

Л. Н. Колесову интересуют преимущественно самые многочисленные, подростковые детские журналы, получившие в практическом обиходе название пионерских. Цель своей работы Л. Н. Колесова формулирует, на первый взгляд, очень просто: «…показать, как происходило развитие детских журналов на протяжении XX столетия, выявить своеобразие их пути» («Введение»). Однако за этой кажущейся простотой скрывается сложнейшая задача, решить которую может далеко не всякий исследователь. Мало того, что фактический материал и во временном плане (100 лет), и в количественном (попробуйте хотя бы просто прочитать все номера детских журналов за столетие) поистине огромен, он еще и разнороден (в любом номере любого журнала, как правило, есть и фольклорные, и литературные произведения, публицистика, научно-популярные – физические, биологические, исторические и т. д. – статьи и заметки и проч.). Поэтому исследователю, взявшемуся за решение указанной задачи, необходимо профессионально знать историю русской журналистики, быть педагогом и психологом, историком литературы и литературным критиком, фольклористом, разбираться в различного рода гуманитарных и естественно-научных, вплоть до технических (журнал «ЮТ»), науках, – этот список можно продолжать. При этом, как подчеркивает Л. Н. Колесова, «при анализе журнального материала необходимо соотносить его с другими публикациями, понять задачу, которая стояла перед автором и редакцией, и учитывать условия его появления» (Гл. 4).

Со всеми этими трудностями Л. Н. Колесова великолепно справилась. В результате получилась интересная, глубокая, подчеркну еще раз, – фундаментальная работа, в которой представлена как история русских детских журналов XX века, так и продуманная теоретическая концепция специфики детской журналистики в России прошлого века. В «Заключении» история детской журналистики прошедших десятилетий, а также ее аналитическое осмысление очень удачно становятся своеобразной отправной точкой для характеристики детской журналистики постсоветского периода. «Известно, – замечает Л. Н. Колесова, – что в периоды смены общественно-экономических формаций проблемы культуры решаются наиболее радикально, критика культурного наследия предшествующей эпохи часто превращается в сокрушение этого наследия. Наиболее сильные удары обрушиваются на головы самых талантливых и известных художников». Положение дел также усугубляется тем обстоятельством, что «в 90-е годы детскую литературу и журнали-

© Неёлов Е. М., 2009

стику кинули в рынок практически без какой-либо поддержки: комсомол, чьим изданием были все пионерские журналы, был упразднен, государство самоустранилось» («Заключение»). В этих условиях учет опыта прошедших десятилетий, конструктивный анализ как побед, так и поражений на пути, пройденном в XX веке детской журналистикой, является, по мысли автора монографии, эффективным средством для поисков выхода из кризиса.

Важно отметить, что Л. Н. Колесова постоянно подчеркивает неразрывную связь детских журналов и собственно детской литературы, выделяя в этом плане журналы «Костер» и «Пионер», напечатавшие «немало произведений, которые в значительной степени определили развитие современной детской литературы» (Гл. 5).

Научная новизна монографии Л. Н. Колесовой делает ее ценным пособием для всех, кто занимается изучением детской литературы и журналистики. Она также важна и для изучения «взрослой» русской литературы XX века, так как в ней рассматриваются аспекты, редко попадающие в поле зрения «взрослых» филологов (например, роль детских произведений известных писателей, публиковавшихся в изучаемых журналах, наличие «двух адресов» в детских произведениях, включающее их в историю «взрослой» литературы, и т. д.). Таким образом, монография Л. Н. Колесовой «Детские журнала России. XX век» представляет собой серьезное научное исследование, определяющее, по сути дела, целое направление дальнейших изысканий в избранной области.

Монография подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 07-04-02028А («Проблемы детской литературы и журналистики: перспективы выхода из кризиса»).

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, действительный член РАН, руководитель Центра эволюционной теории и экономического развития Института экономики РАН, г. Москва

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета ПетрГУ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

От редакции. 23–24 апреля в ПетрГУ состоялась научно-практическая конференция «Гуманитарные ценности в экономике» по инициативе экономического факультета при поддержке Оксфордского Российского фонда для студентов старших курсов, молодых преподавателей и ученых. В конференции приняли участие представители экономического, юридического факультетов, факультета политических и социальных наук ПетрГУ, Института экономики КарНЦ РАН, Министерства экономического развития РК, а также приглашенные эксперты: В. И. Маевский, доктор экономических наук, действительный член РАН, руководитель Центра эволюционной теории и экономического развития Института экономики РАН, г. Москва; С. Г. Кирдина, доктор социологических наук, заведующий сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики РАН, г. Москва. После мастер-класса «Нерешенные проблемы теории воспроизводства», проведенного академиком РАН В. И. Маевским, состоялась дискуссия, фрагмент которой предлагаем вниманию читателей, и приглашаем к обсуждению поставленных вопросов. (*Сохранен авторский стиль.*)

Маевский В. И.: Разрушительная сила финансовых кризисов все более нарастает, несмотря на это экономисты до сих пор не располагают адекватными инструментами, способными предупреждать о приближении таких кризисов и бороться с ними. По-видимому, одна из причин такого положения дел кроется в недостаточной проработке тех разделов фундаментальной экономической теории, которые имеют отношение к кругооборотам индивидуального капитала, корпоративного капитала и совокупного (общественного) капитала. Эти разделы впервые сформировал К. Маркс, посвятив им не только весь второй том «Капитала», но и частично первый и третий тома. Однако в XX веке его исследование не было продолжено. Насколько мне известно, до сих пор не создано ни одной модели, которая описывала бы превращение денежного капитала в физический и физического в денежный. В мировой экономической науке моделируются другие кругообороты, например, в моделях В. Леонтьева и П. Сраффы кругооборотом называется процесс, в котором потребление некоторого набора товаров приводит к созданию аналогичного набора товаров. Денежный капитал в таком кругообороте отсутствует. Сама категория «денежный капитал» не вошла в активный научный оборот (далеко не каждый экономический справочник определяет ее, а те, которые определяют, далеко не всегда делают это корректно). Соответственно, статистика не рассчитывает показатель денежного капитала. По моей

© Маевский В. И., Акулов В. Б., 2009

оценке, денежный капитал США, участвующий в кругообороте совокупного капитала, по состоянию на конец 2007 года составил 13–17 *триллионов* долларов. Это примерно в 2 раза больше американского денежного агрегата М(2), равного в 2007 году 7,4 триллиона долларов и сопоставимо с годовым ВВП – 13,8 триллиона долларов (см.: *www.census.gov/compendia/statab. Table 752*). Получается, что за пределами экономического анализа оказался гигантский по своим масштабам экономический процесс. Поэтому возникают вопросы. Например, какая связь между денежным капиталом экономики и ее денежным агрегатом М(2)? Может быть, это разные ипостаси одних и тех же денег? Но тогда почему они столь резко (в 2 раза) отличаются друг от друга? Или это счетные ошибки, или что-то другое? И такой вопрос. Поскольку денежный капитал воспроизводится посредством перенесения «стоимости» (точнее, денежной оценки, поскольку стоимость – это время, затраченное на производство блага, а время переносить нельзя) потребленного физического капитала на продукт, а основной капитал (часть физического) потребляется в течение всего срока его жизни, то не может ли быть, что амортизационные деньги составляют значительную часть *длинных* денег, о которых так много пишут современные экономисты? Такой способ формирования длинных денег (капиталист вполне может накапливать часть амортизационных отчислений на долгосрочном депозите, позволяя банку предоставлять длинные кредиты) почему-то не обсуждается в экономической литературе.

Однако самое главное, что, на мой взгляд, заслуживает внимания, – это выяснение роли фиктивного капитала в кругооборотах корпоративного и совокупного капитала. Фиктивный капитал (капитал в форме ценных бумаг, в частности, акций и облигаций) не участвует непосредственно в метаморфозах денежного капитала в физический и физического в денежный. Данный капитал – это своего рода тень корпоративного капитала. При своем первичном размещении фиктивный капитал равен ценности физического капитала корпорации и является или удостоверением прав собственности на капитал плюс права на получение части дохода от собственности, или только удостоверением права на получение дохода. Если бы фиктивный капитал постоянно находился без движения, то никаких проблем не возникало бы.

Однако, как мы все хорошо знаем, фиктивный капитал, не будучи денежным капиталом, может выступать и выступает в качестве залога, под который банк предоставляет кредит и тем самым создает новые деньги, дополнительные к наличному денежному капиталу. *Тень* оживает за счет так называемой секьюритизации активов. Новые кредитные деньги, с одной стороны, порождают эволюционную инфляцию, о которой писал Й. Шумпетер, с другой – обычную инфляцию. Однако в обоих случаях они негативно влияют на *существующие* кругообороты индивидуальных и корпоративных капиталов. Чем старше основной физический капитал корпорации или индивидуальной фирмы и, стало быть, чем в большей мере этот капитал превратился в денежный, тем болезненнее для него инфляционный шок. Если учесть, что наряду с корпорациями крупным эмитентом ценных бумаг выступает государство, не исключено, что сила инфляционного шока периодически может быть запредельно высокой. Почему же этого не происходит? Следует обратить внимание на особую роль фондового рынка, который способен демпфировать обычную инфляцию (проявляющуюся в росте цен на товары и услуги) посредством необычной инфляции, а именно *инфляции ценных бумаг*, или *инфляции фиктивного капитала*. Поясним сказанное. Деньги, которые ежедневно обслуживают функционирование фондового рынка, его многомиллиардные операции, физически не могут одновременно обслуживать те кругообороты капитала, которые совершаются в реальном секторе экономики. На фондовом рынке действуют другие деньги. Разумеется, деньги реального сектора экономики способны переходить на фондовый рынок, но в таком случае размер чисто производственных трансакций сокращается, что грозит экономической рецессией. Если же рецессии нет, а индексы типа *Dow Johnes* или *Standard and Poor's* растут, то это значит, что часть избыточных денег не попала в реальный сектор экономики. Вместо того чтобы спровоцировать сильную товарную (обычную) инфляцию, эти избыточные деньги приводят к повышению цены фиктивного капитала относительно корпоративного (реального), тенью которого является фиктивный капитал.

Повышение цены фиктивного капитала относительно восстановительной стоимости основного физического капитала как раз и характеризует инфляцию фиктивного капитала. В свете сказанного становится понятным, почему в США или Китае, несмотря на активный рост ликвидности (за которым стоит политика бюджетного дефицита и секьюритизации активов), индекс инфляции находится на уровне 2–3 %. Избыточные деньги абсорбирует фондовый рынок. Соответственно, индексы типа *Dow Johnes* или *Standard and Poor's* в том случае, если они растут быстрее, чем качество основного физического капитала, представляют инфляцию фиктивного капитала.

Если идти дальше, то становится ясным, почему несостоятельна знаменитая количественная теория денег, в частности, утверждение о наличии статистически значимой зависимости между инфляцией и уровнем монетизации экономики так же, как и приростом денежной массы. Высказанные мною положения согласуются с позицией С. Глазьева, хотя последний видит основную причину отрицательной корреляции между приростом денежной массы в России и инфляцией не

в действии фондового рынка, а в научно-техническом прогрессе и инновационной активности (см.: Глазьев С. О практичности количественной теории денег // Вопросы экономики. 2008. № 7).

Мне известно большое количество научных работ о проблеме обычной (товарной) инфляции. Эта тема активно обсуждается во всех учебниках. Однако в учебниках, в том числе западных, ничего не говорится об инфляции капитала. Между тем данная инфляция, как я полагаю, имеет прямое отношение к финансовым кризисам. Дело в том, что деньги, циркулирующие на фондовом рынке, отличаются от денег, циркулирующих на товарном рынке реального сектора. Последние, как правило, достаточны для того, чтобы обслужить куплю-продажу всей товарной массы, тогда как первые никогда этого не делают. Они обслуживают сделки, составляющие максимум 5–10 % всего фиктивного капитала. Если же по какой-то причине игроки фондового рынка начинают сбрасывать крупные пакеты акций (паника, катастрофа и другие эксцессы), и этот сброс составит, скажем, 20 % всего фиктивного капитала, у покупателей не окажется достаточно денег, чтобы приобрести эти пакеты. Отсюда – резкое удешевление ценных бумаг с угрозой последующего банкротства тех компаний, которые эти бумаги эмитировали, или тех банков, которые создали новые деньги под залог этих бумаг. Единственный вывод из сказанного: есть крупная проблема, которая недостаточно изучена и которую следует изучать.

Акулов В. Б.: Уважаемые коллеги, я хотел бы высказаться по поводу того материала, который мы получили, и положений, которые здесь представил Владимир Иванович. Мне кажется, что здесь много плодотворных идей. Первое, на что я хотел бы обратить внимание. Если говорить о механизме кризиса, то сейчас очень много говорят, что кризис 2008–2009 годов существенно отличается от всех предыдущих. Я посмотрел историю кризисов и обратил внимание на одну очень интересную вещь. 1847 год, Великобритания, один из первых кризисов, когда у нас еще практически не было развитой акционерной формы капитала. Причина кризиса – железнодорожные акции. Они воспринимались экономическими субъектами примерно так же, как subprime ипотека в 2009 году. Возрастала купля-продажа таких акций, и, в конечном итоге, возник фондовый пузырь. Механизм кризиса, который был в Великобритании 160 лет назад, очень похож на тот, который был у нас в 2008–2009 годах. Правда, это может быть *только видимость*.

Можно приглядеться, например, к ежегодным публикациям журнала Forbes (Forbes 2000), к списку 2000 крупнейших компаний мира. Там используются четыре показателя: 1) продажи, 2) прибыль, 3) активы (валюта баланса) и 4) капитализация. Есть интересная информация: начался кризис, и по итогам 2008 года наметился

Доктор экономических наук, профессор В. Б. Акулов (слева) и доктор экономических наук, действительный член РАН В. И. Маевский

существенный разрыв между активами крупнейших компаний мира (то, что «нарисовал» бухгалтер) и их капитализацией. Капитализация существенно упала по сравнению с размерами активов. А до кризиса она достаточно быстро росла.

Теперь смотрите, какие здесь есть интересные вещи, которые могут объяснить ту проблему, которую поставил Владимир Иванович. Я беру список Forbes. Первое место по активам, то есть итоговой строки бухгалтерского баланса, занимает Royal Bank of Scotland с активами почти в 3500 млрд долларов. Откуда у банка, который входит в лучшем случае во вторую пятерку крупнейших банков мира по реальной деятельности предоставления кредитов, не говоря уже о капитализации, такая величина активов? При этом самая крупная компания реального сектора (Royal Dutch Shell) имеет валюту баланса около 300 млрд долларов, то есть на порядок меньше. И почему именно шотландский, а не американские банки, которые лидируют в банковском секторе? Мне кажется, что возвышение английских банков по этому показателю в списке Forbes 2000, а также других британских банков (HSBC и пр.) не в последнюю очередь объясняется отсутствием в Великобритании практики обязательного резервирования. Бесконечность денежного мультипликатора приводит к тому, что эти денежные сделки совершаются без отчислений в резервы Банка Англии, и это приводит к огромнейшему мультиплицированию активов.

Я хочу сказать, что помимо фондового рынка, который играет очень важную роль, связанную с оборотом «тени капитала», как говорил академик В. И. Маевский, этот кризис также спровоцирован раздуванием активов банков. Не только subprime ипотека, которая характерна, прежде всего, для США, но ведь кризис начался почти сразу же во всем мире, и не только потому, что плохо стало американской экономике, но и из-за того, что банковский сектор за счет этого безудержного денежного мультиплицирования создал огромное количество денежного фиктивного капитала.

Маевский В. И.: Но они же наверняка соблюдали коэффициент достаточности? Значит, они накачивали активы за счет чужого капитала! Умные ребята!

Акулов В. Б.: Совершенно верно. Теперь смотрите! Валюта баланса «Газпрома» – порядка 280 млрд долларов, его капитализация – 75, но еще год назад его капитализация была почти 310 млрд долларов при валюте баланса в 200 млрд долларов.

Если бы мы взяли список Forbes не апреля 2009 года, о котором я сейчас говорю, а апреля 2008 года, то мы бы увидели, что по компаниям реального сектора капитализация, как правило, превышает величину активов: ценник фондового рынка существенно больше ценника, который «выдает» бухгалтер. При анализе компаний финансового сектора мы бы увидели прямо противоположную ситуацию (разрыв в 5–10 раз!).

Что же мы «просмотрели»? Мне кажется, что экономическая наука, уделяя большое внимание развитию фондового рынка, не заметила, вероятно, что такие финансовые институты, как банки и страховые компании, превратились в самостоятельный механизм надувания *пузырей фиктивных денег*. Они, возможно, были всегда, но пузырь от деятельности банков всегда был значительно меньше, чем пузырь фондового рынка.

Посмотрите, индекс *Dow Johnes* достиг в январе 2000 года 11700 пунктов, после он рухнул до 7280, затем рос в течение восьми лет. Новый спад начался в 2008 году примерно с 13500 пунктов. Японская экономика с 1990 года, когда индекс Nikkei составил почти 40000, так до сих пор и не оправилась. И в лучшем случае сейчас это 35–40 % на пике падения Nikkei в августе–сентябре 2008 года от тех сорока тысяч, которые были.

Поэтому мне представляется, что в этой волне, которая началась с 2001 года, *огромную роль в надувании пузыря сыграл не только фондовый рынок, как мы традиционно привыкли думать, но и финансовые институты (банки, страховые компании)*. Там, где, предположим, не было практики обязательного резервирования, происходило бесконечное мультиплицирование денежной массы, вплоть до абсолютно неразумного. Это **первое.**

Второе. Банки, *конечно же, поучаствовали весьма заметно в надувании пузыря subprime ипотеки*, то есть не только фондовый рынок, но и банковское сообщество поучаствовало в ***инфляции капитала***. Почему? Например, у нас есть некий физический капитал, и его денежная оценка возрастает, потому что увеличивается количество сделок с капиталом. Предположим, это касается покупки 3 % акций, но это отражается и на всем пакете акций. На самом деле, в деньгах этот физический капитал стоит теперь дороже, значит, происходит его **инфляционное обесценивание**.

С другой стороны, это очень мощный громоотвод для сектора реальных товаров, с которым сталкиваются потребители. У меня есть подозрение, что в экономической системе существует некая условная константа обесценения (инфляции), которая перераспределяется между различными частями системы. Почему на Западе низкая потребительская инфляция? Потому что там выше инфляция капитала. Почему в России высокая потребительская инфляция? Потому что в Российской Федерации, несмотря на все подвижки индексов РТС и ММВБ, институты фондового рынка развиты слабо. Это, вероятно, может обусловить и низкую инфляцию капитала.

Может быть, нужно обдумать ситуацию, связанную не только с ролью банков, а еще и с некой *константой, которая существует в экономической системе*. В результате происходит определенное перераспределение той же самой инфляции между сектором товаров и сектором капитала. Когда развит фондовый рынок и банковская система, инфляция капитала идет быстрее, чем инфляция товаров, и поэтому та реальная инфляция, с которой сталкивается потребитель, ниже. Если в экономике имеет место слабое развитие институтов фондового рынка и всего, что с ними связано (банки, страховые компании и проч.), то мы сталкиваемся с противоположной ситуацией.

Давайте сравним в этой связи российскую и китайскую экономики. Институт фондового рынка в Китае более развит, и емкость фондового рынка в Китае существенно выше, чем в Российской Федерации. Потребительская инфляция в Китае существенно ниже, чем в нашей стране.

Кажется, что здесь существуют плодотворные идеи, с которыми можно выходить на профессиональное сообщество и задумываться над ними. Тень отца Гамлета привела к тому, что его имя стало нарицательным. Может быть, *тень капитала* в виде фиктивного капитала тоже создаст своего «Гамлета» – экономическую пьесу, которая ответит на многие вопросы и многие годы будет востребована.

ПАМЯТИ МОИСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ГИНА

(К 90-летию со дня рождения)

М. М. Гин (1919–1984) – доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета, литературовед, литературный критик, заслуженный деятель науки Карельской АССР.

Уникальным явлением в истории гуманитарного образования в Европе назвал филологический факультет ЛГУ предвоенных и первых послевоенных лет Д. С. Лихачев. Ленинградская филологическая школа – это блестящая плеяда профессоров: В. М. Жирмунский, А. С. Орлов, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, Г. А. Бялый, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, В. Е. Евгеньев-Максимов. Моисей Михайлович Гин, как и его петрозаводские коллеги – В. М. Морозов, И. П. Лупанова, К. В. Чистов, принадлежит к первому послевоенному поколению литературоведов, вышедших из этой школы.

В 1941 году М. М. Гин окончил четвертый курс филологического факультета. Великая Отечественная война для Моисея Гина началась летом 1941 года с партизанского рейда по тылам врага. В документальных очерках А. Ф. Бережного «Они сражались за Родину. Универсанты в годы войны и в послевоенные годы», изданных Санкт-Петербургским университетом в 1995 году, помещен такой документ: «Приказ № 57. г. Ленинград. 20 октября 1941 г. Гина М. М. – пожарного, с 16 октября считать призванным в ряды РККА». Пожарными называли тушителей так называемых «зажигалок» – небольших термитных бомб, вызывавших пожары. Затем была действующая армия, ленинградский фронт, когда М. Гин был поначалу солдатом, как тогда говорили, красноармейцем, а с 1943 года – командиром взвода, позднее – командиром роты. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями, среди которых редкая медаль ленинградских партизан.

Окончилась война. Для М. М. Гина, увлеченно и успешно занимавшегося в студенческие годы в семинаре выдающегося некрасоведа В. Е. Евгеньева-Максимова, это стало возвращением к любимому учителю и любимому поэту. Однако справедливости ради следует сказать, что поступление в аспирантуру для М. М. Гина оказалось далеко не простым. Многолетний и преданный друг Моисея Михайловича Т. А. Беседина, доцент кафедры литературы Ленинградского университета, вспоминает об этих драматических днях: «Мы в недоумении. Нет, в негодовании. Фронтовик, член партии, все сдал отлично. …Избиение “космополитов” еще в недалеком, но будущем, а в предвоенные годы мы жили в атмосфере полного интернационализма. Не могу точно воспроизвести последовательность и форму его действий, но Владислав Евгеньевич (В. Е. Евгеньев-Максимов. – *И. Г., С. Л.*) дал слово (это мне говорилось, я слышала), что он своего добьется. И всей громадой своего тела и авторитета он ринулся на борьбу с министерскими чиновниками. И победил». С тех пор для Гина началось изучение творчества Н. А. Некрасова, которое длилось почти 40 лет. Молодому аспиранту была поручена работа по атрибуции некрасовских текстов в томе, включавшим в себя критику и публицистику Некрасова. В 1947 году в Научном бюллетене ЛГУ вышли его первые работы: «Из неопубликованных материалов некрасовского архива» и «Новонайденные рецензии Н. А. Некрасова». За ними последовала написанная вместе с учителем В. Е. Евгеньевым-Максимовым в серии «Русские драматурги» книга «Николай Алексеевич Некрасов». В 1950 году вышел очередной – 9-й – том полного собрания сочинений и писем Некрасова в 12 томах с комментариями Гина. В этом же году в малой серии Библиотеки поэта издан трехтомник Некрасова, примечания и комментарии к которому были составлены М. М. Гином и Т. А. Бесединой. К защите кандидатской диссертации в 1950 году М. М. Гин пришел с большим научным «багажом» и уже несомненным авторитетом некрасоведа. Некрасову посвящена и докторская диссертация М. М. Гина на тему «Проблемы реализма поэзии Н. А. Некрасова», защищенная в ЛГУ в 1967 году. В течение многих лет М. М. Гин публикует серию статей об особенностях художественного метода Некрасова, цикл написанных с большим мастерством этюдов, среди которых «О двух легендах из “Кому на Руси жить хорошо”» и «О фольклорных источниках стихотворения “Генерал Топтыгин”». Кстати, разыскания фольклорной основы этого стихотворения Некрасова позволили Гину выявить его восточнославянские и финно-угорские, в частности карельские, истоки.

© Гин И. М., Лойтер С. М., 2009

В 1971 году в московском издательстве выходит книга с очень точным названием, передающим суть авторского замысла: «От факта к образу и сюжету». В последней биографии Некрасова, написанной В. В. Ждановым и изданной в серии ЖЗЛ, в приложенной краткой библиографии среди лучших книг о жизни и творчестве поэта рядом с работами К. И. Чуковского, В. Е. Евгеньева-Максимова, Б. Я. Бухштаба, Б. О. Кормана называется и эта книга М. М. Гина. Оценивая ее, друг и коллега Гина по занятиям Некрасовым, известный литературовед, доктор филологических наук, профессор М. В. Теплинский писал: «М. М. Гин убедительно доказал на примере поэзии Некрасова, что в процессе художественного творчества эмпирический материал преобразуется и обогащается авторским пониманием человека и мира. Это приводит к созданию духовных ценностей более сложных, богатых и содержательных, чем их непосредственные жизненные прототипы».

Далеко не все знают, что М. М. Гин стоял у истоков последнего академического издания сочинений и писем Н. А. Некрасова в 15 томах. Он написал письмо А. Т. Твардовскому с предложением немедленно начать подготовку к подлинно научному изданию. Вскоре был получен ответ (это было одно из последних писем А. Т. Твардовского, который был тогда уже очень болен): «14.IX.70. Уважаемый Моисей Михайлович! Мною доведено до сведения комитета по Некрасову Ваше предложение об академическом собрании сочинений. Дело это на поверку нешуточное, но кто-то будет ставить этот вопрос – мысль о необходимости “полного” Некрасова принята во внимание. Покамест суд да справа, как говорится, давайте Вашу записку, не повредит. С уважением. А. Твардовский». Поэтому когда было принято решение об издании Полного собрания сочинений Н. А. Некрасова, М. М. Гин стал его участником, успев подготовить тексты и комментарии к двум томам.

М. М. Гин – прежде всего историк литературы. И главная, но не единственная его тема – Н. А. Некрасов. Ему принадлежит немало исследований, посвященных как классикам (Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину, А. П. Чехову), так и писателям «второго ряда» (А. Ф. Писемскому, П. В. Засодимскому, В. М. Гаршину). Все работы, в том числе и 8 книг, отражены в посмертно изданном Библиографическом списке научных трудов, насчитывающем более 150 наименований и предваренном статьей члена-корреспондента АН ССР К. В. Чистова. Книги и статьи Гина вызывали многочисленные отклики, которые печатались в журналах «Русская литература», «Вопросы литературы», «Известия АН СССР», «Литературное обозрение», «Октябрь», «Север» и др. В числе его рецензентов был крупнейший французский славист А. Мазон, слависты Чехословакии, Польши, известные литературоведы: Б. Ф. Егоров, Б. Я. Бухштаб, А. М. Еголин, С. И. Машинский, Н. Л. Степанов, В. В. Жданов, А. М. Гаркави. В 1986 году кафедрой литературы Петрозаводского университета выпущен межвузовский сборник научных работ «Жанр и композиция художественного произведения», посвященный «светлой памяти профессора М. М. Гина». Статья о М. М. Гине содержится во 2-м томе Краткой литературной энциклопедии.

Еще одна ипостась литературоведа М. М. Гина – литературный критик, полноправный участник литературного процесса. С первых лет жизни в Петрозаводске М. М. Гин активно выступал как литературный критик на страницах прежде всего петрозаводских изданий с публикациями о литературно-художественной жизни Карелии, о творчестве и новых книгах писателей и поэтов (Р. Рождественского, В. Морозова, Д. Гусарова, Ф. Трофимова, А. Линевского, В. Соловьева, В. Белова, В. Чехова, А. Авдышева, молодых поэтов). В течение многих лет он возглавлял комиссию по критике Союза писателей Карелии.

С 1950 года до последних дней жизни кафедра литературы Петрозаводского университета, которой М. М. Гин заведовал с 1971 года, была единственным местом его работы. На протяжении многих лет он читал один из главных литературоведческих курсов – «История русской литературы XIX века», параллельно читал спецкурс по творчеству Н. А. Некрасова и совсем редкий для филологических факультетов спецкурс «Источниковедение и библиография русской литературы». Его лекции с незабываемо звучащими текстами были любимы всеми поколениями студентов. Только один пример: рассказ о дореволюционной цензуре середины XIX века – М. Е. Салтыков-Щедрин и «Поваренная книга». Цензурный устав того времени называли чугунным. Тем не менее у такого беспощадного сатирика книги выходили, конечно, ободранные цензурой, но выходили! Почему? Да потому что цензору не вменялось в обязанность читать между строк и расшифровывать намеки. Если можно так сказать, цензурировалось только то, что видно невооруженным глазом. И в те же годы в «Поваренной книге» писалось, что испекшийся пирог надо выставить на вольный дух. Вот этого цензура допустить не могла, и «вольный дух» был вычеркнут. Всем, хорошо знакомым с советской цензурой, тот давний цензурный устав, прозванный чугунным, кажется простодушным и наивным, как гоголевские старосветские помещики. По условиям советского времени Гин не мог сравнивать «век нынешний и век минувший», но кто хотел понимать, задумывались.

Учитель средней школы № 6 г. Петрозаводска Л. И. Калинина вспоминает: «Какой радостью и каким праздником было слушать эти лекции. И какой живой вставал Некрасов и тогда еще не совсем разрешенный Достоевский. …Как это глубоко, мы тогда плохо представляли. Понимание пришло много позднее, но то, что дал

университет, что получили от Моисея Михайловича, стало таким багажом, с которым можно было вступать в жизнь». Всем своим опытом и каждодневным трудом Гин, как и его коллеги, утверждает очевидную истину: уровень филологического образования (мы не берем другие сферы) определяют не самые современные технологии, а личность преподавателя, лекции которого становятся для студентов школой мысли и научного поиска, школой наглядной любви к своему предмету, школой воодушевления и счастья.

М. М. Гин – преподаватель был очень демократичен и терпим к чужому мнению. Один из его первых учеников-аспирантов, ныне известный ученый, профессор В. Н. Захаров заметил в интервью: «Когда Моисей Михайлович прочитал мою курсовую, он сказал: “Я с вами не согласен, но ставлю вам “отлично”. Моисей Михайлович, несмотря на несогласие с концепцией курсовой работы, стал моим руководителем. В работе над кандидатской диссертацией мне приходилось до всего доходить самому. Это было жизненной традицией М. М. Гина. Он считал, что аспирант должен сам становиться на ноги, что аспирантура – это форма научного творчества, я бы сказал, самостояния. Нас не ограничивали в выборе темы, с нами не вели обязательных семинаров. Чтение аспирантских опусов со стороны Моисея Михайловича сводилось в основном к редакторским замечаниям. Но вместе с тем мы обретали свободу научных поисков. И потому все аспиранты М. М. Гина – абсолютно разные люди с различными литературными пристрастиями. Думаю, что это его качество наиболее замечательно и ценно». Аспиранты М. М. Гина – это А. Е. Кунильский, ныне доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ПетрГУ; доцент, декан факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Т. И. Старшова; доценты кафедры литературы В. В. Яковлев, Е. А. Чернова; доктор филологических наук, профессор, проректор Марийского университета Н. Н. Старыгина. Среди учеников М. М. Гина – проректор по учебной работе ПетрГУ, кандидат филологических наук, доцент А. О. Лопуха; нынешние преподаватели кафедры русской литературы: профессора Е. М. Неёлов, И. А. Спиридонова, А. В. Пигин, Е. З. Тарланов, доценты Л. Н. Колесова, В. Н. Сузи; редактор газеты «Петрозаводский университет» (кстати, Моисей Михайлович был первым редактором газеты) Л. Г. Кириллова; известный карельский журналист А. В. Цунская; ответственный секретарь научного журнала «Ученые записки ПетрГУ», кандидат филологических наук Н. В. Ровенко; преподаватели Карельского государственного педагогического университета, доценты Т. В. Иванова и И. П. Тюриков; доктора наук, научные сотрудники Карельского научного центра Ю. И. Дюжев, Е. И. Маркова, Е. В. Сойни. А учеников-учителей и тех, кто работает в других сферах, несть числа. Мы оба и наш покойный сын Я. И. Гин тоже были учениками Моисея Михайловича, уроки которого – филологические и человеческие – остались в нас на всю жизнь. Эти уроки продолжаются и в новом поколении, что еще раз подтверждается научной студенческой конференцией филологического факультета, открывшейся в этом году заседанием, посвященным памяти М. М. Гина.

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ М. М. ГИНА

1. Николай Алексеевич Некрасов. 1821–1877. Л.; М.: Искусство, 1949. 84 с. (Русские драматурги) (Соавт.: В. Е. Евгеньев-Максимов).
2. Семинарий по Некрасову. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 228 с. (Соавт.: В. Е. Евгеньев-Максимов).
3. Н. А. Некрасов – литературный критик. Петрозаводск: Гос. изд-во КарАССР, 1957. 189 с.
4. Некрасов – драматург и театральный критик. Л.; М.: Искусство, 1958. 147 с. (Соавт.: Вс. Успенский).
5. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск: Кар. книжн. изд-во, 1966. 287 с.
6. Литература и время: Исследования и статьи. Петрозаводск: Карелия, 1969. 273 с.
7. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н. А. Некрасова. М.: Сов. писатель, 1971. 302 с.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. Стихотворения 1866–1877 гг. 447 с.; 1982. Т. 3. Стихотворения 1866–1877 гг. 511 с.
9. Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. Петрозаводск: Карелия, 1985. 184 с.

ПУБЛИКАЦИИ О М. М. ГИНЕ

1. Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 183.
2. Моисей Михайлович Гин: К 70-летию со дня рождения / Сост. Н. Г. Евсеева, Р. М. Беляева. Петрозаводск, 1988. 29 с.
3. Теплинский М. Высокая надежность (Штрихи к творческому портрету М. М. Гина) // Север. 1989. № 8. С. 105–106.
4. Калинина Л. И. Слово об учителе // Петрозаводский университет. 1994. 16 июня.
5. Кунильский А. Е. О М. М. Гине – десять лет спустя // Петрозаводский университет. 1994. 16 июня.
6. Беседина Т. А. Слово о друге // Петрозаводский университет. 1995. 3 февраля.
7. Захаров В. Н. «Не умею держать паузу»: интервью Т. Каракан // Лицей. 1995. № 5. С. 10.
8. Яковлев В. Учитель // Петрозаводский университет. 1999. 18 июня.

И. М. ГИН, литературный критик,
С. М. ЛОЙТЕР, доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы историко-филологического факультета КГПУ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«“КАЛЕВАЛА” В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

2–4 июня 2009 года
Российская академия наук
Карельский научный центр
Институт языка, литературы и истории

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН проводит международную научную конференцию «“Калевала” в контексте региональной и мировой культуры», посвященную 160-летнему юбилею полного издания эпоса.

В рамках конференции предполагается обсудить следующие вопросы:

- «Калевала» в мировом фольклорно-литературном контексте;
- эпические, лиро-эпические и лирические жанры фольклора: семантика и поэтика сюжетов, мотивов, образов (в свете типологических параллелей к «Калевале»);
- мифологические истоки традиционного мировоззрения народов Северной Европы;
- практика создания сводных эпических поэм на основе фольклорных материалов, проблемы перевода «Калевалы» и фольклорных текстов;
- язык фольклора;
- языковая картина мира (на материале фольклорной и диалектной лексики); сюжеты и образы «Калевалы» в профессиональном искусстве;
- мифология и действительность: отражение исторических, географических и этнографических реалий в фольклоре народов Европейского Севера.

По материалам конференции планируется издание академического сборника статей.

Оргкомитет конференции:
Учреждение Российской академии наук
«Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН»

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. Тел.: (8142) 781886
E-mail: conf@krc.karelia.ru

ХРОНИКА

■ 11 сентября 2008 года на базе Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Архангельске в рамках XVI Конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, организованной при содействии Института всеобщей истории РАН во главе с академиком А. О. Чубарьяном, состоялось заседание круглого стола «А. М. Коллонтай и страны Северной Европы».

Круглый стол был посвящен жизни и деятельности Александры Михайловны Коллонтай (1872–1952), знаменитой защитнице прав женщин и рабочего класса, талантливой писательнице и единственной женщине-дипломату советской эпохи. Среди выступавших были не только профессиональные историки из России (Архангельска, Москвы) и Скандинавских стран (Швеции и Норвегии), но и лингвист Дина Ролл-Хансен (Осло). В качестве гостя на круглом столе присутствовал старейшина отечественной нордистики – профессор А. С. Кан. Доклады звучали на шведском, норвежском и английском языках и освещали различные стороны как дореволюционной агитационной деятельности, так и дипломатической карьеры А. М. Коллонтай.

Первой выступила норвежская исследовательница Ингвиль Сёрби, под редакцией которой в 2008 году вышла коллективная монография «Революция, любовь, дипломатия. Александра Коллонтай и Север» (Revolusjon, kjærlighet, diplomati. Aleksandra Kollontaj og Norden / red. Y. Sørbye. Oslo: Unipub, 2008. 356 s.). С докладом на тему «А. М. Коллонтай как дипломат в Норвегии (первые годы)» выступил профессор В. В. Рогинский (ИВИ РАН, Москва). Он отметил, что жизнь и деятельность Александры Михайловны в целом хорошо известны, но ее полной, научной биографии еще не создано. А. М. Коллонтай представляла советское государство сначала в Норвегии (1922–1926 гг.), затем почти два года в Мексике, снова в Норвегии (1927–1930 гг.) и, наконец, полтора десятилетия занимала пост полномочного представителя СССР в Швеции (1930–1945 гг.). Дипломатическая карьера А. М. Коллонтай началась в качестве советника полпредства РСФСР/СССР в Норвегии (до признания де-юре торговой делегации), вскоре она стала официальным руководителем торговой делегации, а после признания СССР Норвегией де-юре в 1924 году – полноправным полпредом СССР в Христиании. Норвежский историк Уле Мартин Рённинг (Университет г. Осло) в своем выступлении осветил деятельность А. М. Коллонтай в качестве советского дипломатического представителя в Норвегии и показал ее вклад в норвежско-советские торговые отношения в 1920-е годы. Специалист по рабочему движению в Норвегии профессор Осмунд Эгге представил вниманию аудитории доклад «Дипломатические записки Александры Коллонтай как исторический источник». О. Эгге напомнил, что А. М. Коллонтай длительный период вела дневник, и подчеркнул, что так называемые «дипломатические дневники» или «записки» А. М. Коллонтай на самом деле являются лишь позднейшей переработкой дневников. Тему дипломатической службы А. М. Коллонтай в Швеции продолжил шведский исследователь профессор Кристер Вальбек, выступивший с докладом «Дневники А. Коллонтай из Стокгольма: новый взгляд на шведскую политику». По мнению К. Вальбека, даже при скептическом отношении к достоверности содержания чистовиков доступных историкам дневников А. М. Коллонтай необходимо проверить, насколько они соотносятся с материалами других шведских источников, которые, впрочем, также не являются истиной в последней инстанции. С докладом о гендерных аспектах в дипломатической карьере А. Коллонтай выступил профессор А. В. Репневский (Архангельск). Доклад А. В. Репневского был посвящен изучению характера делового диалога А. М. Коллонтай с окружавшими ее мужчинами в период дипломатической службы в Норвегии 1920-х годов, наиболее продуктивные годы ее работы. А. А. Комаров (ИВИ РАН, Москва) в своем докладе рассказал о деятельности А. М. Коллонтай в период ее пребывания на посту полпреда в Швеции, связанной с выведением Финляндии из Второй мировой войны. Последним прозвучал доклад переводчицы дневников А. М. Коллонтай с русского на норвежский язык Дины Ролл-Хансен «О переводе текста источника: дневники А. Коллонтай с точки зрения перспективы перевода». Резюмируя свое выступление, Д. Ролл-Хансен заметила, что перевод вместе с комментариями должен являться отправным пунктом для нового взгляда на фигуру А. М. Коллонтай и понимания истории норвежско-советских отношений.

Заседание круглого стола проходило при большом интересе аудитории, а в заключение возникла оживленная дискуссия, в ходе которой российские и скандинавские историки высказали различные мнения и поделились малоизвестными фактами относительно личности А. М. Коллонтай и ее исторического наследия. Необходимо отметить стремление авторов докладов к выявлению и освещению новых аспектов деятельности колоритной фигуры А М. Коллонтай, что свидетельствует об актуальности темы как в России, так и в соседних северных странах и открывает перспективы ее дальнейшего изучения.

А. С. Касиян,
аспирант кафедры всеобщей истории
исторического факультета ПетрГУ

■ 24 и 25 марта 2009 года в Петрозаводском государственном университете проходила II ежегодная конференция молодых ученых «Россия и мир в XXI веке».

Участниками конференции стали молодые преподаватели, аспиранты и соискатели четырех факультетов общественных наук – исторического, экономического, юридического и факультета политических и социальных наук. Идея конференции, которая впервые состоялась ровно год назад, в марте 2008 года, принадлежала декану факультета политических и социальных наук, профессору В. С. Максимовой и нашла активную поддержку (в том числе организационную и финансовую) руководства вуза в лице ректора ПетрГУ профессора А. В. Воронина и деканов участвующих факультетов.

Основная цель конференции – мотивировать молодых ученых ПетрГУ к развитию и апробации собственных научных исследований, обмену мнениями и идеями. Помимо этого, важной задачей конференции является знакомство молодых ученых, а также студентов участвующих факультетов с представителями научной элиты ведущих российских вузов и исследовательских учреждений и результатами их научного творчества. В этом году в конференции участвовали: *доктор философских наук, профессор Ю. А. Красин*, руководитель Центра анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, с докладом «Инновационный тип развития: Россия на старте»; *доктор политических наук, профессор, член Президиума Академии политической науки Л. Н. Тимофеева*, заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ, с докладом «Векторы политического развития России в XXI веке в контексте социальной справедливости»; *доктор философских наук, профессор В. А. Гуторов*, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, с докладом «Интолерантность как фактор развития современной России».

На открытии конференции 24 марта с приветственной речью выступил ректор ПетрГУ, профессор А. В. Воронин. В своем обращении к участникам пленарного заседания он отметил актуальность и злободневность экономических и социально-политических вопросов, которые поднимаются докладчиками. Пленарное заседание было объединено общей тематикой: проблемы и перспективы развития современной России.

Второй день конференции, по традиции, прошел на факультетах. В качестве руководителей секций выступили деканы факультетов: *профессор В. С. Максимова* (факультет политических и социальных наук), секция «Социально-политическое развитие России и международные отношения в XXI веке»; *доцент С. Г. Веригин* (исторический факультет), секция «Россия и Европа: исторические основания политической и экономической модернизации»; *профессор В. Б. Акулов* (экономический факультет), секция «Экономика России в условиях мирового экономического кризиса»; *профессор С. Н. Чернов* (юридический факультет), секция «Правовые аспекты устойчивого развития России в XXI веке».

По результатам конференции будет выпущен сборник материалов.

Г. О. Яровой,
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры международных отношений факультета политических и социальных наук ПетрГУ

25 апреля 2009 года исполнилось 75 лет кандидату филологических наук, доценту кафедры русской литературы, заведующей курсом журналистики филологического факультета ПетрГУ *Ларисе Николаевне Колесовой.*

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА КОЛЕСОВА
К 75-летию со дня рождения

Лариса Николаевна Колесова родилась в 1934 году в Ленинграде, затем семья переехала в Карелию, и с 1940 года ее жизнь неразрывно связана с нашим северным краем.

После окончания в 1957 году историко-филологического факультета Петрозаводского университета Л. Н. Колесова в течение нескольких лет работала ответственным секретарем многотиражной газеты «Петрозаводский университет». В 1962–1965 годах училась в аспирантуре при кафедре русской и зарубежной литературы университета. После успешной защиты в 1966 году кандидатской диссертации («Пионерские журналы в истории советской детской литературы 20-х годов XX века») она стала преподавателем, а с 1971 года – доцентом этой кафедры.

Л. Н. Колесова в разные годы читала и читает общие курсы «Введение в литературоведение», «История детской литературы», «История литературной критики XX века», «Основы теории журналистики», а также спецкурсы по истории и теории детской литературы и журналистики. Все читаемые Л. Н. Колесовой курсы отличаются, как это признают и студенты, и ее коллеги, исключительно высоким научно-методическим уровнем и таким же высоким лекторским мастерством.

В течение последних лет Л. Н. Колесова – заведующая курсом журналистики на кафедре русской литературы. Благодаря ее усилиям и организаторскому таланту была открыта и успешно развивается специализация по журналистике.

Научные интересы Л. Н. Колесовой связаны с проблемами теории и истории детской литературы и журналистики. Она является ведущим специалистом – представителем научной школы, основанной профессором И. П. Лупановой. Она автор ряда книг и множества статей, посвященных детской литературе и журналистике, постоянный редактор межвузовского сборника «Проблемы детской литературы и фольклор». Научные публикации Л. Н. Колесовой всегда вызывают широкий отклик отечественной и зарубежной общественности.

Лариса Николаевна полна творческих замыслов. Накануне своего юбилея она сделала хороший подарок читателям – в начале 2009 года вышла в свет ее новая обобщающая монография «Детские журналы России. XX век».

Л. Н. Колесова награждена Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации и нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Поздравляем Ларису Николаевну с юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, оптимизма, благодарных учеников и новых творческих замыслов!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

8 апреля 2009 года исполнилось 60 лет доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой теории, истории государства и права юридического факультета ПетрГУ *Ростиславу Науфальдовичу Дусаеву*.

РОСТИСЛАВ НАУФАЛЬДОВИЧ ДУСАЕВ
К 60-летию со дня рождения

Р. Н. Дусаев с отличием закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «История образования независимого Финляндского княжества». В 1992 году – докторскую диссертацию на тему «Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.».

В мае 1991 года Ростислав Науфальдович перешел в ПетрГУ с юридического факультета Санкт-Петербургского университета и стал одним из основателей юридического факультета в нашем вузе, возглавив в мае 1991 года кафедру правоведения исторического факультета ПетрГУ. Впоследствии юридический факультет приобрел самостоятельный статус, а Ростислав Науфальдович с 1993 по 1999 год являлся его деканом. В 1994 году Р. Н. Дусаев стал одним из соучредителей первой в Российской Федерации юридической клиники, успешно работающей на юридическом факультете и поныне. С 1994 года и по настоящее время Р. Н. Дусаев является заведующим кафедрой теории, истории государства и права юридического факультета ПетрГУ. На высоком теоретическом уровне им подготовлены и читаются общие и специальные учебные курсы: «История государства и права зарубежных стран», «Эволюция уголовного права зарубежных стран», «Правовые основы деятельности Интерпола».

Преподавательскую работу Р. Н. Дусаев успешно сочетает с научно-исследовательской деятельностью. Он является автором более ста научных публикаций, среди которых наиболее значимы: «История образования независимого Финляндского государства», «Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: история создания, основные институты». Готовится к выпуску очередная монография, посвященная правовому статусу Великого княжества Финляндского. Активно и успешно Р. Н. Дусаев выступает с результатами своих научных исследований на конференциях, симпозиумах разного уровня. Признанием его научных заслуг являются приглашения для чтения лекций в ведущие отечественные и зарубежные вузы (СПбГУ, Вермонтская школа права в США и др.).

Он награжден Орденом почета (2002 г.) и пятью медалями; внесен в российское издание «Who is who in Russia» (2001 и 2002 гг.) и в книгу Международного биографического центра (Кембридж, Англия) «Живые легенды», неоднократно вносился в список лучших людей Петрозаводска.

Поздравляем Ростислава Науфальдовича с юбилеем, желаем ему здоровья, благополучия, успехов во всех делах и начинаниях!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до)). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

STATE AND LAW

Larichev A. A.
OFFICIAL LANGUAGE AS AN INSTITUTIONAL ELEMENT OF THE CONSTITUTIONAL STATUS OF THE REPUBLIC OF KARELIA
Summary: One of distinctive features of legal status of the republics within Russian Federation is the right to establish their own official languages. The implementation of this right, however, sometimes may not be well-grounded, since the use of the republic's title nation language may be (like in Karelia) limited. What status should republic's title nation languages then have? How to maintain their security and development?
Key words: Constitutional and legal status of Russian republics, official language, native culture, national cultural autonomy **7**

Kawasmi B. A.
PECULIARITIES OF STATE AND LEGAL SYSTEMS IN ISRAEL AND PALESTINIAN AUTONOMY
Summary: This article is devoted to the basic features of current governmental and legal systems of Israel and the Palestinian Autonomy. The issues of the legal aspects of the activities identified by the State, the advantages and disadvantages of the legislation system in these countries are considered.
Key words: State, Palestine, Israel, East Jerusalem, Constitution, Hamas, Fatah, High Court **11**

HISTORY

Dianova E. V.
HISTORICAL REVIEW OF CREDIT-COOPERATIVE LEGISLATION IN RUSSIA (THE END OF XIX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)
Summary: The article deals with the legislation system development in the sphere of credit cooperation at the end of XIX century and first third of the XX century. The paper focuses on the issues of the state regulation of credit cooperation institutions before the revolution of 1917 and during the first decade of Soviet Power.
Key words: Credit cooperation, cooperative credit, cooperative law, agricultural credit **19**

Pashkov A. M., Tretyakova Yu. P.
MATHIAS A. CASTREN ON THE KOLA PENINSULA
Summary: The article devotes to the significant contribution of the famous Finnish scholar and traveler M. A. Castren to the research of the Saami people of the Kola Peninsula.
Key words: M. A. Castren, the Kola Peninsula, Saami, Finno-Ugric studies **28**

CULTUROLOGY

Savvateyev Yu. A.
CULTURAL –MUSICAL LIFE IN KARELIA IN THE THIRTIES OF XX CENTURY
Summary: The article deals with one of the innovations in the Karelian culture in the thirties of the XX century. This fact is connected with the revival of Karelian and Finnish folk musical instrument – kantele, its development and use in professional musical art. The initiator of the process was V.P. Gudkov, who first created experimental kantele orchestra and later the State Ensemble of Song and Dance "Kantele", which became the essential part of musical life in Karelia and in Russia.
Key words: "Kalevala", V. P. Gudkov, kantele **38**

Izhikova N. V.
INNOVATIVE POTENTIAL OF CULTUROLOGICAL METHODOLOGY IN THE THEORY OF CULTURAL POLICY
Summary: In the theory of cultural policy the methodological variety, accumulated in science and humanities is constantly growing. But in the cultural-political practice the methodological paradigm, which establishes predominant position of economic-centrism over cultural-centrism and geopolitics over chrono-politics still prevails. The modern situation causes

challenges focusing on culture as the factor of society development.
Key words: The cultural policy, political cultural science, cultural pluralism, geopolitical and chrono-political approaches **45**

POLYTOLOGY

Aleshkina A. S.
MAIN PRINCIPLES OF CANADIAN POLICY IN THE ARCTIC ZONE
Summary: The article is devoted to the state policy in Canada in the Arctic region. At present many states reveal an increasing interest to the Arctic region in the area of its exploration and exploitation of the resources dew to the new possibilities having been opened by the climate change. Based on the analysis of Canada's main documents on foreign policy the article investigates the priority of the Arctic thrust of Canadian foreign policy as well as its attempts to strengthen its sovereignty there.
Key words: Canadian Foreign Policy, North and the Arctic, «Northern Dimension» **49**

PHILOLOGY

Mishin A. I.
EPOS "KALEVALA" AS THE WORK OF LITERATURE OF THE XIX CENTURY
Summary: The article is devoted to the 160th anniversary of classic version of "Kalevala" (1849), created by Elias Lönnrot on the basis of folk poetry and perceived as the work of literature of the XIX century.
Key words: Poem, "Kalevala", labor ethics, people unity, modern problems **56**

Lyzlova A. S.
THE VEPSIAN TALETELLER F. S. SMIRNOV
Summary: The paper describes the biography repertoire of a brilliant Vepsian taleteller F.S. Smirnov (1863–1938). The 54 texts recorded from him make up the 115th collection of the Karelian Research Centre's Scientific Archives. Many of Smirnov's fairy-tales were included in the «Vepsian Fairy-tales» volume published in 1941, which has now become a bibliographic rarity. The paper offers some additional information about the biography of the bearer of both Vepsian and Russian traditions.
Key words: Folklore of the Veps, folklore tale, Archive of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, folklore gatherer G. E. Vlasyev, taleteller F. S. Smirnov, collection of tales, repertoire, tradition **65**

PHILOSOPHY

Pivoyev V. M.
WORD AS SUBSTANCE OF SPIRIT
Summary: The article considers an ontological aspect of a word as a substantial-energetic phenomenon of the consciousness.
Key words: Word, substance, spirit, energy, consciousness, meaning and sense **70**

Kabanova L. I.
FEATURES OF EXTENTIAL WORLDVIEW IN THE RUSSIAN AVANT-GARDE
Summary: In the article the author appeals to one of the most complex phenomenon in the history of the Russian culture. The main existential features of avant-garde are being uncovered and the reasons for their origin are being analyzed.
Key words: Russian avant-garde, culture crisis, existential crisis **75**

Volkova S. V.
THE CONCEPT OF "MEANING": PHILOSOPHICAL, PSYCHOLOGICAL, AND EDUCATIONAL APPROACHES
Summary: The article deals with the analysis of one of the most significant concepts in contemporary philosophy, psychology and education – the concept of "meaning". Reflecting on the nature of meaning and its essence characteristics the author comes to the conclusion that the educational process can be humanistic in nature so far as it is organized as experiencing and creating of personal meanings.
Key words: Philosophy, sense, subject, personality, knowledge, education **80**

ECONOMICS

Revaikin A. S.
SELF-RELIANCE OF CONSOLIDATED BUDGETS OF THE NORTH REGION
Summary: The revenue profit structure of consolidated budgets of the RF subjects of the North region is being analyzed in the article. The analysis has been carried out on different components, such as the sources of tax collection, structure gratuitous transfer, self-reliance of private and united revenues.

Key words: Self-reliance of budget receipts, consolidated budget, budget income and expenditure, budget deficit, taxes, gratuitous transfers **86**

Levkin N. V.
FUNCTIONS AND MECHANISM OF MANAGEMENT OF ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE BUSINESS SYSTEM
Summary: In the article the functions and the mechanism of management of organizational culture are being revealed, and the key technologies of change of organizational culture are analyzed.
Key words: Organizational culture, system of business, function, the mechanism of management of organizational culture, efficiency of organizational culture **91**

REVIEWS

Neelov E. M.
The book review: Kolesova L. N. *Children Magazines of Russia. The XX century* **101**

DISCUSSION

Mayevsky V. I., Akulov V. B.
Anent the Reasons of the World Financial Crisis **103**

MEMORY

Gin I. M., Loiter S. M.
Moisei Mikhailovich Gin. To the 90th Birthday Anniversary **107**

SCIENTIFIC INFORMATION **110**

JUBILATION

To the 75th Birthday Anniversary of L. N. Kolesova **113**
To the 60th Birthday Anniversary of R. N. Dusaev **114**

INFO FOR THE AUTHORS **115**